

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ, ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

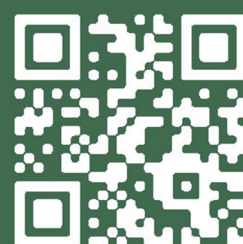
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 АВГУСТА 2017 Г.

в четырех частях

ЧАСТЬ 3

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ,
ТЕХНОЛОГИЙ, ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 августа 2017 г.

В четырех частях
Часть III

Белгород
2017

УДК 001
ББК 72
С 56

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАН (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МАН, академик РАН, Почетный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибов Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

С 56 **Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 августа 2017 г.: в 4 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть III. – 160 с.

ISBN 978-5-9500747-5-2

ISBN 978-5-9500747-8-3 (Часть III)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности», состоявшейся 31 августа 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам развития социально-гуманитарных наук.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Барашева Д.Е., Елькина Д.С.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА	6
<i>Бондаренко И.В.</i> ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЦИТАТЫ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ.....	12
<i>Ерёмина О.В.</i> КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ ПРИКАЗА	18
<i>Ильина О.М.</i> ЯЗЫК СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК НОВАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ	21
<i>Кузнецова И.Н.</i> ДИСКУРС: ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ. ГЕНЕЗИС ТЕОРИИ ДИСКУРСА.....	24
<i>Куприева И.А., Брыкова Е.М.</i> ИСТОРИЯ ВЛИЯНИЯ АРАБСКОГО МИРА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	28
<i>Линник Л.А.</i> НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	31
<i>Прыткова О.А., Рябцев С.С.</i> ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАНСПОРТА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ	35
<i>Рамантова О.В.</i> МОДАЛЬНАЯ ОЦЕНКА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ, СОДЕРЖАЩИХ ЗНАЧЕНИЕ «СЛУХИ».....	38
<i>Сайбулова А.Ж., Жаглова Т.М.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ А.П. КУЗНЕЦОВА «ЗАСИДКИ»).....	41
<i>Шкапенко Т.М.</i> АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ ИЗВИНЕНИЯ.....	46
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»	50
<i>Гадалов В.Н., Макарова И.А., Филатов Е.А.</i> РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ГУМАНИЗМА В РУСЛЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ.....	50
<i>Трынкин В.В.</i> ОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ.....	52
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	60
<i>Бабаджанова М.М., Юсупова М.</i> МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	60
<i>Галимова Э.М.</i> ЖАНРЫ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ ТАТАР ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ	66
<i>Голубь Н.А.</i> ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИДНЕСТРОВЬЯ	70

Степанов В.С.	
ДВОЙСТВЕННОСТЬ МИРОЗДАНИЯ В ПОЭТИКЕ К.Д. БАЛЬМОНТА: К ПРОБЛЕМЕ МИНИАТЮРИЗАЦИИ КОСМОСА СИМВОЛИЗМА	73
СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	78
Абдулхожаев И.Ш.	
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТОРОНА ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	78
Беседина М.С.	
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО СТ. 317 УК ЗА ПОСЯГАТЕЛЬНОСТЬ НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА.....	81
Боровков П.С.	
ФОРМИРОВАНИЕ АРХАИЧНЫХ ИНСТИТУТОВ РИМСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТИТА ЛИВИЯ	84
Змиевский Д.В.	
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГОСКОНТРАКТОВ	87
Карташова Г.Н.	
ПОНЯТИЕ ТРУДОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА 14 ЛЕТ	91
Корсаков К.В.	
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ АДАПТАЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	94
Меженина Е.В.	
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	97
Палий А.Ю.	
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СВЕДЕНИЙ О ТИПЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РОЛЯХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ.....	103
Родионова С.А.	
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ	111
Рыбак С.В.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	115
Садыков И.А.	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	120
Солдатова А.В., Солдатов Я.В.	
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ И США.....	124
Хисматуллин И.Г.	
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ДОЗНАНИЕ УПРОЩЕННОЙ ФОРМОЙ РАССЛЕДОВАНИЯ?	127
Хохловский М.В.	
О РОЛИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА	130

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	136
<i>Шлюндт Н.Ю.</i>	
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЗАЦИИ СЕТИ SWIFT В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ.....	136
СЕКЦИЯ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ»	140
<i>Лысов Е.А., Корольков А.Н.</i>	
ОБЪЕМ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИГРОКОВ И ТРЕНЕРОВ В СОРЕВНОВАНИЯХ ПО МИНИ-ГОЛЬФУ	140
<i>Филиппова Е.Н., Шамаева А.А.</i>	
ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ЗАНЯТИЯХ ЛЫЖНОЙ ПОДГОТОВКОЙ	144
<i>Шалагинов В.Д.</i>	
АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ ВИДОВ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОГО СПОРТА В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ПОДГОТОВКИ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ С ЦЕЛЬЮ РАЗРАБОТКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДИК	147
<i>Шамаева А.А.</i>	
ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ФУТБОЛОМ НА ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	150
СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ».....	153
<i>Шпак А.С.</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ РОСТА ЭКОНОМИКИ.....	153

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА

Барашева Д.Е.

доцент кафедры «Общая и прикладная педагогика и психология», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, Россия, г. Севастополь

Елькина Д.С.

учитель, ГБОУ школы №1 Санкт-Петербурга, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье представлены основные результаты анализа основополагающих свойств художественного текста, характеризующегося дискурсивной природой; выделены такие свойства, как информативность, когезия, когерентность, целостность, антропоцентричность, социологичность, диалогичность, интерпретируемость, эстетичность; на основании проведенного анализа художественный текст обосновывается как средство объективации концепта.

Ключевые слова: связь, художественный дискурс, художественный текст, свойства художественного текста, автор, реципиент, концепт.

Актуальность исследования. Проблема объективации концепта входит в круг актуальных исследований когнитивной лингвистики. Как правило, изучаются различные лингвистические аспекты объективации маркируемых конкретными лексическими именами концептов (например, М.С.Командакова, 2012; А.В.Еременко, 2012; Л.Н.Горянова, 2012; Л.З.Гибадуллина, 2012; О.М.Смирнова, 2014), в том числе на материале анализа текстов (например, Е.С.Абрамова, 2012; И.Ю.Лавриненко, 2014), художественных текстов (например, Е.С.Бульбенко, 2013; В.С.Машонина, 2015; Г.Е.Маханова, 2016; О.С.Акетина, 2017). Между тем, открытым остается вопрос того, какие свойства художественного текста и как детерминируют объективацию концепта посредством выполнения художественным текстом функции дискурсивной медиации сознаний коммуницирующих субъектов.

Цель работы: посредством анализа основополагающих свойств художественного текста обосновать художественный текст как средство объективации концепта.

Основные результаты теоретического исследования

Множественность подходов и мнений относительно природы текста обусловлены междисциплинарным статусом теории текста и ее связью с целым рядом научных парадигм, что делает текст сложным объектом исследования.

Систематизируя определения текста, данные различными учеными, необходимо отметить следующие их две основные характеристики.

С одной стороны, это краткие образные определения, подчеркивающие какой-то основной признак текста: по О.Л.Каменской, определяет текст как «основное средство вербальной коммуникации» [12, с. 20]; по Д.С.Лихачеву, «языковое выражение замысла его создателя» [14, с. 69]; по Н.А.Николиной, «особым образом организованная индивидуальная динамическая система» [16, с. 132]; по А.А.Леонтьеву, «функционально завершенное речевое целое» [13, с. 196]; по

Л.В.Сахарному, «некоторое связующее звено в коммуникации говорящего и слушающего» [18, с. 35]; по В.П.Белянину, «отражение действительности», соотнесенное с «затекстовой реальностью» [6, с. 86].

С другой стороны, это развернутые определения текста, описывающие различные комбинации его характерных признаков. По мнению И.Р.Гальперина, «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [9, с.18]. В.П.Белянин считает, что текст «представляет собой основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивида и т.д.» [6, с. 6]. В.Г.Адмони подчеркивает значимость роли автора и утверждает, что художественный текст это «возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания» [1, с. 120]. В.А.Пищальникова определяет художественный текст «как коммуникативное направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [17, с. 3].

Результаты анализа вышеприведенных работ позволяют выделить ряд основных категорий художественного текста, которые в их интегративной взаимосвязи обуславливают, по нашему мнению, свойство художественного текста объективировать концепт: информативность, когезия, когерентность, целостность, антропоцентричность, социологичность, диалогичность, интерпретируемость, эстетичность.

Интегративная взаимосвязь всех функциональных структурно-содержательных составляющих художественного текста обусловлена, в первую очередь, его дискурсивной природой. Именно она, по результатам анализа А.Ю.Аругюновой, «обуславливает его внутреннюю и внешнюю диалогичность, и отношения в этих структурах различных порядков изофункциональны: внутри текста категория связности охватывает его конститутивные элементы, а в интертекстуальном взаимодействии категория связности начинает функционировать на уровне элементов, каждый из которых сам по себе представляет собой текст» [2].

Информативность художественного текста как «степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли», по заключению Н.С.Валгиной, зависит от потенциального читателя [8]. Компетенция в области художественной рецепции, с одной стороны – читателя, и в области художественного производства, с другой стороны – автора, а также общая социокультурная компетенция их обоих обеспечивает возможность «объективации» концепта посредством специфической в каждом отдельном случае реляции кодирования концепта автором и его декодирования и деконструкции реципиентом. Так или иначе, любой художественный текст информативен, а, значит, «транслирует» содержание концепта.

Когезию И.Р.Гальперин определяет как «формы связи – грамматические, семантические, лексические – между отдельными частями текста, определяющие переход от одного контекстно-вариативного членения текста к другому» [9, с. 513]. Как линейная, синтагматическая связь фрагментов текста когезия обусловлена, со

стороны автора способностью логически последовательного развертывания концептуального замысла, что создает, соответственно, возможность для читателя воспринимать концептуальный замысел. А, со стороны реципиента она обусловлена способностью реципиента воспринимать последовательность художественного изложения.

Когерентность Т.М.Николаева определяет как некое глобальное единство, которое реализуется в тексте путем его развертывания «подобно предложению в генеративной грамматике, проходя иерархию уровней – от исходных абстрактных символов до конкретного воплощения» [15, с. 33]. Когерентность, в отличие от когезии, относится к парадигматическому способу связи выражаемой или воспринимаемой семантики. По И.А.Гальперину, «если когезия регулируется в синтагматическом разрезе, то интеграцию (в другом термине – когерентность; *вставка наша*) можно представить себе как парадигматический процесс» [9, с. 131]. Все средства создания текста связываются в «пучок» семантических нитей, в семантическую «паутину», развертывающую из центрального иницирующего концепта «ткань» информативного художественного сообщения. При восприятии реципиент, интегрирует последовательно воспринимаемые фрагменты в единую целостную, сингулярную смысловую связь – деконструирует художественный концепт.

Целостность текста, по Л.Г.Бабенко, «в большей степени психолингвистична и обусловлена законами восприятия текста, стремлением читателя, который декодирует текст, соединить все его компоненты в единое целое» [3, с. 56]. Следует заметить, что целостность также необходимо понимать в дискурсивной связи автора и читателя, а не только декодирования его читателем. Целостность, вероятно, с одной стороны, присуща тексту с момента его зарождения в сознании автора (с поправкой на то, что текст становится текстом в полном – социолингвистическом, смысле тогда, когда его воспринимает реципиент). Даже если авторский замысел еще не четко им представлен и структурирован, он все равно представлен в сознании автора, и разворачивается по мере осмысления и вербального выражения и завершения. С другой стороны, «зачинается», развивается и в различной степени ясности осознается реципиентом в процессе чтения. Так, по утверждению Ю.С.Сорокина, будучи ориентированной на план содержания и на смысл, целостность «есть латентное (концептуальное) состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия реципиента и текста» [19, с. 65].

Антропоцентричность художественного текста, по Е.А.Гончаровой заключается в том, что у художественного текста «есть как бы три центра: автор – создатель художественного произведения; действующие лица; читатель – «сотворец» художественного произведения» [10, с. 3]. И автор – в процессе художественного производства, и читатель – в процессе художественного восприятия, есть воплощение всех трех центров – создатель (автор, а также читатель – в процессе деконструкции он также «создает текст»), реципиент (читатель, а также автор – в процессе создания текста он воспринимает созданные им образы, персонажи, отношения, вербальные фигуры, и рефлексировать, коммуницируя с самим собой и с предполагаемым реципиентом, или с собой как с реципиентом), действующее лицо (персонаж, а также и автор, и реципиент – они «вживаются» в различные «текстовые» роли; как минимум, это обусловлено присущим человеку свойством эмпатии).

Социологичность текста акцентирует М.М.Бахтин: «всякое литературное произведение внутренне имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, а каждый элемент его формы пронизан живыми социальными

оценками» [5, с. 181-182]. Социологичность художественного текста определяется его связью с определенным временем, эпохой, социальным устройством общества, а также социальной функцией, которую он выполняет. Данное свойство обусловлено связью общей социокультурной компетенцией автора и реципиента, которая, в различной степени, но присуща обоим. Соответственно, она обуславливает дискурсивную объективацию художественного концепта в «диалоге» между автором и реципиентом, посредством актуализации общих или сходных для них знаний, и, на этом фоне, усиливает притягательность новой для реципиента информации.

Диалогичность текста, по данным работы А.Ю.Арутюновой – «это особая его категория, особая форма взаимодействия между когнициями участников диалога, проявляющаяся в формировании языкового состава высказывания адресанта под влиянием адресата» [2]. В художественном дискурсе осуществляется «динамичный процесс диалогического взаимодействия автора и читателя, с одной стороны, и языковых, социально-интеракционных и культурных явлениями, с другой; он формирует социально-культурный опыт общества и индивидуальный опыт человека» [2].

М.М.Бахтин определяет диалогичность художественного текста в том, что каждый текст представляет собой ответную реакцию на другие тексты, так «как всякое понимание текста есть соотнесение его с другими текстами» [5, с. 364]. Ученый связывает диалогичность с категориями бесконечности, открытости, многоплановости его содержания, что не допускает однозначной интерпретации текста [5, с. 364]. И, таким образом, обуславливает актуальность текстов художественных произведений в разных социокультурных и исторических онтологических хронотопах. Соответственно, диалогичность обуславливает коммуникативную дискурсивную объективацию концепта вне зависимости от времени и пространства создания текста художественного произведения и его прочтения, обеспечивает – прежде всего, в связи со свойством социологичности – интертекстуальность, и способствует связи поколений.

Интерпретируемость художественного текста, по В.З.Демьянкову, определяется тем, что он субъективно создается автором для выражения своих индивидуально-авторских представлений и знаний о мире с помощью структурированной системы языковых средств и направлен к читателю, который также отличается субъективностью собственной специфической индивидуальной психолого-эстетической организацией [11]. По результатам анализа Д.Е.Барашевой и Н.Н.Петренко, интерпретация имеет в виду 1) связь процесса и результата направленного когнитивного действия познающего субъекта, 2) которая оформляется как целенаправленная познавательная деятельность субъекта-интерпретатора и 3) является закономерной потребностью познающего субъекта, обеспечивающей развитие, поскольку 4) реализует интенцию или намерение создать значение в соответствии с целеполаганием и ожиданиями субъекта в контексте опыта [4].

Эстетичность художественного текста Н.С.Болотнова понимает как «способность вызывать эстетический эффект (качество, создаваемое всей системой художественного произведения) и эстетически ориентированную концептуальность – свойство, отражающее неповторимость творческой индивидуальности автора и его эстетического отношения к действительности» [7, с. 202]. Следует добавить только, что эстетичность определяется также и уровнем развития способности художественной рецепции читателя, а также уровнем развития его творческих способностей, которые обуславливают глубину и тонкость перцепции художественного замысла.

Выводы

Художественный текст является особым средством объективации концепта. Такие его свойства, как информативность, когезия, когерентность, целостность, антропоцентричность, социологичность, эстетичность, диалогичность, интерпретируемость обуславливают то, что в художественном тексте, точнее – в коммуникативном процессе взаимодействия автора и читателя, концепт получает лингвокогнитивную дискурсивную объективацию. С одной стороны, данные свойства обусловлены соответствующими способностями и компетенциями автора и читателя. И, с другой стороны, они в их интеграции детерминируют объективацию концепта в сознании участников коммуникации.

Информативность («смысло-содержательная новизна») в реляции кодирования (автором) и декодирования или деконструкции (реципиентом) определяет «трансляцию» содержания концепта художественного текста. *Когезия* (система синтагматических связей) определяет линейное развертывание семантических признаков концепта и, таким образом, их накопление, необходимое для когерентности. *Когерентность* (система парадигматических связей) обуславливает формирование семантического поля концепта, связывая его признаки по принципу их сгущения в ядре и различного распределения в периферийных зонах. *Целостность* (содержательно-функциональное единство многоплановой смысловой структуры текста) определяет функциональную связь содержательных и структурных признаков концепта по принципу символического гештальта – символической конфигурации форм организации содержания. *Антропоцентричность* (центрированное на личности субъекта триединое функциональное средоточие «автор-персонаж/образ-читатель») и *социологичность* (функция символической социальной связи сознаний субъектов и событий в разноплановых аспектах времени и пространства) обеспечивают дискурсивную связь сознаний личностей в социокультурном интертексте, определяющем сообщение субъектов. *Диалогичность* («соотнесение текста с другими текстами», соотнесение когний и сознаний субъектов посредством символической тексто-медиации) обеспечивает символическую «канализацию», «транспортировку» смыслов между сознаниями социокультурных субъектов. *Интерпретируемость* (способность восприятия, создания и развития значений в соответствии с целеполаганием и ожиданиями субъекта – автора и реципиента, в контексте опыта) обеспечивает объективное понимание семантики (кодирование и декодирование), субъективное объяснение (рефлексия), трансформацию и модификацию (субъективная вариативность кодирования и деконструкции) и «приращивание» новых смыслов (динамика развития). *Эстетичность* (свойство «вызывать эстетический эффект») обеспечивает творческое конструирование и деконструкцию смысла и, следовательно, не ограничивается «объективной» объективацией концепта, но, в связи с другими свойствами художественного текста, обеспечивает познавательно-чувственное, абстрагируемое от конкретностей реальной действительности развитие концепта.

Т.о., в дискурсе художественной коммуникации (диалогической реляции авторского художественного производства и художественной рецепции читателя) основные свойства художественного текста определяют лингвокогнитивные дискурсивные условия объективации концепта.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб., 1994. – 153 с.

2. Арутюнова А.Ю. Диалогичность текста и категория связности : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.19. – Ставрополь, 2007. – 188 с.
3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: учебник для вузов по спец. «Филология» / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: изд. Урал. ун-та, 2000. – 534 с.
4. Барашева Д.Е., Петренко Н.Н. Онтология и гносеология притчи в дискурсе постмодернизма: сопоставление с традиционной и модернистской притчей / Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики: монография. Книга 4 / Ж.Б. Абильдинова, Д.Е. Барашева, Е.В. Головина и др. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. – С. 9-42.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин // Из истории сов. эстетики и теории искусства / Сост. С.Г. Бочаров / Текст подгот. Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина / Примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
6. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 121 с.
7. Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста / Н. С. Болотнова // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – С. 198-207.
8. Валгина Н.С. Информативность текста и способы ее повышения / Н. С. Валгина. Теория текста. Москва, Логос. 2003. – 173 с.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
10. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте / Е.А. Гончарова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 149 с.
11. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. №2, 1999. – С. 5-13.
12. Каменская О.Л. Мыслительные и языковые категории в тексте / О.Л. Каменская. // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – 1985. – Вып. 252. – С. 20-33.
13. Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике / А.А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – 1979. – С. 196-201.
14. Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1964. – С. 69-98.
15. Николаева Т.М. Актуальное членение предложения / Т.М. Николаева // Русский язык: энциклопедия. – М., 1997. – С. 33–36.
16. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
17. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста / В.А. Пищальникова. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1991. – 88 с.
18. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста / Л.В. Сахарный // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 35-38.
19. Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность / Ю.А. Сорокин // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. –1982. – С. 61-73.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЦИТАТЫ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

Бондаренко И.В.

доцент института гуманитарных наук, канд. филол. наук, доцент,
Калининградский федеральный университет им. И. Канта, Россия, г. Калининград

В статье рассматриваются лингвопрагматические свойства цитаты – прямой, косвенной, не прямой анонимной и самоцитаты – в английском политическом выступлении. Цитация используется в качестве механизма выдвижения альтернативного решения, инициирующего возникновение в ораторском монологе диалога дискуссионного характера между политиком и анонимным автором, либо между политиком и известной личностью, а также диалога политика самим с собой, что способствует зарождению новых подходов у оратора к решению политических проблем, обоснованию правильности принимаемых решений и убеждению слушателей в своей правоте.

Ключевые слова: прямая цитата, косвенная цитата, самоцитация, ораторский монолог, диалог дискуссионного характера.

Политическое выступление представляет собой сложное многогранное явление, рассматриваемое как процесс коммуникации, особенностью которого является направленность на адресата с целью не только завоевать и удержать внимание слушателей, добиться одобрения и поддержки послания, но и побудить слушателей к общественно-политической реакции. Для достижения поставленной цели требуется тщательный отбор и организация языковых средств разных уровней, совокупность которых и позволяет создать особый тип текста – политическое выступление.

Изучение текстов английского политического выступления свидетельствует о высокой частотности употребления разнообразных цитат в речах политиков, как важного инструмента воздействия на национальное сознание и эффективного средства достижения политической цели. В процессе такого воздействия оратор пытается реализовать свои намерения и установки, что требует представления перед аудиторией убедительных фактов и доказательств в пользу необходимости их осуществления. Как оказалось, весьма успешно с реализацией замысла английского политического дискурса справляется использование цитат. М.М. Бахтин определяет цитату как «чужой» текст в своем [1], в котором она может видоизменяться, допуская некоторые трансформации исходного варианта. В тексте политического выступления распространены цитирования не только сохраненных с помощью письма высказываний, но и воспроизведения устных высказываний политиков, простых людей из народа и т.д.

Политические выступления премьер-министра Великобритании Терезы Мей отличаются регулярным использованием разного рода цитат – прямых, косвенных, не прямых анонимных, цитат с опущением части оригинала, а также самоцитации. Ещё, будучи министром внутренних дел, Тереза Мей в своем выступлении на конференции Консервативной партии использовала целый каскад цитат, которые сделали речь чрезвычайно доказательной и убедительной, что позволило манипулировать сознанием слушателей, склонив аудиторию на свою сторону. Во вступительной части к этой речи оратор, пытаясь обосновать в качестве основной цели политики сокращение преступности, использует устное высказывание комиссара лондонской полиции Бернарда Хоган-Хоуа, начавшего войну с преступностью. Введе-

ние в ораторский монолог прямой цитаты инициирует возникновение диалоговой реплики министра внутренних дел Терезы Мей: “I couldn’t agree more”, подкрепленной целым рядом выдвинутых инициатив, завершающим аккордом которых является самоцитирование, демонстрирующее единство взглядов министра с подчиненным:

“As **Bernard Hogan-Howe**, the new Metropolitan Police Commissioner, says, *police officers aren’t social workers, they’re there to stop crime, catch criminals and help victims.*

I couldn’t agree more. That’s why the first thing I did as Home Secretary was abolish all police targets and set chief constables one clear objective: cut crime. I haven’t asked the police to be social workers, I haven’t set them any performance indicators, and I haven’t given them a thirty point plan, **I’ve told them to cut crime.**” [3]

Продолжая речь, Тереза Мей ссылается на альтернативные доводы теневого министра внутренних дел – представителя лейбористской партии, которые реализуются в тексте в виде усеченной цитаты, представляющей собой отрывок текста-источника, логически заверченный окружающим контекстом. Примечательно, что оратор использует цитирование контрастного подхода в качестве механизма выдвижения альтернативы, которая является необходимым инструментом для начала дискуссии о возможных путях решения выдвинутой выше проблемы. Намеренное нарушение целостности монолога выступления дискуссионным диалогом позволяет выступающему повторно аргументировать свою позицию, стараясь достичь правильного решения проблемы.

“It’s amazing that, for the Labour Party, this seems to be a revolutionary idea. When **Ed Balls** was Shadow Home Secretary, he said policing isn’t “only about tackling crime”. It’s not “simply about catching and convicting criminals.”

Well, we know that the police are there to cut crime, and we’re going to help them by taking the axe to Labour’s bureaucracy.” [3]

На фоне цитирования альтернативного мнения теневого министра аргументы Терезы Мей звучат особенно убедительно. При этом включить слушателей в свое дискурсивное пространство и продемонстрировать наметившееся единение с аудиторией политику позволяет использование местоимения множественного числа “we know”, “we’re going”.

Дальнейшие рассуждения по проблемам иммиграционной системы и мерам, которые необходимо принять для её оптимизации, оратор подкрепляет обращением к результатам анализа этой системы, проведенного министром иммиграции Демияном Грином, оформленным в виде косвенной цитаты:

“As **Damian** explained earlier, under Margaret Thatcher and John Major, net migration to Britain was never any higher than the tens of thousands. But under Tony Blair and Gordon Brown, net migration to Britain was in the hundreds of thousands. In total, net migration to Britain under Labour was 2.2 million – more than four times the size of Manchester. That’s why we’ve made it our aim to get net migration back down to the tens of thousands. Cutting immigration is not as simple as turning off a tap – it’s a complex and litigious system – and so it will take time.” [3]

Обосновывая необходимость изменения правил иммиграции, политик использует дословное цитирование фундаментальных статей 8.1 и 8.2 Европейской конвенции по правам человека, касающихся права на семейную жизнь. В этом случае введение в текст выступления прямой цитаты из авторитетного источника задает начало дискуссии оратора с общеизвестными положениями конвенции. В ходе

диалоговой дискуссии Терезе Мей удастся выработать новые подходы к обозначенной проблеме, доказать собственную правоту и привести важные аргументы в пользу предлагаемых изменений:

“I expect not many people have actually read Article Eight, so let me tell you what it says: “Article 8.1. Everyone has the right to respect for his private and family life, his home and his correspondence.” You can imagine, in post-war Europe, what the draftsmen intended. But now our courts – and the problem lies mainly in British courts – interpret the right to a family life as an almost absolute right. Let me read to you the rest of what Article Eight says: “Article 8.2. There shall be no interference by a public authority with the exercise of this right except such as is in accordance with the law and is necessary in a democratic society in the interests of national security, public safety or the economic well-being of the country, for the prevention of disorder or crime, for the protection of health or morals, or for the protection of the rights and freedoms of others.” The right to a family life is not an absolute right, and it must not be used to drive a coach and horses through our immigration system.

The meaning of Article Eight should no longer be perverted. So I will write it into our immigration rules that when foreign nationals are convicted of a criminal offence or breach our immigration laws: when they should be removed, they will be removed.” [3]

Использование оратором цитат авторитетных источников не только как средства нарушения монологического единства политического выступления, но и как механизма, провоцирующего дискуссию, свидетельствует о компетентности политика и умении растолковывать и применять материалы документа для отстаивания своих убеждений. Жесткая позиция Терезы Мей в отношении политики иммиграции отражается на её высказываниях и уверенных заключениях, правильность которых не оставляет сомнений в сознании слушателей.

Рассмотренное обширное цитатное поле в текстовом пространстве одного выступления, когда выступающему удается вплетать в авторский текст цитирование в разнообразных вариантах, дает возможность политике инициировать в ораторском монологе диалоги дискуссионного характера. Дискуссии значительно оживляют политическое выступление, побуждают интерес слушателей к возможным решениям выдвинутых проблем, позволяют усилить воздействие на аудиторию, а также свидетельствуют об осведомленности и включенности оратора в общенациональный политический процесс.

Для английских публичных выступлений характерно использование непрямого анонимного цитирования, которое не имеет ссылки на конкретного автора. Чаще всего такие цитаты принадлежат представителям из народа или непосредственно слушателям и используются политиками, как отправная точка для ведения диалога-дискуссии в монологическом выступлении. Кроме того такие цитаты позволяют обратить внимание аудитории на особое отношение выступающего к мнению не только простых людей, но представителей из аудитории, что стимулирует присутствующих на положительное восприятие речи.

Широко известная публичная речь Терезы Мей по Brexit от 25 апреля 2016 года, в которой оратор настаивала на жестком Brexit, а именно полном разводе с Европейским союзом, уходе Британии из общего рынка и таможенного союза, требовала от оратора веских аргументов в пользу приводимых доводов. Как известно, в политике очень важны впечатления, утверждающиеся в общественном сознании после прослушивания хорошо продуманного и убедительного политического выступления. Поэтому премьер, как сильный лидер, пользующийся репутацией

невозмутимого, хладнокровного политика, построила свое выступление во многом с опорой на не прямые анонимные цитаты, которых насчитывается в тексте более десяти, что обеспечило возможность осуществления диалога с другими текстами, принадлежащими неким анонимным представителям из народа и слушателям из аудитории. Для оратора в этом выступлении было важно завоевать доверие и получить поддержку своей жесткой линии у народа через непосредственное общение с аудиторией, привлекая её внимание к своим словам, заставляя реагировать, и одновременно показать свое уважение к слушателям, обозначить важность их мнения. Например:

“I can already hear **certain people saying** *this means I’m against human rights. But* human rights were not invented in 1950, when the Convention was drafted, or in 1998, when it was incorporated into our law through the Human Rights Act. This is Great Britain – the country of Magna Carta, Parliamentary democracy and the fairest courts in the world – and we can protect human rights ourselves in a way that doesn’t jeopardise national security or bind the hands of Parliament. A true British Bill of Rights – decided by Parliament and amended by Parliament – would protect not only the rights set out in the Convention but could include traditional British rights not protected by the ECHR, such as the right to trial by jury. I also know that **others will say** *there is little point in leaving the ECHR if we remain members of the EU, with its Charter of Fundamental Rights and its Court of Justice. And I am no fan of the Charter or of many of the rulings made by the Court. But* there are several problems that do apply to the Court of Human Rights in Strasbourg, yet do not apply to the Court of Justice in Luxembourg.”[4]

Обращает на себя внимание использование политиком в диалоге с анонимными коммуникантами предложений с противительным союзом ‘but’, когда цитируемые формулировки требуют опровержения или критики. Такие предложения, вводящие новую альтернативную информацию, несут в себе убедительное обоснование мнения оратора и являются началом развертывания дискуссии с аудиторией. В этом случае премьеру удастся привлечь внимание слушателей к наиболее важным положениям своего выступления. При этом аудитория ощущает свое непосредственное участие и вовлечение в дискуссию с государственным деятелем. Такое отношение к адресату положительно воздействует на чувства слушателей, что помогает оратору убедить людей в целесообразности выбранного политиком пути.

Для речи Терзы Мей по выходу Великобритании из Европейского союза характерно нарушение монологического пространства диалогами-дискуссиями, в ходе которых выражаются разные точки зрения и множественность путей решения проблемы. Допуская возможность существования разных подходов, политик представляет альтернативу – одно из возможных решений – оформленную в виде самцитации, то есть авторской цитаты. В результате у аудитории формируется впечатление о своем непосредственном участии в обсуждении насущных проблем, о полном единении с политиком, что существенно усиливает воздействие сказанного на слушателей и готовность аудитории к восприятию нового подхода. Например:

“Now I know **some people say** *the EU does not make us more secure because it does not allow us to control our border. But* that is not true. Free movement rules mean it is harder to control the volume of European immigration – and **as I said yesterday** *that is clearly no good thing – but they do not mean we cannot control the border.*” [4]

В ходе содержательного интегрирования цитаты в ораторский монолог, политик должен сопровождать цитату своей оценкой, заострив именно на ней внимание адресата. Использование анонимных цитат, выражающих противоположную

точку зрения той, которой придерживается оратор, позволяет на контрасте выразить свое отношение к событию и придать большую убедительность и достоверность выносимым политиком оценкам и заключениям. Более того анонимные цитаты выполняют важную роль в формировании смыслов авторского текста. Например:

“Now it is sometimes suggested that Brexit could lead to other countries seeking to leave the European Union. Some even believe that Brexit might be a fatal blow to the whole EU project. And some, I know, think that this would be a good thing. But I’m afraid I disagree. The disintegration of the EU would cause massive instability among our nearest neighbours and biggest trading partners. With the world economy in the fragile state it is, that would have real consequences for Britain. But if Brexit isn’t fatal to the European Union, we might find that it is fatal to the Union with Scotland...” [4]

Материал исследования свидетельствует о том, что в английском публичном пространстве принято самоцитирование, которое успешно реализуется в виде диалога политика с самим собой, когда в полной мере оказываются задействованными межтекстовые связи. Авторская цитата используется оратором в качестве спускового механизма для начала диалога, в котором выступающий в процессе самодискуссии не только знакомит слушателей с ранее высказанными инициативами и дает им соответствующую оценку, но и демонстрирует себя как последовательного политика, неуклонно проводящего в жизнь свои начинания, отвечающие интересам нации. Например:

“And as I said at the Gulf Co-operation Council in December, I hope we can pave the way for an ambitious trade arrangement for when the UK has left the EU, including exploring whether we can forge a new trade arrangement for the whole of the Gulf area. As a global Britain, I am determined that we will be the most committed and most passionate advocate of free trade in the world – and I look forward to continuing these vital discussions on growing our trade and investment as part of hosting the Gulf Co-operation Council in London later this year.” [4]

Самоцитация оказывается чрезвычайно важной для политика, когда требуется ещё раз напомнить слушателям наиболее важные заявления из предшествующих выступлений, продемонстрировав их значимость для текущего момента. Начавшийся самодиалог дает возможность оратору глубже раскрыть заявленный тезис, привести аргументы, побуждающие адресата безоговорочно принять его, а также наметить новые подходы к его реализации и тем самым утвердиться в глазах публики как умелому и виртуозному политику, способному ставить и решать сложные задачи. Например:

“When I had the privilege of addressing the Gulf Co-operation Council in December, I said that the relationship between the United Kingdom and our allies in the Gulf is not just of great historic value – but also fundamental to our shared future. It is fundamental to our shared security because Gulf security is our security, and together we face the same global threats from terrorism and extremism, as we saw again so tragically in London just last week. And it is fundamental to our shared prosperity – for Gulf prosperity is our prosperity – and by growing our trade and investment we can create new jobs and new opportunities for all our people...” [4]

В тексте английского публичного выступления были зафиксированы прямые цитаты, представляющие собой дословное воспроизведение чужой речи [2, с. 108], источником которых являются высказывания видных политиков, ученых, экономистов, государственных деятелей и т.п., которые приводятся без каких-либо измене-

ний. Как правило, прямые цитаты используются английскими политиками в качестве опоры на чужое авторитетное мнение, что позволяет ярче и убедительнее выразить свою мысль в авторском тексте, который как бы растворяясь в цитатах, наверняка отложится в памяти слушателей. Использование дословного цитирования свидетельствуют об общей эрудиции оратора и способно возвысить его в глазах публики, как компетентного и высокообразованного человека.

Так бывший премьер Великобритании Д. Кемерон в своей речи по результатам исследования лордом Ливсоном вопросов о свободе прессы, высказывая и обосновывая недовольство полученными выводами, в качестве поддержки своей позиции ссылается на слова величайшего политического деятеля Великобритании У. Черчилля. Чужое слово выполняет функцию аргумента, подкрепляющего суждения оратора, а комментарий оратора: "He was right" и заключительная фраза подтверждают единомыслие автора с цитируемым текстом.

"It is wrong to create a vehicle whereby politicians could more easily in future impose regulation and obligations on the press. And it is wrong to run even the slightest risk of infringing free speech and a free press in this way or indeed being perceived to do so. **Winston Churchill** said that: "A free press is the unsleeping guardian of every other right that free men prize; it is the most dangerous foe of tyranny". He was right. And today, Mr. Speaker, by rejecting statutory regulation in favour of a Royal Charter this House has defended that principle." [4]

Прямые цитаты в тексте политического выступления участвуют в выстраивании своеобразных диалогических отношений, которые складываются между ораторской речью и цитируемым словом известной личности, и эти отношения далеко не всегда характеризуются единомыслием и являются созвучными.

Премьер-министр Тереза Мей, говоря о рисках, связанных с выходом Великобритании из Европейского союза, подтверждает свои опасения высказыванием Барака Обамы, которое, однако, носит весьма угрожающий характер для страны в создавшейся ситуации. Реакция премьера не заставила себя долго ждать, и политик сопроводила эту цитату довольно оптимистичным комментарием, отмечая прочность и важность существующего партнерства между двумя странами, которые помогут Британии пережить выход из Европейского союза:

"Brexit also risks changing our friendships and alliances from further afield. In particular, as **President Obama has said**, *it risks changing our alliance with the United States.*" Now I know as well as anybody the strength and importance of that partnership – our security and intelligence agencies have the closest working relationship of any two countries in the world – and I know that it would certainly survive Britain leaving the EU." [4]

Исследование лингвопрагматической специфики цитации в тексте английского политического выступления позволяет утверждать, что, используемые в них цитаты задают диалог в пространстве ораторского монолога и, содействуя возникновению альтернативного мнения, начинают дискуссию, в процессе которой политик получает возможность представить слушателям свои новые идеи и замыслы, обосновать их правильность и убедить в важности их принятия. При этом аудитория становится не только свидетелем и участником дискуссии, но и соучастником процесса принятия и одобрения избранной оратором политической линии. Использование в политической речи цитат в качестве механизма выдвижения альтернативного аргумента и инициирования дискуссии между оратором и цитируемым словом авторитетной личности, между оратором и представителем из народа и т.д.

не является случайным, поскольку именно в дискуссии политик может проявить свои лучшие качества компетентного оратора, умеющего вести дебаты, отстаивающего свою позицию и демонстрирующего твердую приверженность служению нации.

Цитаты, органично вклиниваясь в ораторское монологическое пространство, насыщают политическое выступление живой дискуссией, в ходе которой рождается истина.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений [Текст]: в 7 т. / М.М. Бахтин. М.: Русские словари, 1997-2010.
2. Стилистика и литературное редактирование / Под ред. проф. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2004. 651 с.
3. <http://www.politics.co.uk/comment-analysis/2011/10/04/theresa-may-speech-in-full> (accessed 16 July 2017).
4. <https://www.gov.uk/government/speeches/announcements> (accessed 3 August 2017).

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ ПРИКАЗА

Ерёмина О.В.

доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2,
канд. филол. наук, Иркутский национальный исследовательский технический
университет, Россия, г. Иркутск

В статье рассматривается коммуникативно-прагматический аспект функционирования глаголов с перцептивно-оценочной семантикой. Который в свою очередь мотивирует их анализ с точки зрения описания коммуникативных актов различной направленности, в частности речевого акта приказа. Анализ осуществляется с позиции Наблюдателя, выступающего как в роли адресата высказывания, так и в роли стороннего слушателя.

Ключевые слова: коммуникативный акт, Наблюдатель, перцептивно-звуковой, характеристика речи.

Речевые акты данного типа выражают прямое, непосредственное побуждение адресата к совершению или не совершению действия. Речевые предикаты *order* и *command*, часто толкуемые друг через друга, эксплицитно вводят команды и приказы. В одном из своих значений предикат *to command* толкуется как иллокутивный предикат: *to tell (someone) to do something (with the right to be obeyed); formally order, esp. as a military leader* (Hornby, 1982). Исследователи [2; 3 и др.] указывают на то, что речевые действия такого рода относятся к числу невежливых, угрожающих адресату. Следовательно, необходимым условием для их совершения является наличие властных отношений между участниками коммуникации. Как отмечает Т.В. Ларина [1, с. 315], в подобных ситуациях субъект речи, в силу своего более высокого социального статуса (должностного положения, возраста и т.д.), имеет власть над адресатом и, следовательно, имеет право отдавать адресату команду. Поскольку адресат находится в положении подчинения, он обязан выполнить приказ/команду. Ср.: (1) *Barking orders at her subordinates* (WEDL, 1989); (2) *The boss came in, barked out some orders and left again* (OWD, 2003); (3) *'Listen up!' the teacher barked* (LDCE, 2001). Так, должностное положение начальника пример (1-2) или учителя пример (3) наделяет их полномочиями отдавать приказы/команды, а соци-

альный статус подчиненного/ученика обязывает их выполнить эти команды. Все это является необходимым для организации и осуществления рабочего процесса или процесса обучения.

К глаголам, описывающим коммуникативный акт приказа/команды, могут быть отнесены *to bark, to bellow, to thunder*.

Глагол *to bark* имеет следующие словарные толкования: *to shout or say (something) in a loud and angry way* (MWLD, 2017); *utter (a command or question) abruptly or aggressively* (Oxford Dictionaries, 2017). Перцептивно-звуковая характеристика такой речи – громкостная (*loud*). Это первый признак, на который реагирует Наблюдатель как на отклонение от нормы. Он также в принципе характерен для приказов и команд. Признак *abruptly*, с одной стороны, характеризует общую организацию речи, ее отрывистость, с другой стороны, указывает на аффективную реакцию Наблюдателя, которая выражается в его отрицательной оценке манеры речи субъекта.

Присутствие в словарных дефинициях оценочных предикатов *angry* и *aggressive* указывает на оценку Наблюдателем эмоционального состояния субъекта речи и его отрицательное отношение к адресату: (4) *He began **barking** out his orders...* (5) *Miss Honey began.' That's the daughter of the man who owns Wormwood Motors in the village,' Miss Trunchbull **barked**. She hardly ever spoke in a normal voice. She either **barked** or shouted....* (113 CH4, BNC); (6) *He had a lawman's badge pinned to his vest, and as he leveled the Greener at Luke he **barked** a command. "Throw that gun on the bed, mister, right now!" ...* (25, 2015 COCA); (7) *...Meanwhile our lord and master would sit and drink one cup of tea after another, **barking** orders from time to time...* (BN3, BNC); (8) *... "You go to Waitrose now!" she **barked**. Was this a command or a statement? It felt like a command, as did so many of Elinor's remarks...* (28ASS, BNC).

В редких случаях подобный способ говорения может быть присущ людям определенной профессии, которая предусматривает обязательную громкую речь: *call out in order to sell or advertise something* (Oxford Dictionaries, 2017), ср.: (9) *Newsboys **barked** their wares persistently* (WNCD, 1973); (290) *Hucksters **barking** their wares* (WEDL, 1989); (10) *Doormen **bark** at passers-by, promising hot girls and cold beer* (Oxford Dictionaries, 2017). При этом манера речи, не свидетельствует об отношении к адресату высказывания или об эмоциональном состоянии субъекта речи.

В толкованиях речевого глагола *to bellow* отсутствует эксплицитное указание на тип описываемого коммуникативного акта: *to utter in a loud, powerful voice* (The Free Dictionary, 2017); *to utter loudly and powerfully* (Wordsmyth, 2017). Имплицитно коммуникативный акт приказа/команды представлен с помощью смыслового компонента *powerful*: *having a lot of power to control people and events* (CDO, 2017); *... able to control and influence events and other people's actions* (LDCE, 2017). Наличие примеров, свидетельствующих об употреблении этого глагола в контексте команд и приказаний, подтверждает эту коммуникативно-функциональную предназначенность, имплицитно содержащуюся в семантике глагола: ср.: (11) *"Keep quiet!" the headmaster **bellowed** across the room...* (12) *We could hear the sergeant **bellowing** commands to his troops* (CDO, 2017); (13) *He **bellowed** out the order* (Oxford Dictionaries, 2017); (14) *He was **bellowing** into the phone, giving orders to one of his employees...* (MWLD, 2017); (15) *The owner **bellowed** orders at the teenager* (Collins, 2011); *While he waited in line for his coffee and bagel, the door opened, and a man **bellowed**, "Everyone on the floor!" As he was dropping to the floor to obey the robber's orders, Jack saw a black streak clear the door with inches to spare* (2 2015 FIC, COCA).

В словарных толкованиях, приведенных к речевому глаголу **to thunder**, содержится указание на определенный тип описываемого коммуникативного акта: to utter loud, vociferous remarks or threats (The Free Dictionary, 2017); to utter loud or vehement denunciations, threats, or the like (Dictionary.com, 2017).

Исходя из приведенных словарных толкований, можно заключить, что глагол речевой деятельности **to thunder** содержит в своей семантике эксплицитное указание на КА угрозы (threat) и имплицитное указание на КА приказа/команды, поскольку угроза всегда включает в себя обязательный компонент давления на адресата с целью заставить его/ее сделать то, что требует адресант. Ср.: (16) *Clenching his fists, rigid with rage, Angel advanced on her... "I keel you, English beetch." Angel's grey shirt was touching the pitchfork now. Perdita had drawn it back to ram it into him when suddenly she found her arms gripped from behind. "Drop," thundered Luke. "Fuck off," screamed Perdita. "Don't bloody interfere." "Drop!" Luke tightened his grip on her and the pitchfork clattered to the ground...* (16 CAO, BNC). В представленном примере (16) синкретично сочетается приказ/команда (бросить вилы) и угроза (Анджел угрожает убить Пердиту).

Признаковые компоненты loudly and forcefully or angrily (Oxford Dictionaries, 2017); to utter loud, vociferous remarks or threats (The Free Dictionary, 2017); to make (a loud sound) or utter (words) in a manner suggesting thunder (Collins, 2017); to shout loudly and angrily (LDCE, 2017) содержащиеся в словарных дефинициях, также свидетельствуют о том, что глагол **to thunder** может описывать коммуникативный акт приказа/команды. Однако одним из главных аргументов, позволяющих говорить о способности данного предиката вводить акт приказа/команды, являются многочисленные примеры употребления глагола в этом качестве (см. BNC и COCA): (17) *"Come out with your hands up," thundered Kramm. "We have you surrounded."...* (44 2014 FIC, COCA); (18) *... As she turned to greet the father with his offspring, the midwife could not believe her ears: "Place it on the fire," he commanded. Horrorstruck, she refused. "Place the brat on the fire," he thundered...* (84 ANK, BNC). (19) *... Suddenly a tall, broad-shouldered man was standing in her path, arms extended, glowering down at her with all the wrath of hell. "Stop right there!" He thundered the command at her. From beneath hostile dark brows a pair of black eyes bored into her...* (121 H97, BNC). В представленных примерах (17-19) содержится выражение приказа/команды к выполнению каких-либо действий (приказ поднять руки, приказ сжечь ребенка или не двигаться с места). В примере (19) коммуникативный акт приказа/команды сопряжен с угрозой, о чем свидетельствует общий прагматический контекст: образ враждебно настроенного человека (пристальный, враждебный угрожающий взгляд), который приказывает девушке остановиться.

Ввиду того, что коммуникативный акт позволяет субъекту речи принуждать адресата к действию, использование в приказе/команде стратегий вежливости не является обязательным, а значит, в них могут отсутствовать языковые средства, снижающие категоричность директивного высказывания.

Список литературы

1. Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): монография. М. : РУДН, 2003.
2. Leech G. N. communicative Grammar of English. М. : Просвещение, 1983.
3. Searle, J.R. Speech Acts. An essay in the Philosophy of Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1969.

4. Hornby – Oxford Advanced Learner's Dictionary Of Current English. Oxford : Oxford University Press, 1982.
5. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Ltd, 2001.
6. Oxford Wordpower Dictionary for Learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2003.
7. WEDL – Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. Ed. by J. Bartholomew & Son. Limited: N.Y., Dilithium Press, Ltd., 1989.
8. WEUDE – Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. Ed. by J. Bartholomew & Son. Limited: N.Y., Dilithium Press, Ltd., 1989.
9. WNCD – Webster's New Collegiate Dictionary. Springfield : G. & C. Merriam Co., 1973.
10. Словарь английский. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>
11. Словарь английский. URL: <http://www.dictionary.com/browse/>
12. Словарь английский. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
13. Словарь английский. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>
14. Словарь английский. URL : <http://www.merriam-webster.com/dictionary/>
15. Словарь английский. URL : <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/>
16. Словарь английский. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>
17. Словарь английский. URL: <https://www.wordsmyth.net>
18. British National Corpus (BNC). URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
19. Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>

ЯЗЫК СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК НОВАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

Ильина О.М.

доцент кафедры общего языкознания и риторики ФЛФ, канд. пед. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск

В данной статье рассматриваются особенности языка социальных сетей как формы коммуникации. Затрагиваются вопросы интернет-коммуникации на лексическом уровне. Социальные сети обусловили появление особых языковых механизмов в речи пользователей и новых тенденций в лексическом составе русского языка.

Ключевые слова: язык, интернет, социальная сеть, коммуникация, лексический уровень.

Актуальность обращения к теме языка социальных сетей обуславливается несколькими причинами. В настоящее время сетевое общение не имеет себе равных своим коммуникативным многообразием, полифункциональностью, динамизмом и степенью влияния на другие сферы общения.

Интернет – это «особая коммуникативная среда, место реализации языка, никогда ранее не существовавшее» [3]. Г. Трофимова предлагает актуализировать вопрос о создании кодекса речевого поведения в интернете, «лингво-этического кодекса пользователей интернета» [3]. По ее мнению, сегодня интернет-коммуникация особенно ярко высвечивает пробелы в орфографической, пунктуационной и стилистической грамотности его создателей, участников или пользователей.

Как отмечает Е.Б. Штукарева, именно «коммуникативные жанры» интернет-общения, «представленные текстами спонтанными, неподготовленными, рождают

языковые и речевые новации и преобразования» [5, с. 321], а наиболее примечательные из них в дальнейшем закрепляются в узусе интернет-коммуникации, проникают в сетевую литературу и журналистику и даже начинают использоваться за пределами сети.

По мнению Н.Б. Мечковской, «компьютер (как «языковая машина» по преимуществу) и интернет, в силу своей лингвосемантической природы, расширяют и усиливают метаязыковую рефлексию пользователей (по состоянию с предшествующими фазами их онтогенеза или с состоянием языкового сознания людей вне сети)»; при этом «приватное интернет-общение виртуально и в бытовом смысле неответственно, ненадежно и «несерьезно»; оно склонно к розыгрышам, ерничеству и мистификациям» [6].

В данное время мы переживаем бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, посредством которых язык интернет-коммуникации, попадая в фокус социального внимания, становится символом времени. Необходимо отметить достаточно высокую активность влияния сетевого пространства на лексическом уровне языка еще в самом начале. Известно влияние жаргона определенной социально активной отрасли на язык. Так, в 70-е и 80-е годы прошлого века популярными становятся некоторые слова и обороты, используемые экстрасенсами и йогами. До сих пор слова *аура*, *энергетика*, *биополе*, *транс* и многие другие используются не только парапсихологами. Так, начало компьютеризации все разных сторон человеческой деятельности предопределило появление компьютерного жаргона. Он содержит экспрессивные обозначения действий пользователя, деталей компьютера, операционных систем, команд и операций, неполадок в работе. Подавляющее большинство слов образовано на основе английского языка или является кальками с английского: *комп*, *апгрейдить*, *винда*, *вин*, *прога*, *утиль* (*утилиты*), *юзер*, *юп*, *юн*, *траблема*. Л.П. Крысин отмечает, что носители компьютерного жаргона не просто приспособливают английские слова в русский словарь, а обыгрывают их, наполняя, например, двойным смыслом. Языковая игра происходит с сознательной установкой на шутку, каламбур [2, с.529]. Многие общеупотребительные слова получают в компьютерном жаргоне своеобразное употребление, либо изменяя свое значение, либо вставляясь в непривычный (для литературного языка) контекст: компьютер *зависает*, *отказывает*, в него *загружают* информацию, которую можно потом *скачать*, либо удалить, переместить *в корзину*.

М.А. Кронгауз полагает, что в языке социальных сетей на уровне лексики действуют разные тенденции. С одной стороны, центробежные, когда образуются разные сообщества и у них возникают свои жаргонизмы, например, у болельщиков «Спартака». Но, с другой стороны, есть и центростремительные силы, когда слово из какого-нибудь жаргона вдруг становится популярным вне своего пространства. Отсутствие границ позволяет эти удачные слова вбрасывать в общее пространство, и они становятся *мемами* [1, с. 56]. Данный термин был введен английским этологом Ричардом Докинзом для описания процессов хранения и распространения отдельных элементов культуры. Мемы могут распространяться горизонтально (между представителями одного поколения) и вертикально (от поколения к поколению).

С развитием социальных сетей мемы получили новую среду для распространения и легли в основу особого социального явления – интернет-мема. Это единица информации, представляющая собой некую информацию (отдельную фразу, текст, медиафайл), добровольно передаваемую пользователями друг другу. Наиболее популярные жанровые разновидности интернет-мемов – это *демотиваторы*, *баяны*,

комиксы, стрип-комиксы, карикатуры [4, с. 141]. Их тематика довольно обширная, что свидетельствует о том, что молодое поколение волнуют практически все существующие на сегодняшний день проблемы как общества в целом, так и отдельно взятой личности. Ситуации же, в которых интернет-мемы используются в социальной сети, коррелируют с речевыми ситуациями приватного межличностного общения. В социальных сетях интернет-мемы выполняют игровую функцию. Игровая функция прежде всего характеризует устную речь, потому что служит для того, чтобы оживить письменную речь, сделать ее более эмоциональной, игровой и тем самым сформировать общение по образцу именно устного общения, а не письменного монолога. Многие пользователи коллекционируют интернет-мемы в своих альбомах и многие из них соответствуют целям коллекционирования языковых прецедентных феноменов – афоризмов, крылатых выражений, юмористических высказываний [4]. Это позволяет утверждать, что интернет-мемы можно рассматривать как особый язык современной интернет-коммуникации, как средство общения в социальных сетях. Безусловно, некоторые явления существуют в языке и интернете недолго. Но общая тенденция, безусловно, существует.

В социальных сетях часто встречаются оценочные слова. Виртуальный выплеск отрицательных и положительных эмоций – важнейшая функция интернет-общения, поэтому прямая оценка здесь преобладает над косвенной, нередко сопровождаясь речевой агрессией. Яркий пример – пост в «Facebook» известной писательницы Т.Н. Толстой о нищих и попрошайках: *Одна, хроменькая, как-то стояла с детской колясочкой, в которой никого не было, – так, тряпки. Есть одна бабка – крепкая, в сапогах «резиновые с золотом», любит располагаться у моего подъезда, прислонившись к водосточной трубе. Весь попрошайнический бизнес построен на желании человека быть хорошим. «Совестью» при этом, повторяю, называется не жалость к нуждающемуся (ребенку, гибнущему у всех на глазах, в данном случае), а приятное чувство собственной хорошести.* Отрывок достаточно ярко демонстрирует обыгрывание различных словообразовательных моделей для выражения оценки.

В лексике социальных сетей отмечается также появление новых заимствованных слов: *лайк, забанить, перепост, репост*, и намеренная тавтология («адский ад»), обилие экспрессивной лексики и сленга. Многие социальные сети являются иностранными, то есть первично иноязычными. Перевод сайта на русский язык обычно не подчиняется нормам, известны даже примеры прямого перевода в популярных сетях – например, фразу «*Я взял фотографию*» в «Instagram» только намного позже спустя изменили на «*Опубликовано фото*». По этой причине долгое время пользователи «Facebook», «Twitter» и «ВКонтакте» наблюдали неправильно построенное предложение в своей ленте – каждый раз, когда в приложении «Instagram» публиковалась фотография. Еще одной особенностью лексики социальных сетей стала дисфемизация, обилие ненормативной, деструктивной лексики.

Многие сегодня соглашались в том, что, например, неологизмы, возникающие в социальных сетях, – закономерное изменение языка. Для россиян уже привычны для слуха слова *игнорить, коммент, комментить, лук, селфи*, а многие слова уже воспринимаются с новыми значениями, например, *тролль, троллить*.

Таким образом, мы видим, что развитие социальных сетей значительно оказало влияние на лексический состав современного русского языка. Социальные сети как новая форма коммуникации обусловили появление особых языковых механизмов в речи пользователей и новых тенденций в лексическом составе русского языка.

Список литературы

1. Кронгауз, М. Идея законсервировать русский язык, к счастью, неосуществима [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru>.
2. Крысин, Л.П. О лексике русского языка наших дней / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. – 2002. – № 1.
3. Трофимова, Г. А. О чем пока молчит Рунет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_11.
4. Ухова, Л.В. Язык, речь, речевая коммуникация / Ухова Л.В.: Филологические науки. – Ярославль, 2007.
5. Штукарева, Е.Б. Языковая специфика интернет-коммуникации / Е.Б. Штукарева // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография – М.: ФЛИНТА : Наука, 2012.
6. Niola, M. Hashtag. Cronache da un paese connesso [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spettacoliecultura.ilmessaggero.it/libri/hashtag-twitter-marino-niola/651685.shtml>

ДИСКУРС: ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ. ГЕНЕЗИС ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Кузнецова И.Н.

старший преподаватель кафедры филологии, магистр гуманитарных наук,
Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Казахстан, г. Астана

В настоящей работе рассматривается природа и содержание понятия дискурс. Вскрывается природа (генезис) дискурса, рассматриваются и анализируются различные подходы к данному явлению. В статье обосновывается необходимость разграничения между дискурсом как специфическим процессом социальных отношений и теорией дискурса.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, коммуникация, социум, лингвистика, методология.

Термин дискурс (от фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus «бегание взад-вперёд; движение, круговорот; беседа, разговор», т.е. речь, процесс языковой деятельности; способ говорения) является одним из самых распространённых и широко употребляемых в современной лингвистике. В эпоху Возрождения термин употреблялся, сохраняя свое этимологическое значение «обсуждать» и «вести переговоры» при обсуждении научных проблем, и выступал в качестве синонима аргументированной научной речи в процессе изучения природы вещей и общества. Уже в Новое время данный термин употреблялся как нормативное образование.

Позже в понимании дискурса происходят изменения относительно отделения его от духовного и интуитивного, что отмечено в работах И. Канта и Г. Гегеля в качестве противопоставления дискурсивной ясности понятия полученной в ходе дискуссий от интуитивной, получаемой в ходе созерцаемой действительности. Теперь дискурс видят, как самодостаточное явление, со своим потенциалом воспроизводства в отличие от устной, бытовой речи. В XVIII веке дискурс это эссеистское образование с интроспекцией в качестве его неотъемлемой части. Требования к выражению научной мысли постепенно изменяются, в XIX веке ученые склоняются к точному описанию результатов исследования избегая «свободной» формулировки научных явлений, что приводит к появлению методологии изучения понятия «дискурс» и новых терминов.

С развитием аналитической и лингвистической философии в конце XIX и XX веков интерес к исследованию понятия дискурс вновь возрастает. Понятие дискурс «смещается» в область лингвистики, изучение проблем языка, как основание мышления и деятельности. Нужно отметить, что термин «дискурс» не используется широко ввиду переосмысления базовой категории языка. Все это нашло своё отражение в трудах Л. Витгенштейна, Ч. Мориса, Ч. Пирса, Г. Фреге, и др.

Развитие термина и его ре-интерпретацию в XX веке связывают с работой бельгийского лингвиста Э. Бьюиссанса «Язык и дискурс» (1943). В своей работе он делает попытку разграничить понятия «язык» и «речь», предлагая новый элемент – дискурс – «под которым понимает своего рода «проводник», «медиум» между абстрактной знаковой системой и живой речью; иными словами, в этой оппозиции дискурс представлял собой механизм актуализации языка в естественной коммуникативной ситуации, результатом чего являлось развёртывание речи» [5, с. 99]. Однако понятие «дискурс» ещё долго используют в качестве синонима к понятиям речь и язык и не выделяют в отдельную категорию. Спецификация категории «дискурс» происходит только в 70-ых годах XX века. Дискурс теперь видят как способ актуализации текста, либо текст и речь трактуют в качестве аспектов дискурса. Основное значение придают анализу структурных и семантических особенностей языковых конструкций. К концу 70-ых годов XX века формируются ряд школ и направлений дискурс-анализа. Наиболее значимые из них – Бирмингемская школа дискурс-анализа (М. Куохард, Дж. Синклер и др.); критический дискурс-анализ (Т.А. ван Дейк, Р. Лаков и др.); социолингвистика (Дж. Фишман, У. Лабов, С. Эрвин-Трипп и др.); французская школа дискурс-анализа (П. Анри, Ж. Куртин, М. Пеше); теория речевых актов (Дж. Остин, Дж.Р. Серль, П. Коул и др.); конверсационный анализ (Г. Джефферсон, Г. Сакс, Э. Щеглов.). Необходимо отметить, что представленные выше школы были либо ярко выраженными лингвистическими течениями (Бирмингемская школа, критический дискурс-анализ), либо пытались интегрировать лингвистические концепции в другие науки, такие как политология, философия, социология и др.

В силу достижения определённого уровня развития в современной лингвистике XX века дискурс становится одной из ключевых категорий научного анализа и предметом специальных исследований в области философско-культурологических и социально-гуманитарных дисциплин. Проблема изучения формы и содержания языкового материала перестала быть актуальной, т.к. на передний план выходит желание понять глубинные стимулы, влияющие на функционирование и формирование языка в силу определённых психологических, социологических, исторических и культурных контекстов языка. Это желание лингвистов ставит во главу угла механизмы, определяющие взаимодействие человека и реальности через язык. В рамках подобного антропоцентрического подхода на первое место выходит изучение когнитивных процессов, влияющих на человека как на языковую личность. Что приводит к развитию отдельного лингвистического направления – когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика – это наиболее распространенное название направления лингвистических исследований, зародившееся в Европе во второй половине 1950-х годов. Впервые о когнитивной лингвистике, как о науке заявили американские учёные Джон Брунер и Джон Миллер, организовавшие в Гарвардском университете в 1960 году первый центр когнитивных исследований, представив лекции о природе когнитивных процессов.

Когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре

внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [3, с. 5]. Основная цель когнитивной лингвистики – построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями.

Объектом когнитивной лингвистики является дискурс, рассматриваемый как процесс и продукт познавательной деятельности, т.е. когниции. Когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет не только увидеть и проанализировать частные языковые явления, но и разобраться в наиболее распространённых понятиях когнитивистики и дискурсологии.

При всем разнообразии определений дискурса, не удивительно что специалисты разных специальностей говорят, например, о дискурсе персональном и институциональном, культурном и культурологическом, политическом и публицистическом, деловом и рекламном, бытовом и бытийном, компьютерном и газетном, философском и научном, религиозном и педагогическом, медицинском и массово-информационном; выделяют дискурс репортажей и интервью, монологический и диалогический, письменный и устный дискурс, повествовательный и поэтический; изучают функции и структуру, содержательную и формальную связность, модальные характеристики и другие свойства дискурса [2, с. 220].

Несмотря на популярность дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике не существует чёткого определения термина, охватывающего все сферы его употребления. Необходимо также отметить неустоявшееся произношение самого слова. Чаще встречается ударение на втором слоге, но и ударение на первый слог, не является редкостью.

Проанализировав многочисленные труды ученых в области дискурса и дискурсивного анализа за весь период исследования, мы до сих пор далеки от создания единой и целостной теории дискурса. Даже принимая во внимание сегодняшний уровень и глубину развития лингвистических изысканий трудно отдать предпочтение тому или иному определению. Так У.Чейф отмечает, что «продолжает оставаться необходимость модели естественного дискурса, которая объединила бы разнообразные когнитивные и социальные факторы, ответственные за организацию языка. Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [6, с. 49].

Динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения термина «дискурс», в современной лингвистике близок к понятию «текст», трактуемый как статический объект в результате языковой деятельности. В след за Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «речь погруженная в жизнь» [1, с. 137], изучать которую следует принимая во внимание всё то разнообразие подходов, сложившихся в современной науке. «Это связанный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)». Предпочтительным пониманием термина «дискурс» являются два компонента: динамический процесс языковой деятельности, вписанный в её контекст и её результат (т.е. текст). Дискурс по мнению Е.С. Кубряковой – это «ограниченный вполне определёнными временными и общими хронологическими рамками процесс использования языка

(речевая деятельность), обусловленный и детерминируемый особыми типами социальной активности людей, преследующих конкретные цели и задачи и протекающий в достаточно фиксируемых условиях не только с точки зрения общих социокультурных, но и конкретных индивидуальных параметров его реализации и инстанциации» [4, с. 22]. Именно поэтому в современной лингвистике, исследования связной речи привели к признанию текста – целостной смысловой сущностью, основной и высшей единицей коммуникации.

Рассмотренные подходы к определению сущности дискурса вызывают необходимость поставить вопрос: является ли дискурс коммуникативным процессом или же продуктом данного процесса в виде текста. Но выработка, в данном случае текста, основана на коммуникативном взаимодействии социальных субъектов, т. е. на дискурсивном процессе. В этой связи можно заключить, что дискурс в первую очередь процесс, а уже потом продукт.

Проведённый анализ **подходов** к содержанию понятия дискурс, позволяет заключить, что дискурс представляет собой процесс коммуникативного взаимодействия двух или нескольких социальных субъектов. Данный вывод позволяет сформулировать определение дискурса как *особого процесса социальных (общественных) отношений протекающего в форме коммуникативного взаимодействия социальных субъектов и направленного на совершенствование вербальной и невербальной форм коммуникации*. Дискурс является вербальным коммуникативным действием, включающим жесты и мимику (невербальные элементы). Результат данного процесса – связанная речь, продуктом которой является текст, порождаемый в событийном аспекте в виду влияния различных жизненных, психологических, прагматических и социокультурных факторов.

Анализ подходов к содержанию термина дискурс даёт основание поставить вопрос о том, является ли дискурс статичным или динамичным процессом. Поскольку процесс социальной коммуникации носит нелинейный характер, находится в постоянном развитии и неодинаков во времени и в пространстве, а речевые формы в своём развитии отличаются нарастанием сложности, то дискурс можно определить, как динамический процесс коммуникативного действия.

Необходимо проводить разграничение между дискурсом как специфическим процессом социальных отношений (*процессом социальной коммуникации*), теорией дискурса, объектом изучения которой является данный процесс и дискурс-анализом, как методологией, используемой данной теорией, носящей междисциплинарный характер, являясь при этом составной частью современной лингвистической теории. Таким образом, в данном контексте дискурс-анализ следует определять, как особый методологический приём современных социально-лингвистических исследований.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика: Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 389 – 390 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград 2002. 220 с.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка, том 63, № 3. – М., 2004. С. 3-12.
4. Кубрякова Е.С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000. 7-25 с.
5. Chafe W. Beyond beads on string and branches in a tree // Conceptual structure, discourse and language. Stanford, 1996. 49-66 p.

6. Lakoff G. An essay in cognitive linguistics // LiM ed. Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. – Seoul: Hanship, 1982. 139-193 p.

ИСТОРИЯ ВЛИЯНИЯ АРАБСКОГО МИРА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК¹

Куприева И.А.

профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
д-р филол. наук, доцент, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия, г. Белгород

Брыкова Е.М.

аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

На протяжении всего становления английского языка в него приходили различные заимствования из других языков. Самыми многочисленными являются арабские заимствования. Большое количество арабских заимствований уже успели укорениться в английском языке, но на данный момент наблюдается стремительный поток мигрантов из арабского мира в Великобританию, что в свою очередь является причиной грамматических, фонетических и лексических изменений в языке.

Ключевые слова: становление языка, заимствования, поток мигрантов, арабский язык, арабизмы, лингвокультурологические особенности языка.

Английский язык признан международным языком уже долгое время, вследствие чего, вот уже несколько веков прослеживается влияние других языков на английский. Арабские заимствования в английском языке являются одними из самых многочисленных. Большое количество арабских заимствований обусловлено несколькими фактами:

1. Прежде всего, арабские заимствования начали появляться в английском языке из-за отличия религиозных картин мира. В настоящее время религиозная картина мира в английском языке ориентирована на Христианство, а в арабском – на Ислам.

2. Великобритания уже долгое время находится в тесных политических и экономических связях со странами Востока.

3. В XV – XVII вв. арабский язык имел большое влияние на французский, который в свою очередь, являлся языком английской знати. Таким образом, многие заимствования пришли в английский язык не на прямую, а посредством другого языка.

4. В последнее время усилился поток мигрантов из арабского мира, которые не только приносят новые слова в английский язык, но кроме того, вносят большие изменения в области грамматики и фонетики [2, с. 210].

¹ Печатается при поддержке Гранта Президента для государственной поддержки молодых российских ученых докторов наук РФ МД-2687.2017.6 «Вариативность английского языка Великобритании в условиях влияния политического, социального и экономического факторов (на материале Интернет-дискурса)».

Самыми распространенными арабскими заимствованиями являются слова и термины, относящиеся к арабской культуре и религии: *khalif*, *mussulman*, *carane*, *hadj* и другие. Лингвокультурологические особенности родного языка непосредственно влияют на неродной язык [6, с. 106]. Арабские заимствования со временем начали обозначать специальным термином – арабизмы. Арабизмы, обозначающие религиозные и культурные явления, больше относятся в безэквивалентной лексике, для которой просто невозможно дать другое определение в родном языке [5, с. 61].

Однако, существует ряд арабизмов, которые на первый взгляд не кажутся заимствованными. Такие слова пришли в английский язык косвенно. Обратимся к рассмотрению испанских заимствований. Испания долгое время находилась под влиянием мавров, что обогатило испанский язык арабскими заимствованиями как никакой другой. Рассмотрим некоторые слова, пришедшие в английский язык из испанского:

Английский	Испанский	Арабский
Adobe	Adobe	At-tube
Alcove	Alcoba	Alcubba
Calibre	Calibre	Kalib
Cotton	Coton	Cutn
Vizir	Visir	Wazier
Zero	Cero	Sifr

Данная таблица демонстрирует яркие примеры косвенного влияния на английский язык.

В средневековье исламская цивилизация являлась прогрессирующей в области науки и образования, что продолжалось на протяжении 500 лет. Арабские ученые привнесли большой вклад в науку, их учения получили большое распространение в странах Европы. Вместе с научными трактатами в английский язык пришли и многие научные термины: *algebra* (от арабского *al-jabr*), *algorithm* (взято от имени ученого Аль-Хорезми). Любопытно, что и арабское слово *al-jabr*, и английское *algebra* также относятся к хирургическому лечению переломов и вправлению костей. Оксфордский словарь английского языка, в котором приведены значения слова согласно его употреблению в прошлом, дает первое определение слова *algebra* как хирургическое лечение переломов и приводит цитату 1565 года: “Это арабское слово означает как перелом кости, так и лечение оною” [3].

Большой вклад арабских ученых наблюдается и в области астрономии. Многие звезды имеют названия арабского происхождения: *Altair*, *Aldebaran*, *Betelgeuse*, *Rigel*, *Algol*. Стоит отметить, что данные названия закрепились не только в английском языке, но и перешли во многие другие. Происхождение названия последней звезды довольно интригующее: оно происходит от арабского *al-ghul*, что означает “демон”; от него же образовалось и английское существительное *ghoul* (вурдалак) и прилагательное *ghoulish* (отвратительный, омерзительный).

Далее обратимся к рассмотрению тех изменений, которые происходят в настоящее время в английском языке под влиянием арабского [1, с. 98]. Фонетика, синтаксис, грамматика родного языка всегда имеют большое влияние на изучаемый язык. Родной арабский язык мигрантов влияет на английский язык следующим образом:

1. Предложение в арабском языке имеет структуру номинативного, которое сходно с английским предложением с глаголом *tobe*. Глагол *tobe* опускается в

настоящем простом времени, например, *albeitjadida* = *thethousenew*, что не соответствует норме английского языка *thethouseisnew*.

2. В окончании арабского глагола отражается лицо и число, и поэтому не обязательно использование с глаголом личного местоимения. Опускание местоимения арабскими мигрантами переходит и в английский язык.

3. В арабском языке прилагательное всегда стоит после существительного, из-за чего нарушается порядок слов, установленный в английском предложении.

4. Такие собирательные существительные английского языка как *information*, *money*, *people* и другие используются в единственном числе. В арабском языке такие собирательные существительные всегда используются в форме множественного числа, что объясняет использование форм *informations*, *peoples* и другие.

5. В арабском языке нет неопределенного артикля, а определенный арабский артикль *al* используется с меньшими ограничениями, чем английский *the*. Таким образом, у носителей арабского языка нередко встречаются ошибки в употреблении артиклей.

6. В арабском языке для формулирования вопросов используется специальная частица *gal*, соответствующая английским вопросительным словам *how*, *who*, *where*. Она ставится в начале предложения, однако не изменяет порядок слов. Арабские носители часто испытывают трудности с употреблением вспомогательных глаголов и инверсией.

Данные изменения в использовании английского языка свидетельствуют о явлении интерференции [4, с. 38]. Интерференция – это изменения в языке на грамматическом, фонетическом и лексико-семантическом уровнях вызванные влиянием второго языка в контексте двуязычия носителя. Явление интерференции значительно распространилось в последнее время, что обусловлено процессом глобализации [8, с. 259].

В настоящее время уже существует прогноз относительно изменений, которые произойдут в английском языке из-за мигрантов. Согласно лингвистам из Йоркского университета, из-за наплыва мигрантов к 2066 году из английского языка исчезнет звук *th*, так как он вызывает затруднения при произношении у носителей других языков. Такие слова, как *think*, *this*, *mother* будут звучать как *fink*, *fis*, *muvver*. Так же по мнению исследователей слова станут короче не только за счет сокращения длинных звуков, но также слова с двумя согласными на конце утратят последнюю: *text* – *tex*, *next* – *nex*. Основным диалектом лондонского английского станет так называемый мультикультурный лондонский английский (Multicultural London English, MLE), который вобрал с себя произношения различных меньшинств, приехавших в Лондон из Карибского региона, западной Африки и Востока. Он вытеснит вымирающий диалект кокни и станет постепенно распространяться по всей Великобритании, отмечается в заявлении учёных, опубликованном на официальном сайте университета [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что арабский язык имеет уже довольно длительное непрерывное влияние на английский язык, которое началось еще в эпоху средневековья и продолжается и по сей день. Стоит отметить, что со временем данное влияние арабского языка усиливается. Если раньше Великобританию и Ближний Восток связывали экономические и политические отношения, то сейчас наблюдается проникновение представителей арабского мира на территорию Объединенного Королевства. Параллельно с этим происходит процесс изменения языка, который затрагивает все сферы жизни общества.

Список литературы

1. Crystal D. English as a Global Language. Second Edition. New York: Cambridge University Press, 2003.
2. Darwish A. Foreign Language: Arabic Sounds // Linguistic and Intellectual Westernism in Morden Arabic. Ar-Rafid, UAE, 2004.
3. Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения 24.08.2017).
4. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. С. 36 – 54.
5. Ковалёв А. А, Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. — М.: Восточная литература, 2008.
6. Куприева И.А. Лингвокультурологические аспекты языковой репрезентации ментальных культур. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. С. 105-109.
7. РТ на русском. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/323645-serialy-i-migranty-izmenyat-angliiskii-yazyk> (дата обращения 24.08.2017).
8. Харченко И.И. Интерференция как лингвистическая проблема: Филологические науки. – Сумы: Сум ГПУ им. А.С.Макаренко, 2008. С. 259-266.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Линник Л.А.

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии,
Башкирский государственный медицинский университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются лингвистические исследования научного дискурса, посвященные изучению его формы и содержанию. При исследовании содержательной стороны научного дискурса отмечаются его нормированность, фреймирование, интенция к объективности, завершенность, латентная экспрессивность, диалогичность. В формальном аспекте научный дискурс характеризуется строгой композицией, стереотипностью и нормированностью языковых средств, регламентированностью и безличностью.

Ключевые слова: научный дискурс, дискурс-анализ, прагмалингвистика.

Одним из наиболее актуальных в современном языкознании подходов к изучению научного дискурса можно назвать изучение научного дискурса, которое рассматривает этот языковой и когнитивный феномен как комплекс речевых форм, правил, средств и способов языкового воплощения, функционирующих в научной коммуникации, или как научный стиль речи с присущими ему объективностью, точностью, ясностью, однозначностью формулировок, формализованностью, удивительным образом сочетающейся с креативностью.

Анализ характеристик научного дискурса, как правило, проводится по двум компонентам, сепарировано или комплексно: плану содержания и плану выражения. Очевидно, что в научном дискурсе доминирующим и приоритетным, первичным и детерминирующим является содержательный аспект. При исследовании содержания научного стиля традиционно отмечаются строгое фреймирование, включающее четкое определение границ исследования и его предмета, а также использование нормативного способа описания, типичного для научного дискурса, и тенденцию к объективизации, которое, впрочем, не исключает выражение и субъективных оценок, однако обуславливает выбор средств при выражении субъективной

модальности и экспрессивности, понимаемой как усиление выразительности, в научном тексте, абсолютное отсутствие подтекста и логическую завершенность.

Центральными содержательными компонентами научной речи можно назвать понятие, суждение и умозаключение. Примечательно, что существующее в функциональной лингвистике мнение об ориентации научного дискурса на монологичность оспаривается в работах последних десятилетий, в которых отмечается интенция научных текстов как в устной, так и в письменной форме на диалог или научную дискуссию, существующие в трёх основных формах: 1) диалог автора с читателем, 2) диалог автора с другими авторами, 3) диалог автора с самим собой [5, с. 126].

Диалогичность научного дискурса проявляется как имплицитно, через включение в него ссылок и сносок, соотносящих отдельное научное произведение с научным контекстом в целом, так и эксплицитно при обращении к предполагаемому адресату, что лексически и синтаксически чаще всего выражается посредством использования вставных конструкций, так называемых дискурсивных операторов (таким образом, например, сравним и т.д.). Особенностью научного диалога, безусловно, можно назвать его хронотоп, поскольку коммуникантами в таком дискурсе могут быть представители не только разных направлений, подходов и школ, но и разных эпох, а сама научная дискуссия может продолжаться несколько десятилетий, что по сути и обеспечивает прогрессию научной мысли.

Еще одной специфической характеристикой научного дискурса является статусное равенство коммуникантов, выраженное в интенции говорить с читателем «на равных», ставя его на позицию «со-мыслителя» в научном поиске. Именно эта черта отличает научный дискурс от педагогического.

В аспекте исследования языковой репрезентации научного дискурса отмечаются его обобщенный характер, композиционная логичность и последовательность в соответствии с существующими в научном сообществе стандартами организации научных текстов и паратекстовых элементов (предисловия, посвящения, эпиграфы, благодарности, библиография, примечания, приложения и т.п.) разных жанров, стремление к объективности и, соответственно, снижение субъективной эмоциональной оценочности, обуславливающие и безличность изложения, относительная регламентированность средств выражения и особая графическая организация, включающая использование элементов других семиотических систем (графики, чертежи, математические символы, физические формулы и пр.), детерминированное логической доминантой научного дискурса и стремлением к точности применение ссылок, сносок, примечаний. Отметим, что последнее является не только средством интенсификации точности научного текста, но и способом его включения в научное пространство, способствует организации и актуализации научного диалога, а также подтверждает научные изыскания автора мнениями авторитетных исследователей.

Однако в работах последнего пятидесятилетия отмечается в языке научных текстов и эмоциональность, красочность, выразительность [1, 7], эмоционально-эстетическое воздействие научных текстов на читателя [8, с. 51], что направляет вектор исследования на языковую личность автора, проявляющуюся в научном дискурсе не только в изложении результатов научной деятельности, но и эмоциональной составляющей своей личности. Использование образов, сравнений, метафор постепенно из инновационной становится традиционной чертой научного дискурса. «Научный стиль, – пишет В.К.Харченко, – не только не чужд образным

вкраплениям, но сам поиск гипотезы подчас начинается с художественного сравнения, образа» [7, с. 29].

Примечательно, что к концу XX столетия исследователи отмечают тенденцию увеличения объема информационного контента при стремлении к использованию наиболее компактного способа организации научного дискурса, то есть сочетание компрессии языкового материала при ревальвации информативности, что требует от автора особого внимания и мастерства в процессе обобщения наблюдений и выводов.

При рассмотрении научного дискурса разработаны его две основные модели. Одна модель представляет научный дискурс как систему субдискурсов, при этом ключевым понятием принимается политекстуальность, которая понимается как основной принцип смысловой и структурной организации научного текста [3]. Совокупность субдискурсов составляет целостный научный дискурс, а каждый из них является воплощением типового содержания, реализуемого посредством специфически организованных стереотипных языковых единиц. Субдискурсы регулярно воспроизводятся в научных произведениях, это могут быть методологические и прецедентные субдискурсы, оценочные, авторизирующие или адресующие субдискурсы.

Другая модель научного дискурса очерчивает это понятие как поле коммуникативно-познавательной деятельности, включающее в себя такие компоненты, как субъект познания, объект познания, адресат научного дискурса. Такие элементы и в статике, и в динамике (в процессе формирования дискурса) находятся в определенных взаимоотношениях: субъект познания формирует научный дискурс, ориентированный на адресата [6].

Базовые ценности научного дискурса отражены в таких его ключевых концептах, как истина, знание, исследование [4]. Критериями эффективности научной деятельности в целом и научного дискурса как одного из ее основных воплощений можно определить нацеленность на поиск истины, исследование, систематизацию и преобразование действительности, а также его универсальный характер. При этом очевидна характерная для научного дискурса интенция отображать факты окружающей действительности как события, то есть с точки зрения исследования их субъектом высказывания, что свидетельствует о существующей латентной аксиологичности научного дискурса.

Условиями эффективного функционирования научного дискурса можно назвать его нормативность и стереотипность, регламентированность, непредвзятость, обуславливающая реализуемую в ходе научной деятельности интенцию объективности, обоснованность и истинность как центральный императив научного дискурса, детерминированный установкой науки на получение объективно истинного знания о мире и человеке, синтез теоретизма (выработка абстрактных понятий и моделей универсального характера) и эмпиризма, так как создаваемая теоретическая система всегда требует эмпирической проверки и подтверждения.

Кроме того, научный дискурс характеризуется необходимостью интеграции отдельного дискурса в общий научный контекст, взаимный детерминизм исследуемых явлений, позволяющий изучить не только отдельные феномены изолированно и сами причинно-следственные связи, существующие между фактами действительности. Наиболее резистентным компонентом научного дискурса, безусловно, является его логичность, выражение которой обеспечивается использованием логических принципов, правил индукции и дедукции, построения и определения гра-

ниц понятий в процессе формирования дискурса. Лексически и синтаксически наиболее часто обеспечение логичности реализуется посредством использования коммуникативно-логических конструкций, отражающих последовательность движения мысли (во-первых, во-вторых, в заключении и др.), сопоставление и противопоставление (в отличие от, напротив, однако, с одной стороны, с другой стороны и др.), пояснение (например, в частности и др.) и др. Функцию аргументов, как правило, выполняют цитаты, сноски и примеры, которые являются маркерами научного дискурса и обеспечивают внутреннюю причинно-следственную или поясняющую взаимосвязь авторского фрагмента дискурса с цитатами и примерами. Помимо этого, как уже было отмечено, цитация включает отдельный научный дискурс в общий контекст научной коммуникации.

Как утверждают языковеды, «цитаты, представляя собой интертекстуальный феномен, как бы связывают его с общей текстотеккой по данной тематике, что подкрепляет его теоретическую и научную значимость, место в системе. Иными словами, можно сказать, что цитата или сноска служит для утверждения объективной модальности, для верификации сформулированных в тексте положений» [2, с. 183].

Очевидно, что характерными для научного дискурса являются методологичность и критицизм, что включает использование достоверных междисциплинарных и дисциплинарных методов теоретических и практических исследований, подвергшихся, как правило, неоднократной апробации. Критицизм научного дискурса предполагает скептическое рассмотрение результатов исследований прежде всего самим автором, а затем и научным сообществом с целью обнаружить и устранить ошибочные утверждения.

Таким образом, научный дискурс представляет собой элемент научной системы и является основанной на соотнесении фактов, явлений и процессов реальной действительности с их репрезентацией в языке многослойной когнитивной структурой. Он отражает, формирует, организует и способствует развитию особой когнитивной сферы человека – сферы научного мышления, построенного на ясности, логичности, точности, доказательности и объективности, информационной ёмкости и универсальности. Целями и задачей научной деятельности при этом являются поиск истины и преобразование действительности. Научный дискурс не исключает и эмоциональный компонент внутренней ментальной организации коммуниканта и коммуникации в целом, предлагая специфичные лингвистические способы выражения экспрессии в научном коммуникативном пространстве. Нельзя не отметить, что экспрессия в научном тексте все же носит рациональный характер.

Список литературы

1. Алексеева М.В. Научный текст как полилог / М.В. Алексеева. – М., 2001. – 162 с.
2. Аликаев Р.С., Аликаева М.Р. Частотные параметры словосочетаний в семантико-синтаксических универсалиях научного текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 178-184.
3. Баженова Е. А. Научный текст как система субтекстов: Автореф. дис...д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 42 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.5-20.
5. Кожина М. Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста. // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. / Под ред. М. Н. Кожиной: В 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998а. – Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. С. 124 – 166.

6. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 170 с.
7. Харченко В.К. Функции метафоры. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 88 с.
8. Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие / М.С. Чаковская. – М.: Высшая школа, 1986. – 128 с.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАНСПОРТА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Прыткова О.А.

преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

Рябцев С.С.

студент кафедры «Гидромеханика и транспортные машины»,
Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

Статья посвящена обзору и анализу образования военной английской терминологии в сфере транспорта специального назначения. Особое внимание уделено структурным особенностям изучаемой терминологии. В результате анализа выявлены самые распространенные способы терминообразования.

Ключевые слова: аффиксация, словообразование, структурный анализ, терминология, терминологическое сочетание.

В XXI веке в условиях технологического прогресса, развития военного дела и международного военного сотрудничества потребность в качественном переводе в военной сфере приобретает особую актуальность.

Материалом для представленного практического исследования послужили описания технических характеристик транспорта специального назначения, а именно, многоцелевых гусеничных и колесных машин, некоторых образцов вооружения, словарные статьи в печатных и электронных словарях [3, 4].

Выбор данного материала исследования мотивирован повышенным интересом к непрерывному развитию военной терминологии английского и русского языков в настоящее время и появлению в них новых терминов в связи с постоянным развитием и совершенствованием военной науки, вооружения и боевой техники.

В данной работе под военным термином понимается слово или словосочетание, используемое для обозначения определенного специального понятия, относящегося к тому или иному разделу военной науки или военной техники [2, с. 12].

Военная терминология представляет собой особый слой лексики общелитературного английского языка, спецификой которого является особое распределение терминов по частям речи. В отличие от общелитературной лексики при образовании военных терминов доминируют модели имен существительных, что связано с необходимостью номинации определённых понятий, механизмов и процессов.

Отличительной особенностью военных текстов является их большая насыщенность терминами различной структуры. Как известно, чем сложнее структурные модели терминов, тем труднее процесс декодирования терминологических единиц, следовательно, и процесс получения и передачи информации. Таким обра-

зом, актуальным является тщательный анализ структурных характеристик изучаемой терминологии с целью выделения наиболее распространённых моделей создания новой терминологии и способов ее перевода.

Проведенный морфологический анализ английской терминологии транспорта специального назначения показал, что в исследуемой выборке терминов общим объемом 900 терминологических единиц они представлены следующими структурными типами: простые термины, производные (аффиксальные), сложные термины, терминологические сочетания и аббревиатуры.

К простым относятся такие термины, в составе которых не выделяются отдельные части и которые являются цельными неразделимыми словами. Примерами простых однокорневых терминов являются следующие термины: **hull** – *основной корпус*, **grip** – *зажим; захват*, **truck** – *грузовой автомобиль*, **tire** – *шина*, **frame** – *каркас*, **cap** – *крышка, колпак*, **column** – *колонна* и др. Такие термины довольно не многочисленны и составляют 53 единицы или приблизительно 6% от общей выборки.

Характерной особенностью простых однокорневых терминов является мотивированность терминологического значения через нетерминологическое значение термина. Практически все термины данного вида были заимствованы из общеупотребительной лексики в результате терминологизации общеупотребительного значения по мере развития и пополнения терминосистемы транспорта специального назначения, например: **turret** – 1. *башенка* 2. (воен.) *орудийная башня*, **crew** – 1. *бригада* 2. (воен.) *экипаж (гусеничной машины)* и др. Как показывают наши примеры, одним из основных способов образования представленных терминов является метафоризация значения на основе внешнего сходства или сходства функций данных понятий.

К производным мы относим такие термины, в которых выделяются отдельные части слова (корень и аффикс), например: **wheeled** – *колесный*, **tracked** – *гусеничный*, **adhesion** – *сцепление*, **propulsion** – *силовая установка*, **infantry** – *пехота* и др. Такие термины составляют 162 единицы или 18% от общей выборки термина.

В зависимости от аффикса, с которым соединяется производящая основа, производные термины мы разделили на следующие типы:

а) суффиксальные: **suspension** – *подвеска*, **damping** – *глушение, торможение*, **ammunition** – *боеприпасы*, **sparking** – *свеча* и др.

б) префиксально-суффиксальные: **absorber** – *абсорбер*, **recognition** – *распознавание*, **expansion** – *заглушка*, **semitrailer** – *полуприцеп* и др.

Как показало наше исследование, наиболее продуктивными моделям построения суффиксальных производных терминов оказались модели с суффиксами **-er/-or**, **-ing**, **-ion**. Так, например, суффиксы **-er/-or** образуют термины со значением *аппараты, приборы, установки*, например: **cleaner** – *очиститель*, **generator** – *генератор* и др. Для процессуальных терминов преимущественно используется суффикс **-ing**: **prospecting** – *разведка*, **operating** – *операция*, **buttering** – *разгром* и др.

Помимо простых однокоренных и производных терминов в исследуемой терминологии присутствуют также составные термины, которые состоят из двух и более основ и отвечают основному признаку – цельнооформленности сложного слова. Такие термины достаточно многочисленны и насчитывают 245 терминологических единиц или 27%. В качестве сложных терминов приведем следующие примеры: **tire-pressure** – *внутреннее давление в шине*, **self-propelled** – *самоходный*, **troubleshooting** – *поиск неисправности, диагностика*, **four-wheeled** – *полнопривод-*

ный, **half-track** – *полугусеничная машина, вездеход* и др. Анализ сложных терминов показал, что для них характерно как слитное, так и дефисное написание.

Как показало исследование, самым продуктивным способом терминообразования в английской терминологии транспорта специального назначения оказались терминологические сочетания (далее ТС). По этому способу образовано 394 терминологические единицы или 44% от общего количества выборки терминов.

Наиболее распространенными являются двухкомпонентные ТС, они составили 352 единицы от общего числа ТС и представлены в основном следующими структурными моделями:

N+N: body design – *кузовная конструкция*, **roof hatches** – *крышка люка*, **engine grills** – *решетка двигателя*, **crawler tractor** – *гусеничный трактор*, **propeller shaft** – *карданный вал*, **cross-country ability** – *проходимость (транспортного средства)* и др.;

A+N: good condition – *состояние исправности*, **total disarmament** – *полное разоружение*, **wheeled thruster** – *колесный движитель* и др. Многокомпонентные сочетания, состоящие из трёх и более элементов, немногочисленны в исследуемой выборке и представлены в общей сложности 24 единицами, например: **security against mechanized forces** – *противотанковая оборона*, **nuclear biological chemical weapons** – *ядерное, биологическое, химическое оружие* и др.

В ходе исследования терминологии транспорта специального назначения были выделены также фразовые ТС, синтаксические отношения в которых выражены с помощью предлогов и союзов. По своей структуре их построение напоминает построение фразы, например: **rates of reliability** – *показатели надежности*, **tear und wear** – *износ* и др. Данная группа терминов также немногочисленна и представлена 18 ТС данного типа.

Одним из способов образования терминов рассматриваемой терминологии является сокращение терминов или аббревиация. Сокращением является единица устной и письменной речи, созданная из отдельных элементов звуковой и графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания) [1, с. 100]. Статистический анализ выборки терминов показал наличие 46 сокращений разного вида (инициальных аббревиатур, акронимов, гибридных образований), большинство из которых входят в терминологические сочетания, например: **ECM-carrying decay** – *(отвлекающая) цель, несущая средства радиопротиводействия* (где **ECM** – **electronic counter-measures** – *радиоразведка и радиопротиводействие*), **AVRE/Flail squadron** – *рота штурмовых инженерных танков и танков-тральщиков* (где **AVRE** – **assault vehicle**, **Royal Engineers** – *десантное высадочное средство инженерных войск*) и др.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что самым распространённым способом образования терминов изучаемой терминологии являются терминологические сочетания. Они часто встречаются в научно-технических текстах, в том числе и в терминологии транспорта специального назначения.

Список литературы

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия // Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат. 1972. – 319 с.
2. Нелюбин Л.Л. Руководство по военному переводу. Вып.2. М.: 1945. – 258 с.
3. Чочиа А.П., Щеглов А.С. Англо-русский автобронетанковый словарь М: Воениздат, 1961. – 783 с.
4. Англо-русский словарь военных терминов [Электронный ресурс] // Англо-Русский словарь военных терминов. URL: <http://slovar-vocab.com/english-russian/vocab-military-terms.html>

МОДАЛЬНАЯ ОЦЕНКА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ, СОДЕРЖАЩИХ ЗНАЧЕНИЕ «СЛУХИ»

Рамантова О.В.

ассистент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается вопрос об использовании модальных слов и конструкций как способ описания говорящим реальной или вероятной ситуации действительности. В связи с этим в докладе приводится краткий обзор теоретических положений по модальному аспекту высказываний. Материалом исследования являются пьесы Шекспира.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, модальность, модальные слова, оценка, слухи, Шекспир.

Любое речевое взаимодействие не сводится только лишь к сообщению фактов. Иначе говоря, создавая сообщение, говорящий выражает в нем свои коммуникативные установки, эмоции, оценки, отношение к вопросу. В зависимости от своих намерений и в какой-то степени от общих задач общения, говорящий описывает событие или ситуацию и одновременно выражает свою точку зрения. Речь идет о субъективном, или модальном, плане высказывания, который, как известно, многопланов [2, с. 166]. Основной план задается наклонением глагола-сказуемого, как правило, эксплицитно и представляет описываемую ситуацию как реальную или нереальную. В языке представлены различные средства модификации основного модального плана. К ним относятся, прежде всего, *модальные слова и конструкции*. Они образуют второй слой модальных значений в содержании высказывания.

Применительно к ситуации передачи слухов, особая роль в передаче и создания смыслов принадлежит именно модальным словам. Употребляя модальные слова, говорящий и приписывает сведениям ту или иную степень достоверности, и выражает свое отношение к вопросу. Как правило, говорящий добавляет в сообщение свое мнение по поводу соответствия информации реальному положению дел. Это осуществляется посредством использования модальных “вкраплений” в речь, которые, конечно, не остаются незамеченными, а иногда выполняют главенствующую роль. Таким образом, позиция говорящего становится более ясной для слушающего, и на основании этого последний вырабатывает свое отношение к слухам. Такие модальные слова, как *certainly, of course, surely, really, indeed* передают уверенность. Лексемы *perhaps, maybe, probably, possibly* выражают неуверенность, предположительность. Взгляд говорящего на желательность или нежелательность того или иного действия актуализируется в высказывании с помощью таких наречий, как *fortunately, unfortunately, luckily, unluckily*. А.И. Смирницкий, Б. А. Ильиш, В. Н. Жигadlo, Л.Л. Иофик, И.П. Иванова отмечают, что в качестве модальных слов могут функционировать и некоторые наречия, которые имеют модально-оценочное значение: *apparently, evidently, really, unfortunately* [2, с. 90]. В.В. Виноградов подчеркивает, что “среди наиболее употребительных лексем много таких, которые обозначают рассудочную, логическую оценку сообщения...выражают сложную и богатую оттенками гамму модальных оценок от чисто субъективной и несколько колеблющейся оценки сообщаемого факта до объективного, логически обоснованного определения степени его достоверности” [1, с. 578]. И действитель-

но, в ситуации слухов модальные слова выделяют коммуникативно важные компоненты высказывания и в значительной степени могут обеспечить надежность восприятия информации как достоверной, или наоборот, не подтвержденной.

В диалоге, по мнению авторов “Коммуникативной грамматики русского языка”, реализуются такие метатекстовые средства, которые: 1) комментируют отношение данного высказывания к контексту разговора, 2) комментируют способ выражения, также по отношению к тексту, 3) комментируют степень ответственности говорящего за достоверность сообщаемого [3, с. 433]. Для ситуации слухов одинаково важны все выше перечисленные функции модальных слов, так как и уместность высказывания по отношению к теме или к объекту обсуждения, и оформление сообщения, и в особенности, эксплицитное выражение говорящим ответственности за надежность информации способствуют достижению главной задачи диалога при распространении слухов, а именно – установлению соответствия сведений действительности. Хотя говорящий и слушающий, каждый в отдельности, преследуют свои цели, достоверность информации остается основным свойством любого сообщения.

В силу природы слухов как *относительно и недостаточно подтвержденных* сведений для соответствующей коммуникативной ситуации характерно употребление модальных слов со значением предположительности. В этом случае они обозначают позицию субъекта речи, то есть говорящего, как посредника между изображаемой действительностью и слушающим. Таким образом, они появляются в сообщении, если говорящий включает в свой текст нефактическую информацию или же если он не уверен в ее подтвержденности. Модальные единицы “предположительной” семантики разделяют непосредственное содержание сообщения и осмысление услышанного, его оценку. Они определяют отношение речи к действительному положению дел, но уже через *взаимодействие мнений* говорящего и слушающего.

Перейдем к анализу наиболее типичных случаев употребления модальных слов в коммуникативной ситуации слухов на примере пьес Шекспира.

Следующий фрагмент взят из пьесы “Antony and Cleopatra”:

1) Мес. *She's a most triumphant lady, if report be square to her.*

Ено. *When she first met Mark Antony she pursed up his heart, upon the river of Cydnus.*

Агр. *There she appeared **indeed**, or my reporter devised well for her.*

Ено. *I will tell you...* [4, с. 985].

Приверженцы Цезаря Меценат и Агриппа беседуют с Энобарбом, приближенным Марка Антония (Цезарь и Антоний заключают соглашение о совместных действиях против Секста Помпея, войска которого ведут активные завоевания по всей Римской империи). Энобарб, будучи ближайшим лицом к Антонию, возлюбленному Клеопатры, конечно, имеет представление о необыкновенной египетской царице и рассказывает своим собеседникам подробности ее первой встречи с Антонием. Его рассказ предваряет обсуждение Мецената и Агриппы о том, насколько эта женщина красива. Оба полагаются только на слухи (*report...my reporter...*). И тот, и другой одинаково наслышаны о ее невероятном обаянии и власти над мужчинами, и поскольку сведения о царице из разных источников не различаются, они склонны верить словам гонца и молве. Совпадение информации из нескольких источников становится фактором высокой степени ее достоверности. Однако слух остается слухом. Во-первых, потому что ни один из собеседников не видел Клео-

патру лично. Во-вторых, ни тот, ни другой не входит в ближайшее окружение Антония. Таким образом, употребляя модальное наречие *indeed*, говорящий выражает собственное отношение к слухам и подчеркивает правдоподобность информации о царице. *Он решил для себя, что, скорее всего царица действительно настолько хороша.* Но тут же торопится добавить, как будто в оправдание за поспешные выводы, что его гонец мог и ошибиться.

Перейдем к другому фрагменту:

2) *Enter two soldiers to their guard.*

First Sold. Brother, good night; to-morrow is the day.

Sec. Sold. It will determine one way; fare you well. Heard you of nothing strange about the streets?

First Sol. Nothing. What news?

Sec. Sold. Belike, 'tis but a rumour. Good night to you.

First Sold. Well, sir, good night... [4, с. 1000]

Солдаты обсуждают предстоящий бой. В условиях военного времени люди склонны прислушиваться к любой информации. Всякие слухи становятся своего рода *предупреждением* для воинов и их полководцев, *то есть приобретают правдивый и очень вероятностный характер.* Однако, располагая какой-то случайно услышанной информацией, второй солдат не спешит поделиться ею с другими. Скорее всего, он посчитал ее неподтвержденной, в высокой степени ненадежной, отвечая на реплику собеседника “*belike*” (то есть “скорее всего”, “судя по всему”...). Возможно, он решил не распространяться из осторожности пустить неверные слухи, либо еще по каким-то личным соображениям, например, чтобы не волновать других воинов. Обратим внимание на реплику первого солдата – “*Nothing...What news?*”. Можно предположить, что говорящий подозревает, что слушающий уже что-то знает или слышал, поэтому формулирует высказывание как конкретный вопрос.

Изученный материал показал, что в диалоге при передаче слухов использование модальных слов и конструкций во многом определяется самой ситуацией общения, преимущественно статусом говорящего и обстоятельствами коммуникации. Чем формальнее диалог, тем меньше вероятности появления таких элементов в речи, особенно в случае соблюдения явной субординации между коммуникантами. Передавая чужие слова и не будучи уверенным в их истинности, говорящий стремится отстраниться от источника полученных им сведений и подчеркнуть свою непричастность к определению степени их соответствия действительности. В таком случае информация становится ненадежной и относительной. Различные средства субъективной модальности передают отношение говорящего к сообщению, и чаще всего речь идет именно о тактике обособления и отстранения от сказанного.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва, 1972.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка, 2004. 540 с.
3. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1981. 285 с.
4. William Shakespeare. Complete works. London, 1965.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ А.П. КУЗНЕЦОВА «ЗАСИДКИ»)

Сайбулова А.Ж., Жаглова Т.М.

Оренбургский государственный университет, Россия, г. Тюмень

В данной статье анализируется публикация «Засидки», написанная оренбургским крестьянином-самородком А. П. Кузнецовым, получившим на рубеже 19 – 20 веков признание широкой читательской аудитории. Особое внимание в рассматриваемом произведении исследователь уделяет художественно-выразительным средствам и приемам, которые стали характерными именно для жанра этнографического очерка. Данная работа способствует популяризации и дальнейшему изучению творчества забытых подвижников провинциальной периодики.

Ключевые слова: очерк, этнографический очерк, ученая архивная комиссия, исторические песни, фольклор.

В последние годы возрастает интерес к региональному компоненту в развитии литературы. Заслуживает внимания этнографический очерк, который в конце 19 века стал одним из самых востребованных жанров у оренбургских писателей.

Очерки оренбургских писателей этого периода нельзя поставить в один ряд с прозой их великих современников: И. С. Тургенева, А. П. Чехова, но они по-своему интересны, являются фактом истории очерковой литературы конца 19 века.

В 1890-х годах в России заметно увеличился интерес к архивному делу. По всей стране создавались различные комитеты, комиссии, собрания по изучению наследия родного края. Оренбург не стал исключением. В 1987 году начала работу Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК). Она возродила интерес к истории Южного Урала. Секретарем комиссии стал редактор и издатель первой частной оренбургской газеты «Оренбургский листок» И. И. Евфимовский-Мировицкий. Благодаря ему, многие научные труды, публикации и этнографические очерки нашли свое отражение на страницах «Оренбургского листка». Писателей-этнографов интересовали сведения о заселении края, развитии земледелия, промышленности, меновой торговли с Востоком, городов, народного просвещения, о научных экспедициях, истории и быте народов края, политической ссылке, народных движениях, казачестве и т. п.

Оренбургский исследователь Ю. С. Зобов, который изучал деятельность краеведов Оренбургского края, особое внимание уделил талантливому оренбургскому крестьянину-самородку Ананию Павловичу Кузнецову. А. П. Кузнецов был этнографом, публицистом, собирателем народных песен и фольклора. Годы его творчества приходятся на последнее десятилетие 19 века и первое десятилетие 20 века. Он печатался в «Оренбургском листке» и других газетах.

По мнению Ю. С. Зобова, Кузнецова интересовали жизнь и быт местных крестьян.

«Я хорошо знаю селения нашей губернии, – писал А.П. Кузнецов в одной из своих публикаций, – наших селян, их хозяйство, занятия и даже заветные помыслы их, думы-думушки, и потому могу уверить каждого, что в селе нашем далеко не так все хорошо, как описывают то наши народники.

Привлекательна ли и уютна ли полураскрытая, полуразвалившаяся, полуогороженная, с кривою и дырявою трубою и с худыми окнами крестьянская земляная

изба? А таких изб в Оренбургской, Уфимской и Самарской губерниях я видел не одну тысячу! Нет, наши селяне живут не в изящных домах, а в сказочных избушках, построенных на куриных лапках да на собачьих пятках» [2, с. 2].

Исследователь А. Н. Пыпин указывал, что экспедиции, устраиваемые Академией в разные края России, пробудили интерес к изучению своего отечества в среде частных лиц. «Ученые путешественники в самых далеких захолустьях встречали людей с научной любознательностью, с хорошим и разносторонним знанием своего края» [3, с. 126].

«В самих изучениях этнографии, кроме непосредственного желания изучить свой народ, одним из сильных стимулов было желание найти бытовые и народно-исторические факты для теоретического определения народных идеалов, которые должны бы стать и национальными» [3, с. 399].

С 1987 года в оренбургских изданиях стали выходить этнографические работы А. П. Кузнецова. Редактор газеты «Оренбургский листок» И. И. Евфимовский-Мировицкий охотно публиковал очерки и корреспонденции крестьянина-самоучки. Кузнецов охотно собирал народные песни. В его коллекции насчитывалось более 700 песенных произведений. Среди работ оренбургского этнографа А. П. Кузнецова можно выделить этнографический очерк «Засидки».

В первом же абзаце автор объясняет читателю значение названия очерка. «Во-первых, вообще «засидки» означают вечерние развлечения крестьян, устраиваемые в избах; во-вторых, в частности же они означают артельные соединения крестьян, собирающихся для веселого препровождения скучных осенних и зимних вечеров за работой. Засидки, или развлечения и артельные соединения крестьян, в оренбургском уезде бывают разные: мужские, женские и девичьи, то есть – устраиваемые мужчинами, женщинами и девушками. Засидки, устраиваемые мужчинами, называются «лапотными», устраиваемые женщинами – «кудельными» или «измычными», последние же, девичьи засидки называются «чулочными» [1, с. 2-3]. В отличие от Даля Кузнецов не пытается подчеркнуть с помощью диалектных слов экзотический колорит местной речи, а отражает духовную работу крестьянской мысли. Проявляя внимание к народному языку, писатель не просто записывает местные слова, он обращает внимание на то, что народная речь отражает особенности поэтического мирозерцания.

А. П. Кузнецов с пониманием и уважением относится к труду крестьян, которые полностью обеспечивают себя и свои семьи едой, одеждой и предметами быта. «В селениях, где более уцелело старины, и в настоящее время, во время новизны, во время мены старого на новое, во время погони за изяществом, крестьяне еще и теперь носят обувь своего рукоделия, простую, плетеную из лыка, известные всему свету лапти» [1, с. 2-3].

Писатель рассказывает о рациональности и бережливости крестьян. «В больших крестьянских семействах, где простую обувь носят и старые, и малые, и мужчины, и женщины, лаптей требуется много, особенно много требуется тогда, когда их носят и в будни, и в праздники. Покупную эту обувь носить невыгодно, потому что она обходится чуть ли не дороже кожаных сапог, и поэтому наши крестьяне не плетут сами. Сплести лапти сможет всякий; по каждому для себя в крестьянском семействе плести их нет никакого расчета, так как одна пара крестьянских лаптей, стоящая от десяти до двадцати копеек, чтобы ее сплести, потребует день времени, что для крестьянина бывает весьма дорого всегда, а особенно – летом. Вследствие этого для плетения их здесь имеются особые люди, так называе-

мые, «плетари», или «лапотники». Плетарями в крестьянских семьях бывают обыкновенно старые старики, преимущественно такие, которые, кроме плетения лаптей, ничего не могут делать. В тех семьях, где подобных стариков нет своих, их приходится нанимать, а если не нанимать, то брать в составе семейственных подрядов до смерти, как членов семьи; но это бывает весьма редко, так как такие старики имеются почти в каждом крестьянском семействе, особенно – в семействе большом. Плетением лаптей они занимаются осенними и зимними вечерами, – когда они бывают долгие, – и когда им нет других подходящих занятий. Вечерами этой работой заниматься скучно, особенно скучно ею заниматься в одиночку: «в одиночку де лапотная работа – одна забота». Чтобы поскучать, а главное, чтобы побольше наплести, лапотники наши собираются в отдельные избы и, так сказать, составляют из себя небольшие артели, от трех до пяти человек, и такими соединенными силами работают «сообща», вместе, то есть они работают сначала одного плетаря работу, потом – другою и т.д.» [1, с. 2-3].

В честном труде рождаются мудрые изречения и пословицы: «В артели работа – веселье», «Артелью ночь посидишь – десять засидишь» [1, с. 2-3].

Из очерка мы узнаем, каким повседневным трудом занимались женщины. «Не говоря о ткани холста и сукна, о шитье белья и кафтанов, обработка коноплей, льна и шерсти, а также пряденье их в наших крестьянских семьях всецело возложено на женщин. Обработать материал, чтобы он был годен для пряденья, и напрясть потребное количество пряжи женщины должны в свободное от земледельческих сельскохозяйственных занятий время. Самым свободным временем, подходящим к обработке этого материала и к пряденью пряжи, в жизни наших крестьян – это осень и зима. В это время у нас и обрабатывают прядельный материал, – лен, конопля, шерсть, – и прядут пряжу. Днем женщины занимаются обработкой, а вечером – пряденьем» [1, с. 2-3].

Далее автор повествует о том, как крестьянки прибегают к хитростям, рисует их инициативными, трудолюбивыми, выявляет природную смекалку и ум. Для того чтобы сподручнее было прясть, женщины собирались группами: «Составлять такую артель и так работать им приходится, во-первых, из-за экономических соображений, чтобы «соблюсти огонь», свет; во-вторых, вследствие того, что одиночная вечерняя работа эта бывает весьма скучна; из-за того, чтобы было повеселее; в-третьих, наконец, потому, что соединенными силами напрядешь несравненно больше, чем одиночкой, так как «в зрители за работой сидеть охотно», потому что «в артели испрядешь больше кудели» или «намыки-горемыки», «мочки-пряхиной дочки», то есть приготовленного прядельного материала, пучков, из которых выпрядаются нитки, или пряжа, – это артельные вечерние занятия женщин, пряденье льна, коноплей шерсти, и суть кудельные засидки» [1, с. 2-3].

В тексте заметно обильное использование несобственно-прямой речи. С помощью кавычек автор вводит речь крестьян, необычные слова: «намычными», «засидки», «величальные», «плетари». Это говорит о том, что автор не владеет искусством слитного повествования. Его повествование однопланово, что было характерно для массовой литературы того времени.

А. П. Кузнецов часто обращается к фольклору. Рассматривает его как выражение духовно-творческого сознания народа. Поэтому он стремится к точности и полноте в описании праздников, различных обрядов.

В своем очерке автор рассказывает о том, чем занимались на селе девушки.

«Обязанность девушки в крестьянской семье – помогать старшим, конечно, женщинам. Помогать девушка обязана так. Если что-либо в семье не успевает сделать женщина, то дело должна делать девушка». Помимо помощи по хозяйству девушки умудрялись еще и заработать денег. «Во время этих засидок девушкам, от нечего делать приходят молодые парни, которым они поют «величальные» песни, за что с каждого парня получают от двух до десяти копеек денежного вознаграждения. Вот это-то вознаграждение и означает девичий засидочный выигрыш, который составляет половину платы квартальных денег за аренду избы, снятой под чулочные засидки» [1, с. 2-3].

Песни являются неотъемлемой частью этнографического очерка. Вот как автор раскрывает содержание песен на таких собраниях.

«Засидочные песни, поющиеся плетарями, кудельщицами и чулочницами, по своему внутреннему содержанию, или виду, имеют характер эпических и лирических песен, безыскусственных, или народных, главная отличительная черта которых есть особенная задушевность, неподдельность чувств, наивная простота выражений и, наконец, приятная простая образность. Из эпических песен, поющихся на засидках, чаще других, употребляются песни более позднего времени, так называемые, исторические, в которых выражается здравый взгляд народа на события и верная характеристика исторических деятелей; из лирических же песен поются песни семейные, в которых обрисовываются, описываются, или характеризуются отношения членов семьи друг к другу: матери и отца к сыну или дочери, сестры к брату, парня к девушке и наоборот, и т.д. Первого вида песни поются плетарями; второго же – кудельщицами и чулочницами» [1, с. 2-3]. Традиция исполнения песен во время труда, праздников, посиделок пришла из далекой древности.

Как известно, исторические песни восходят к поэтическому эпосу, который в свою очередь, относится к классическому русскому фольклору. Исторические песни – это отклик на конкретные факты истории и дела исторических лиц. Персонажи исторических песен – реально существовавшие люди, чья жизнь и дела оказались значимыми для народной памяти. В данном очерке автор затрагивает царствование Ивана Грозного, о чем правлении было сложено немало народных песен.

«Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будем сказывати
Про грозного царя Ивана Васильевича»
(С. Катайский Ям) [1, с. 2-3].

Отечественная война 1812 года также была одним из популярных источников вдохновения для поэтов-песенников. Песни об удали русских солдат и русского оружия исполнялись во всех уголках Российской империи.

«Как не пыль в поле пылит,
Лишь дубровушка шумит:
Француз (а) с армией валит,
Он валит таки валит,
Генералушкам грозит:
Уж и вас, генералы, в ногах «стопчу» (б),
В ногах стопчу, в каменну Москву взойду,
С наших храмов золоты кресты сниму»!
Как Кутузов генерал

Хорошо ему сказал:
«Не бывать тебе, собака,
В каменной нашей Москве,
Не снимать тебе, собака,
Золоты кресты с церквей»!...
(С. Покровка (подгородняя)) [1, с. 2-3].

На крестьянских вечерах исполнялись и лирические песни. Засидочные песни кудельщиц можно отнести к любовным или семейно-бытовым. Они рассказывали о душевных переживаниях молодых крестьянок, ожидании встречи с любимым, нелегкой жизни в замужестве. Песни отражали внутреннее состояние поющих:

1. «Милые подруженьки! Ложитесь спать,
Ложитесь спать, – вам некого ждать;
А мне, молодешеньки, всю ночь не спать,
Всю ночь не спать, постелюшку слать,
Постелюшку слать, мила дружка (д) ждать».
Первый сон соснула – мила дружка нет,
Другой сон соснула – глухая полночь,
Третий сон соснула – белая заря.
На белой на зорюшке милый друг идет
Сапожки козловые поскрипывают,
Шелковая плеточка посвистывает».
(С. Землянка) [1, с. 2-3].

2. Или песни девушек-«чулочниц»:
«Верба-ль моя, вербушка,
Зеленая веточка!
Не стой, верба, над водой.
Над Уралом рекой»!
(с. Архангельское) [1, с. 2-3].

3. «Я за то люблю Ивана:
Хорошо ходит, нарядно,
Носит бархатный кафтан,
Черну шляпу со пером,
Позолоченным орлом.
Позолоченный орел
За собой девицу вел.
Где девица шла,
Тут трава росла,
Где красавицу вели,
Цветы алые цвели».
(С. Исаево) [1, с. 2-3].

Отражением древних представлений о единстве человека с миром природы и средством формирования определенного эмоционального настроения является в песнях психологический параллелизм: описание природы, как правило, в зачине песни, а затем изображение состояния человека. Традиционны для лирической песни образы-символы, прием ступенчатого сужения образа, лирические обращения, вос-

кликания, единоначатия, система повторов [4, с. 44]. Элементы фольклора становятся приемом изображения внутреннего мира крестьянок. Этнограф демонстрирует народное поэтическое мышление, которое служит средством раскрытия художественной идеи произведения.

Изучение народной жизни привлекало внимание к таким ее сторонам как фольклор и этнография. Фольклорные и этнографические материалы активно включаются А. П. Кузнецовым в художественное творчество, становятся средством художественного изображения народной жизни.

Ценность этого очерка состоит в подборе этнографического материала. Кузнецов сообщает много подробностей о местном быте, нравах, обычаях, одежде, препровождении времени, так что его описания можно причислить к лучшим этнографическим трудам оренбургской литературы конца 19 века. Автор сумел полностью раскрыть смысл такого явления, как «засидки».

К сожалению, приходится констатировать, что художественная специфика жанра этнографического очерка мало изучена и требует тщательного описания и осмысления в русле единого историко-литературного процесса русской литературы.

Список литературы

1. Кузнецов, А. П. Засидки // Оренбургский листок. 1891. № 40. С. 2-3.
2. Кузнецов, А. П. Село Павловка // Оренбургский листок. 1889. № 19. С. 2.
3. Пыпин, А. Н. История русской этнографии. Т. 1. Общий обзор изучений народности и этнография Великорусская. СПб.: Типография Стасюлевича, 1890. 424 с.
4. Русский фольклор: Часть II: Сборник текстов и учебно-методические материалы. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2002. 53 с.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ ИЗВИНЕНИЯ

Шкапенко Т.М.

доцент Института гуманитарных наук, канд. филол. наук,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, г. Калининград

В статье освещаются результаты анализа особенностей функционирования в речи носителей современного русского языка заимствованного англо-американского клише *сорри* (sorry). Для его употребления в коммуникативных актах извинения характерно отсутствие четкой дифференциации между превентивным и корректирующим сценариями, а также высокая частотность использования как средства метакоммуникативного извинения в рамках технически опосредованного общения.

Ключевые слова: англо-американские заимствования, речевой этикет, коммуникативный акт извинения, метакоммуникативное извинение, междометие *сорри*.

Начавшийся с конца 80-х – начала 90-х гг. XX века процесс глобализации человечества привел к значительным изменениям в области функционирования различных языков мира. Происходящие внутри различных языков и культур активные глобализационные процессы получают различные, зачастую диаметрально противоположные определения. Часть лингвистов предлагает рассматривать глобализацию как равноправное взаимодействие языков и культур, другая часть не соглашается с предложенной интерпретацией, описывая глобализацию как лингви-

стическую унификацию, происходящую под влиянием американского варианта английского языка.

Т.В. Долгова предлагает понимать под языковой глобализацией процесс возрастающего воздействия и проникновения системы одного доминирующего языка в системы языков мира, в результате которого изменениям подвергаются лексический, грамматический, синтаксический уровни языка [1]. Признавая справедливость данного определения, следует указать, что в условиях современного существования человечества, когда опосредованная коммуникация является одной из основных форм интерактивного обмена, областью заимствований становятся не только языковые явления, но и свойственные языку-донору речевые стратегии и тактики. Их релокация в речевые практики носителей языка приводит к значительным трансформациям в области речевого этикета, постепенно утрачивающего присущую ему этноспецифичность. В результате исконные, передаваемые из поколения в поколение стратегии и тактики речевого общения подвергаются эрозии, маргинализируясь под натиском англо-американских этикетных конвенций.

Влияние американских стратегий вежливости на речевой этикет носителей современного русского языка уже становилось объектом изучения российских лингвистов. К числу наиболее исследованных следует отнести коммуникативный жанр обращения, в рамках которого происходит депатронимизация – постепенное исчезновение из речевого обихода двухчленной модели обращения, сочетающей имя и отчество. Заимствованию американских речевых формул приветствия и прощания посвящены работы М.А. Кронгауза, И.Б. Щеболевой, И.Н. Пахомовой и других российских исследователей. Значительно менее изученными являются заимствования англо-американских клише в области речевого этикета извинения.

Коммуникативные акты извинения во всех этнокультурных социумах традиционно представлены набором клишированных оборотов, направленных «на поддержание или восстановление гармонии межличностных отношений, намеренно или ненамеренно нарушенной в ходе социальной деятельности» [2, с. 122]. Основными речевыми конвенциями, используемыми в актах извинения в русском языке, являются формулы *простите*, *извините* и их различные вариации. Внимание большинства исследователей данных речевых клише направлено на выявление разницы реализуемых в них прагматических смыслов. Так, Р. Ратмайр утверждает, что формула *извините* содержит просьбу принять во внимание оправдательные причины, в то время как формула *простите* содержит не только признание своей вины, но и просьбу не сердиться на адресанта [3, с. 21].

Примечательно, что все лингвисты строят свой сопоставительный анализ данных речевых средств, исходя исключительно из корректирующего сценария извинения, имеющего место после нарушения участником интеракции принятых в обществе конвенций общения. При этом от их внимания ускользает прагматически равноценное использование двух глагольных формул *извините/простите* в рамках превентивного сценария. Под превентивным сценарием принято понимать фатическое общение, инициируемое чаще всего по отношению к незнакомому лицу с целью получения необходимой адресанту информации. Использование формул *Извините, не подскажете...* – *Простите, не подскажете...* представляется вполне тождественным как с точки зрения содержащейся в них иллокутивной силы, так и с точки зрения производимого перлокутивного эффекта.

В отличие от русского языка, для превентивного и корректирующего сценариев извинения в английском языке характерно использование различных языко-

вых средств. Если фатическое общение реализуется с помощью обращения *Excuse me*, не использующегося в ситуации корректирующего извинения, то для формулы *sorry* характерно употребление только в ситуации регулирования возникших межличностных проблем. Дифференцированное использование в английском речевом этикете данных формул при неразличении двух основных клише в русском языке вызывает проблемы как в правильном их использовании говорящими на английском языке иностранцами, так и в использовании заимствованного *sorри* (встречается также написание *сори*) в процессе общения современных носителей русского языка.

Активное внедрение данного американизма в речевой обиход носителей современного русского языка обычно связывается с ростом туристической активности граждан России на рубеже XX – XXI столетий. С большой дозой уверенности можно предположить, что основным способом релокации данного этикетного клише явились аутентичные конфликтогенные ситуации, неизбежным образом возникающие в условиях совместного пребывания туристов из различных стран мира.

О данном способе внедрения в речь англо-американского клише частично свидетельствуют также развернувшиеся с начала XXI века Интернет- дискуссии по поводу необходимости различения между *excuse me*, реализуемого в рамках конвенции фатического сценария, и *sorry*, реализуемого в рамках конвенции восстановления нарушенной гармонии межличностного общения. Несмотря на разъяснительные кампании, для реальных практик употребления *sorри* до сих пор остается характерным неразличение пользователями двух дифференцированных в сфере англо-американского речевого этикета культурных скриптов.

Всеобщая известность интеръектива *sorри* и его активное употребление в речи носителей русского языка подтверждается данными Национального корпуса русского языка (78 документов, 156 вхождений *sorри*), а также наблюдением аутентичных речевых ситуаций. Анализ дискурсивно-ситуативных условий функционирования заимствования свидетельствует о его преимущественном употреблении в рамках опосредованных различными техническими средствами форм интерактивного взаимодействия. При этом можно констатировать постепенное изменение иллокуции заимствованного *sorри* в направлении, сходном для его употребления в этикетных речевых практиках англоговорящих социумов. В Национальном корпусе русского языка зафиксированы многочисленные примеры, подтверждающие использование клише как средства этикетного извинения:

- Ну и так далее. *Sorри* за некоторую сумбурность [Запись LiveJournal с комментариями (2004)].

- Мы передумали, *sorри*, – сказал Гермес. [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)].

- *Sorри*, видимо, неправильно понял вопрос [коллективный. Форум: ТВС-Квадрат (2012)].

Преимущественная область функционирования *sorри* в опосредованной техническими средствами устно-письменной речи (блоги, форумы, чаты и т.п.), безусловно, накладывает отпечаток на способы его использования. Основной функцией в рамках виртуального общения становится употребление *sorри* в качестве средства метакоммуникативного извинения: *sorри за новояз*; *sorри, опечатался (описался)*, *с ошибкой написала*; *sorри, что не по теме*, *sorри за каламбур* и т.п. Под метакоммуникативным извинением принято понимать употребление соответ-

ствующих речевых клише с целью извинения за допущенную ошибку в рамках принятых норм речевого общения [3, с. 138].

Примечательно, что самым активным метакоммуникативным извинением в рамках общения на форумах, порталах, чатах и т.п., становится принесение извинения за нарушение максимы релевантности, проявляющееся чаще всего в отклонении от темы. В рамках Рунета возникают и активным образом используются клише, получающие полностью англоязычную форму: *Сорри за оффтоп (оффтоп)*, иногда *оффтопик*. Популярность данного клише (от англ. off topic, букв. «вне темы») во многом обусловлена его компрессивной, удобной для быстрого написания формой.

Иной тип заимствования характерен для внедрения в этикет формального общения калькируемого в переводных американских фильмах клише – *sorry?* (*-простите?*), используемого с целью вежливого переспроса в ситуации, в которой адресат не расслышал что-либо. Данное клише в языке-доноре возникает как следствие эллипсиса вопросов: *Sorry, I didn't catch it. Sorry, what did you say?* Нельзя утверждать, что формула – *Простите, я не расслышал*, не использовалась ранее в качестве стереотипного средства переспроса, однако в рамках русского речевого этикета она не подвергалась эллипсису. Под влиянием калькированных переводов употребление усеченного – *Простите?* становится все более популярной формой в рамках культурно-маркированного официального общения. Употребление в данной функции прямого заимствования – *сорри?* маркировано менее формальными формами общения.

Таким образом, в аутентичных речевых практиках носителей современного русского языка *сорри* употребляется в большей степени в корректирующих сценариях, с целью принести извинение в случае какого-либо незначительного, случайно причиненного кому-либо неудобства, либо как способ этикетного обращения с целью уточнения не расслышанной информации. В рамках технически опосредованного общения основной функцией *сори* становится метакоммуникативное извинение. Во всех трех ситуациях следует вести речь об усвоении новых форм этикетного извинения, не связанного с истинными эмоциональными переживаниями, характерными для ситуации этического извинения.

Список литературы

1. Долгова Т.В. Влияние языковой глобализации XX-XXI века на формирование русской терминологии дизайна одежды и моды // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XLII междунар. науч.-практ. конф. № 11(42). Новосибирск: СибАК, 2014.
2. Литвинова В.А. Мотивация извинения в британской коммуникативной культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013, 2 (18). С. 121-126.
3. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
4. Чинова Л. Н. Просьба о прощении и принесение извинений // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 278-281.

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

**РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ГУМАНИЗМА
В РУСЛЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

Гадалов В.Н.

профессор, д.т.н., Юго-Западный государственный университет, Россия, г. Курск

Макарова И.А., Филатов Е.А.

аспиранты, Юго-Западный государственный университет, Россия, г. Курск

В работе рассмотрена тема гуманизма и его философская интерпретация. Выделяются две магистральные линии в понимании содержания идеи гуманизма: первая связана с экзистенциализмом, вторая – с тем, что последний мог именоваться «классической философией»

Ключевые слова: философия, классический экзистенциалистический гуманизм, человечность, опыт фашизации, деструктивность.

Наиболее простое и лаконичное определение классического гуманизма дал Сартр [1, с. 343] это теория, «которая рассматривается человека как цель и высшую ценность. Хайдеггер об этом пишет примерно также [2, с. 197]: цель такого гуманизма состоит в том, чтобы вернуть человеку (homo) его человечность (humanitas); он заботится о том, «как бы человек стал человеческим, а не бесчеловечным, «негуманным», т.е. отпавшим от своей сущности». Причем эта сущность, т.е. человечность человека, «определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, т. е. сущего в целом». Несмотря на указанные выше различия в позиции двух философов, их претензии к классическому гуманизму одинаковы – его неудовлетворительность состоит в том, что он подходит к человеку с точки зрения его что, тогда как в действительности человека в большей степени характеризует его *как*. Хайдеггер поэтому предлагает рассмотреть – человека не с точки зрения его *сущности* (то есть не как сущее), но с точки зрения того, что присутствует посредством этой сущности. Что значит знать человека с точки зрения его сущности? Значит, знать его так, как знает наука: как продукт эволюции, животное, обладающее такой-то структурой, такой-то психикой, такими-то социальными привычками и т.д. Подобное знание есть не более чем способ «громоздить естествонаучную и историографическую информацию» о человеческих «свойствах... и интригах» [2, с.198]. Это не значит, что такая информация не верна, но, ставя своей целью описание сущности человека, то есть того, что делает человека человеком, она все более и более от этой сущности отдаляется. Как пишет Хайдеггер, «если физиология и физиологическая химия способны исследовать человека в естествонаучном плане как организм, то это еще вовсе не доказательство того, что в такой "органике", т.е. в научно объясненном теле, покоится существо человека. ... Может, наоборот, оказаться, что природа как раз утаивает свое существо в той своей стороне, которой она довертывается к технически овладевающему ею человеку» [2, с. 198]. Более того, мы будем оставаться в рамках подобного знания даже в том случае, если постулируем «над» получившимся объектом-человеком такие сущности, как «душа», «дух» и т.д. В той мере, в какой они будут пониматься как сущности, обладающие наличным содержанием, они точно

так же будут предполагать человека как сущее, тем самым затемняя вопрос о его бытии. С этой позиции Хайдеггер критикует современный ему гуманизм: последний, определяя человека как *animal rationale*, как «личность», как духовно-душевно-телесное существо, хоть и подчеркивает некоторые положительные характеристики человека, тем не менее не достигает его настоящего достоинства, «ставит *humanitas* человека еще недостаточно высоко» [2, с. 201]. Сартр [1, 343] «Человек не может определяться исключительно через сущее, кроме своей «сущностной» части он есть еще и *ничто*, то есть свобода. Благодаря ей, человек есть то, что он есть, и не есть то, что он есть. Свобода делает человека принципиально незавершаемым. Как бы наука не определяла человека, он всегда будет одновременно неким *ничто* за пределами этого определения. Из этого следует, что «мы не обязаны думать, что есть какое-то человечество, которому можно поклоняться... Культ человечества приводит к замкнутому гуманизму... и – стоит сказать – к фашизму. Такой гуманизм нам не нужен».

Как можно было бы расшифровать последние слова Сартра? Опираясь на все сказанное выше, можно выделить два основных недостатка классического гуманизма. Коль скоро считается, что какие-либо определения ухватывают сущность человека, последний утрачивает свою суверенность и становится манипулируемым. Отныне, например, появляется возможность делить все человечество на людей и не-людей или недо-людей. Исторический пример нацизма наглядно показал, к каким последствиям может привести подобная возможность. Да, действительно, гуманизм провозглашает суверенность и ценность человеческой личности, однако тут же захватывает над ними власть, определяя те границы, в которых такая личность может состояться. Человеком, например, может считаться римский гражданин, но не раб или варвар. У последнего уже нет права на суверенность. Точно так же как в век Просвещения его не будет у душевнобольных. В связи с этим позволим себе процитировать Эриха Фромма, изобличающего «гуманистическую» позицию К. Лоренца: «Условие, при котором он отказывается от разрушения другой страны, состоит в том, что там живут люди с такими же, как у Лоренца, вкусами и привязанностями... А то, что речь идет просто о живых людях, которые могут погибнуть, – этого недостаточно. Иначе говоря, полное уничтожение противника нежелательно лишь тогда, когда и поскольку тот принадлежит к одной и той же культуре, что и Конрад Лоренц, и разделяет его интересы. Суть и характер этих заявлений несколько не меняются от того, что Лоренц требует "гуманистического воспитания", т.е. воспитания в духе максимального привития индивиду общечеловеческих ценностей и идеалов. Именно эти принципы преобладали в системе воспитания в немецких гимназиях перед первой мировой войной, однако большая часть учителей этих гуманистических гимназий, вероятно, была значительно воинственней настроена, чем простые немцы» [3, с. 31]. Как пишет Сартр, что неважно существует бог или нет «даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило...». Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога.

В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, учение о действии [1, с. 344]. Когда женщине является ангел и требует, чтобы она убила своих родных, в конечном счете, именно ей решать, является этот ангел действительно ангелом или наваждением дьявола, ничто не решит это за нее. Но это же значит, что она и только она будет ответственна за этот выбор.

Отстаивая гуманистическую направленность экзистенциальной философии, Сартр отмечает, что ее часто считают слишком мрачной и жестокой. Отчасти это действительно так, поскольку эта философия постоянно напоминает человеку о его конечности и свободе, смертности и ответственности. Поскольку человек выдвинут в ничто, он лишен оснований и им постоянно владеет тревога. Экзистенциальная философия, рассуждая о подлинном существовании, вынуждена постоянно возвращаться к этому чувству, тогда как люди, как правило, стараются о нем забыть, «потеряться» в повседневном потоке дней и событий. Попадая в иллюзию тотализирующего мышления, люди как будто бы находят себе «подлинные основания», позволяя им определять ход своих жизней.

Рассматривая тему гуманизма и его философскую интерпретацию нами выделяется две магистральные линии в понимании содержания идеи гуманизма. Так первая линия связана с экзистенциализмом, которую представляют прежде всего главные её идеологии в лице Ж.П. Сартра и М. Хайдеггера. Вторая линия, по нашему мнению и др. авторов, может именоваться «классической философией» гуманизма, которая предполагает отношение к человеку как к цели и высшей ценности, экзистенциалистической же в качестве такой ценности поможет в большей степени не человека, но в тоже время человечность – это трепетное, не рационализируемое отношение ко всему иному, в том числе и другому человеку. Человечность человека осуществляется через устремленность в свободу. Другое и позволение свершиться его знаковости [4].

Список литературы

1. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; Пер. А.А. Санина. М.: Изд-во политической литературы. 1989. С. 319-345.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М.: Республика. 1993. С. 192-241.
3. Фрем Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ. 2004.
4. Орлов Д.У. Лицо и феномен: опыт фашизации вещей // Эммануэль Левинас. Путь к Другому. Сб. статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 2006.

ОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ

Трынкин В.В.

доцент кафедры философии и теологии, канд. филос. наук, доцент,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются основания математического знания. Выявляются две её формы в виде сопутствующей опыту и чистой математики. Изучаются устремления и возможности математики, именуемой чистой, со стороны сторонников и критиков данной науки, особенно Геделя, а также учений философов. Обозначается особенный вклад Платона в стратегию развития математики.

Ключевые слова: математика, чистое развитие, помощь опыту, анализ, количество и качество, перспектива.

Математика восхищает многих своей строгостью и чёткостью обоснования. Она является критерием достоверности и научности открытий. И никто ныне не

сомневается в её авторитете. И всё же её положение не однозначно. Автор рассматривает дополнительные идеи современных и более древних авторов, способные расширить возможности математики.

С давних времён математика помогала людям по широкому кругу дел. Ныне её услугами пользуются все естественные науки. Казалось бы, такое положение дел утвердилось надолго. Но современное время предъявляет к математике дополнительные требования. При обращении к самой математике, выясняется, что путь её собственного развития не безоблачен. Математика перестаёт быть однородной дисциплиной, двоится внутри себя. Одна её часть продолжает предельно эффективно помогать естественным наукам, особенно физике и астрономии. Другая её часть углубилась в саму себя, словно забыв об остальном мире. Отчасти это понятно: любая отрасль знания всегда имеет собственный, отличающийся от остальных, способ саморазвития. Однако данный путь не суверенен, он существует для обновлённого обращения к опыту. Вторая часть математики этот этап возврата утратила, приобретя чрезмерный, полностью оторванный от опыта вид. Чистое, внутреннее саморазвитие математики некоторые её представители сочли единственно возможным. Отчасти такое предположение было вызвано усложнением математического инструментария, отчасти желанием подражать неточно понятой философии Канта, а также Гегеля, создавшего онтологию духа.

В чём-то виртуальный путь развития был подсказан последователями Канта и Гегеля. Один из них, Кассирер, вначале колеблется, выбирая точку отсчёта, идти ли «со стороны объекта или субъекта, со стороны мира или деятельности познающего «я» [5, с. 89]. И тут сказывается неверно понятая философия Канта, так как его последователь останавливается только на позиции субъекта. Он, например, полагает, что актуально бесконечное в математике предстаёт в виде только психологического синтеза акта исчисления [5, с. 90]. Но Кант выступил в роли основателя трансцендентальной философии, согласно которой выстраивается ряд уровней конкретно-научного, обобщенно-научного и философско-синтетического знания, где важен и опыт, и познающий субъект, и целостный синтез всех знаний.

Некоторыми современными математиками и философами, её изучающими, началá разрабатываться только субъективная математика. Иной раз подобные суждения категоричны: «вне человеческого разума математика не существует» [см.: 7, с. 271]. Правда, даже в чистом виде математике нужны опоры. Их находят в виде чисто интеллектуальных категорий. Тому вроде бы помогает Гегель, так как у него категории считались формами бытия вещей. Однако в философии Гегеля под понятием «вещи» подразумевались свойства, модусы логики, т.е. сугубо интеллектуального процесса.

Чистое развитие математики отчасти связывают с представлением о врождённых идеях, с её, якобы, аподиктической очевидностью, убедительностью математических идей самих по себе, без обращения к опыту. Её адептам, порой, кажется будто природа словно подстраивается «под придуманную человеком математику» [6, с. 150]. Доопытную природу математической интуиции часто связывают с гипотезой Лейбница о предустановленной гармонии. Поверхностному мыслителю Лейбниц кажется твёрдым сторонником учения о врождённой идее Бога и других врождённых идеях. Повод отчасти давал он сам, ссылаясь на Платона, полагая, что у нашей души возможны предыдущие состояния, обусловленные, в конце концов, извечным состоянием душ [8, с. 80]. Видимо, именно поэтому у Лейбница появилось понятие монад, чистых, бестелесных сущностей. Но позиция Лейбница далеко

не однозначна. Он, а после Кант, постоянно думал о расширении опытного знания. Потому, он не считал врождёнными актуальные знания, но лишь глубоко внутренние, потенциальные: «актуальное знание не врождено, но врождено то, что можно назвать потенциальным (*virtuelle*) знанием» [8, с. 88]. Чтобы данное знание коснулось сознания, его требуется словно высвободить из затаённого состояния, а потом несколько раз перепроверить: «врождённое ещё не значит сразу ясно и отчётливо познанное; чтобы осознать его, часто нужно много внимания и методичности» [8, с. 98]. Иначе говоря, процесс частичного прозрения и происходит в минуты вдохновения. Современная наука уже располагает достаточным подтверждением существования инобытия и сложнейших контактов с ним [15, с. 239]. Потому вполне возможно, что душе в моменты тайного вдохновения открываются особые знаки из сверхъестественной реальности. Правда, подобные прозрения фрагментарны, их иногда дарит сновидение, которому не всегда веришь. Потому эти лёгкие идеи после требуют комплекса обязательных подтверждений. В этой связи, ориентироваться на врождённые идеи, как на постоянную основу мышления, опрометчиво. Также вряд ли продуктивен полностью отстранённый от опыта путь развития математики.

И всё же приходится констатировать, что ряд математиков активно продолжает искать подтверждения сугубо чистому её развитию. Кто-то ссылается на понятие *a priori*, введённое в оборот Кантом. На этом основании делается вывод, что математика исключительно идеальна, а потому к опыту отношения не имеет [см.: 10, с. 57-58]. И в этом же плане написана, мол, онтология Гегеля [см.: 10, 57]. Идеи априоризма показались привлекательны даже физикам и кому-то из них показался возможным перевод синтетических суждений априори из метафизического их состояния в практическое положение [см.: 3, с. 45]. Хотя Кант совершал подобную процедуру не по отношению к отдельной отрасли знания, что невозможно, а по отношению к перспективам развития науки как таковой.

Стремление к априоризму не могло принести что-то удачное. В своё время Гильберт, вместо помощи математике, превратил её в бессодержательную игру с формулами по жёсткому алгоритму [7, с. 280]. Следствием тому в математическом анализе заняла особое место не истинность утверждений, а на их формальная непротиворечивость. Доминирование формы сказалось на утрате строгости доказательств, появлении в них парадоксов и даже противоречий. И всё из-за того, что забота о чистоте исчислений привела к полному отрыву от реальности, от помощи опыту [7, с. 201].

Меж тем, философия Канта достаточно трудна для изучения. Ему удалось принять во внимание стратегические для науки неразрешимые проблемы познания. Потому он сумел обосновать чрезвычайную ограниченность даже самых лучших научных знаний о природе вселенной. В соответствии со стратегическими выводами философии Канта наука пока не имеет возможности создавать законы и опираться на них. Её единственная перспектива – всего возможное знание. В этой связи, полагает Кант, стоит осмыслять принцип *a priori*, как познание какой-либо новой реальности «на основе одной только его возможности» [4, с. 59]. А если априорное знание – это только знание предполагаемое, а не действительное, значит, оно не может быть всегда безоговорочно точным. К аналогичному выводу приходил Эйнштейн. Он считал, что чистый путь в математике основан только на своеобразной договорённости математиков об основных аксиомах. Но как только подобные теоремы «прилагаются к отражению реального мира, они уже не точны» [16, с. 83].

Представители математики, требовательные к самим себе, осознают отсутствие перспективы при однополярном, внеопытном усложнении математики, которое приводит к появлению ошибок из-за отказов математической интуиции [10, с. 28]. Кое-кто, более критичный, утверждает, что априористические «программы обоснования и исследования математики, представляет собой регресс» [10, с. 17].

Фактическое отсутствие перспективы развития чистой математики самой по себе связано также с возрастающей пирамидой обоснований в математике, использующей вроде бы недоказуемые предпосылки – аксиомы. Считается, что аксиом должно быть немного. Например, аксиомы Цермело-Френкеля. Согласно одной из них, если два множества состоят из одних и тех же элементов, они тождественны. Вариантов таких множеств немало. Тут и множество x и y , и неупорядоченная пара (x, y) , и объединение множества множеств. Таким образом, подобного рода множеств может быть бесконечно много [7, с. 295]. Аксиоматический вид обоснований в математике подвергается критике с разных сторон. Особо внушительная критика подобных обоснований принадлежит К. Геделю [1931]. Он обнаружил, что очевидность, опирающаяся на аксиомы, претендует на непротиворечивость самой мощной системы в математике, которая включает и арифметику целых чисел. Но «она не может быть установлена средствами самой этой системы» [7, с. 303]. По итогу размышлений Геделя возникло следствие: если теория T , в которую входит арифметика целых чисел, претендует на формальную непротиворечивость и полноту, то «она всё же катастрофически неполна» [7, с. 304]. Данное следствие, как оказалось, охватило собою формальные системы Цермело-Френкеля, Рассела-Уайтхеда, аксиоматику чисел Гильберта и другие распространённые аксиоматические системы.

Гедель обосновал свою позицию так: каждой формуле системыⁿ присвоил соответствующее числоⁿ. Каждой последовательности формул, претендующей быть доказательством, он также присвоил числоⁿ. Наконец, с помощью чисел он представил утверждения математики о формулах аксиоматической системы. Тем самым у Геделя появилась возможность преобразовать математику в арифметику [7, с. 305].

Затем Гедель обратил внимание на приём, который использовали софисты в их известном парадоксе: «один критянин сказал, что все критяне лживы». Суть его такова: если кто-то утверждает, что критяне лживы, то лжив и сам человек, заявивший, что они лживы. В данном кругу отсылок и самоотсылок концов не найти. Это свойство Гедель обнаружил в математической аксиоматике. Его основой стало следующая цепочка: «утверждение S ложно». Если S ложно, то ложно и то, что S ложно, в силу чего S должно быть истинным. Но если S истинно, то оно всё же, согласно его утверждению, ложно [7, с. 305]. Прodelав данную операцию, Гедель заменил фразу « S ложно» фразой « S недоказуемо» $[G]$. У него получилось: если утверждение доказуемо, то оно недоказуемо. Если утверждение не доказуемо, то утверждаемое им истинно. Следовательно, утверждение истинно и в том, и в другом случае. Так возникло не просто противоречие, а истинное утверждение, которое одновременно неразрешимо [7, с. 305]. Наконец, Гедель вернулся к арифметике. Здесь процедура повторилась: он создал утверждение A – «арифметика непротиворечива», а после доказал, что из G следует A . Стало ясно: если G неразрешимо, то A неразрешимо точно также. Тем самым, ранее всем ясная непротиворечивость арифметики была опровергнута [7, с. 306]. Одновременно, что является основным выводом из учения Геделя, стала ясной очевидная непродуктивность как логических, так и математических аксиом. Параллельно возникло важное следствие: зна-

менитая математическая дедукция, считавшаяся ранее безукоризненной, оказалась явно недостаточной для доказательств. Стремления некоторых математиков ослабить эффект проявившегося поражения выразились в опытах построения ослабленных формул, смягчающих эффект теоремы Геделя [см.: 11, с. 204-205]. Тем не менее, в течение последующих сорока лет «все попытки исключить возможные противоречия и доказать непротиворечивость математических построений не увенчались успехом» [7, с. 321].

С философской точки зрения можно усилить эффект теоремы Геделя: настаивать на безукоризненной чистоте математических изысканий тогда, когда не математикой не освоен процесс выражения качеств многообразного мира, вряд ли целесообразно.

Чистоту математической аргументации ставит под вопрос также принцип неопределённости Гейзенберга. Разумеется, данный принцип первостепенен по отношению к физике. В то же время эволюция математического инструментария была напрямую обусловлена изучением космологических объектов и процессов. Максимальная эффективность математических исчислений также проявилась по отношению к физике (уравнения Максвелла, теория относительности Эйнштейна и т.д.). Значит, связь математики с физикой во многом органична. Итак, согласно выводам принципа неопределённости Гейзенберга, процесс познания в физике носит не категорический, но вероятностный характер. Скажем, лишь условно предположение о нахождении электрона к некоей точке камеры Вильсона. Но пока сохраняется неразрешимая проблема: определившаяся функция вероятности не описывает основного – процесса перемещения электрона. Эта функция характеризует только предполагаемую его тенденцию [3, с. 15]. Философский комментарий к данному принципу таков: даже точнейшая из наук – физика – пока сохраняет вероятностный способ изучения своих объектов. Та же картина складывается по отношению ко всем другим научным дисциплинам. Математика в их ряду – совсем не исключение. Если точность математического анализа пока не может быть достигнута в отношении к материальным объектам и процессам, она тем более не достижима в отношении гораздо более сложных по строению объектов и процессов биологических. Ещё на более высоком уровне сложности находятся психологические, экономические, социальные объекты и процессы.

Казалось бы, математике вполне доступен анализ экономических реалий и состояний. Например, один из ведущих её представителей уверенно утверждает: «Экономика, среди прочих общественных наук, стала по праву рассматриваться как преимущественно количественная наука» [9, с. 72]. Широкий статистический анализ макроэкономических явлений действительно бывает полезен для уяснения текущего состояния экономики и некоторого прогноза её ближайшего развития. Но как только предпринимаются попытки углубления в специфику человеческого поведения, возможности математики резко уменьшаются и сходят на нет. Предположим, экономист строит предположение об обратной зависимости между уровнем зарплаты и текучестью кадров. Он полагает, что прогноз поможет определить совокупную зависимость между зарплатой и текучестью кадров. Затем тщательно проводятся статистические исследования, сопровождаемые многочисленными графиками и формулами, представленными в книге автора на нескольких страницах. Всё это обилие графических и цифровых рядов призвано доказать, что «более высокий уровень зарплаты сокращает текучесть» [17, с. 28-29]. Возникает естественный вопрос: а не было ли это очевидно с самого начала на основании естественных

человеческих запросов в отношении к уровню оплаты их труда? И ответ будет вполне утвердительным. А коли так, степень помощи математики в психолого-экономических процессах оказывается в какой-то степени нулевой, а в какой-то – отрицательной. Это отчасти подтверждает известный экономист, заявивший вначале, что экономика во многом количественная наука. В другом месте он откровенно констатирует, что экономист исключает качественную сложность материала и оставляет только те переменные, значения которых вписываются в количественные параметры Леонтьев [9, с. 73-74]. Однако каждая сделка на рынке, каждая ситуация в корпорации, сам труд человека на производстве и многое другое – в основе своей качественные процессы. Пробрасывать их, значит, превращать экономику в науку, изучающую мир бестелесно движущихся предметов, механизмов, отношений. Иначе – превращать её не в живую, а в мёртвую экономику.

В этом отношении чрезвычайно важным оказывается учение Платона, на которого нередко ссылаются представители математики. Сам он, наряду с Пифагором, был одним из первых, кто задумался о природе чисел. Но, в отличие от Пифагора, обожествившего числа, Платон не счёл возможным поклоняться чисто количественным исчислениям. Наоборот, он учил своих последователей: «Не побуждает к исследованию то, что не вызывает одновременно противоположного ощущения» [13, с. 523e], то есть, подсказывал одновременно обращать внимание на качества предметов. Суть в том, что философы, одним из величайших представителей которых был Платон, прозорливы и в широком, и в узком, и в большом, и в малом. Они способны через самое очевидное увидеть нечто неожиданное и обобщающее. Именно таким способом Платон учил различать устремления математиков, подсчитывающих «два лагеря, два быка и два самых малых или же два самых величайших предмета», и философов, которые будут пристально изучать прежде всего качественные состояния [13, с. 56e].

Платону, в этой связи, принадлежит потрясающее открытие, пока ещё не осознанное математиками даже в начале XXI вв. Его суть заключена в обнаружении двух видов математики – изучающей количественные отношения и отношения качественные, хотя общее имя науки принадлежит слову «математика». Он писал: «Существует <...> два искусства измерения <...>, хотя каждое из них носит одно и то же имя» [13, с. 57e]. образцом в изучении качественных отношений и состояний Платону служил человек, в котором, учил он, следует выделять не только «цвет, и очертания, и величину», но «и пороки, и добродетели» [12, с. 251b]. Действительно, цвет, величина и очертания различают людей между собой чисто внешне. Но о каждом человеке многое говорят его глубинные мотивы и долгосрочное поведение, которое приводит его либо к состояниям добра, либо зла. Потому важней любых внешних черт обнаружение тайной эволюции человека в одном или к противоположному состоянию.

Вклад Платона в сущность математики на этом не ограничивается. Ещё более дальней перспективой, нежели возможность исчисления математикой качеств, является идея великого мыслителя о возможности синтеза количественных и качественных исчислений, образуя пока совсем не известную науке форму синтетической, гармоничной математики. В этом отношении Платон учил: «знание количества звуков и их качества делает нас грамотными» [13, с. 17b]. Каждому специалисту музыки хорошо известно, насколько отличаются между собой величайшие творения композиторов, исполненные юными исполнителями и знаменитыми музыкантами. Количество звуков в произведении бывает одним и тем же, но качество

исполнительского мастерства и звучания произведения отличаются одно от другого разительно. Эстафету вслед идеям Платона подхватил глубокий мыслитель, механик, изобретатель и художник Леонардо да Винчи. Он на новом витке истории и развития знаний по-своему воспроизвёл стратегическую идею Платона о синтезе количественных и качественных параметров в математике: «Четыре главные части следует иметь в виду <...>: качество, количество, место и фигуру» [2, фр. 563]. То есть, наряду с математико-геометрическими параметрами – расположением на плоскости (место), фигурой и количеством он полагал в едином синтезе изучать одновременно и качество предмета.

Далее эстафета фактически прервалась. Лишь некоторые современные мыслители на новейшем витке развития знаний предпринимают попытки разорвать замкнутый круг количественных исчислений. Самый упрощённый вариант не преодоления, а небольшого видоизменения способа количественных исчислений представлен в опытах Л. Заде. Ему кажется убедительным, будто «Элементами мышления человека являются не числа, а элементы некоторых нечетких множеств или классов объектов» [1, с. 42]. У классов объектов переход от одного состояния к другому непрерывен, а не скачкообразен. Но числовые ряды совместно с формулами, как и множества, пусть и нечёткие, от истоков человеческого мышления пока далеки, поскольку человек, что осмыслено в искусстве и в гештальтпсихологии, исходно воспринимает впечатления от мира в образах. Сами они сотканы из качественно ёмких, сгущённых и разнообразных восприятий. Потому возможности математики, даже в виде нечётких множеств, не преодолевают барьера от количественных описаний к качественным. Радуют, по крайней мере, некоторые критические ноты из сообщества математиков, предостерегающие своих коллег от чрезмерного доверия количественным исчислениям. В одном из предостережений математикам напоминают, что бессмысленно отвергать с порога различного рода аксиологические и телеологические изыскания, а следует, наоборот отнестись к ним более внимательно. Если не предпринимать подобных шагов, математика способна вступить «в стадию стагнации и догматизации своих ментальных оснований» [10, с. 129]. Очень хочется верить, что прогрессивная часть математического сообщества обратит серьёзнейшее внимание на существующие предпосылки собственной науки. Что эти специалисты всё же постепенно будут проводить поиск и апробацию возможности радикального обновления математики посредством обращения к разнообразнейшему миру качеств.

Список литературы

1. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. – М., 1979.
2. Винчи Леонардо да. Суждения о науке и искусстве. – СПб., 2001.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. – М.: Наука, 1989.
4. Кант И. Соч. в 6 т. – Т. 6. – М., 1966.
5. Кассирер Э. Познание и действительность. (Понятие о субстанции и понятие о функции). – М., 1913.
6. Клайн М. Математика. Поиск истины. – М., 1998.
7. Клайн М. Математика. Утрата определённости. – М., 1984.
8. Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разумении. Соч. в 4 т. – Т. 2. – М., 1983.
9. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. – М.: Политиздат, 1990.
10. Математика и опыт. – МГУ, 2003.

11. Перминов В. Я. Философия и основания математики. – М., 2001.
12. Платон. Соч. в 3 т. – Т. 2. – М., 1970.
13. Платон. Соч. в 3 т. – Т. 3. Часть 1. – М., 1970.
14. Стили в математике: социокультурная философия математики. – СПб., 1999.
15. Трынкин В. Бытие судьбы. – Нижний Новгород, 2012.
16. Эйнштейн А. Работы по теории относительности. 1921-1955. 135 / Собрание научных трудов в 4 т. – М., 1966.
17. Эренберг Р. Дж., Смит Р. С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Бабаджанова М.М.

к.и.н., доцент, директор Информационно-ресурсного центра ООН,
зав. кафедрой ЮНЕСКО «Межкультурный диалог в современном мире»,
Российско-Таджикский (славянский) университет, Таджикистан, г. Душанбе

Юсупова М.

магистрант 2 курса отделения «Культурология»,
Российско-Таджикский (славянский) университет, Таджикистан, г. Душанбе

В статье анализируются проблемы межкультурного диалога как фактора развития в период глобализации. Возникнув изначально в области экономики, глобализация охватила постепенно все сферы человеческой жизнедеятельности. В области культуры глобализация связывает все нации и этносы созданием единых форм и структур. Исследуются взаимоотношения различных культур и народов. А также приводятся примеры таджикской традиционной культуры.

Ключевые слова: межкультурный диалог, культура, глобализация, общение, традиции, наследие.

«Диалог культур» является сегодня широко употребляемым понятием в различных областях: политике, дипломатии, гуманитарных дисциплинах. Появлению данного понятия в философско-культурологической мысли XX в. предшествовали различные исследования, которые посвящены проблемам взаимодействия культур и социокультурного развития. Большой вклад в анализ данных проблем внесли такие русские и зарубежные исследователи, как Дж. Вико, М.Ф. Вольтер, И.Г. Гердер, Н. Данилевский, И. Кант, П. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер и др. [1, с. 6].

Понятие «диалог культур» в научный оборот ввел русский философ М.М. Бахтин. Под диалогом он понимает универсальный способ изучения и человеческой личности, и культуры. В его концепции диалог культур представляет собой опосредованное взаимодействие человека с культурным прошлым. Культура прошлого в процессе подобного взаимодействия превращается в «активного собеседника». Она ставит перед нами вопросы и дает основу для ответов, и раскрывает новые грани и смысловые глубины.

Мир в настоящее время становится не только свидетелем, но и непосредственным участником процесса глобализации. Возникнув изначально в экономической сфере, она постепенно охватила все сферы человеческой жизнедеятельности. В сфере политики глобализацию связывают распространением демократии западного типа, экономики – с экстраполяцией сформированных на Западе экономических моделей на другие страны мира, культуры – с созданием единых для всех наций и этносов форм и структур. Но если единообразие норм и способов действия, может быть, и обеспечивает цели экономического прогресса, то в сфере культуры – это может обернуться прямо противоположным образом, потому что источником «эволюции» здесь является именно разнообразие, а не тождественность.

Культурному многообразию человечества, с наступлением эпохи глобализации, со стороны массовой культуры брошен вызов, высказываются серьезные опасения по поводу размывания культур и потери ими своей индивидуальности и специфики. Подлинная национальная культура «задыхается» во всё более коммерциализирующемся пространстве глобальной культуры [5].

Реализация принципа диалога многим исследователям видится во взаимоотношениях культур наиболее оптимальной моделью равноправного взаимодействия. Уже не первый год вместе с экспансией западной культуры происходит подобный вид межкультурного контакта. Резкое расширение возможностей общения существенным образом модифицировало характеристики диалога культур, в связи с этим он приобрел ряд особенностей, несвойственных прошлым историческим эпохам. Изменились формы его проявления и характер воздействия на принимающую культуру, являющиеся в настоящее время малопонятными и недостаточно отрефлексированными в теоретическом плане [5].

Сегодня существуют различные подходы к пониманию сущности диалога культур. Вместе с тем, ни один из них не дает полной картины влияния данного вида межкультурного контакта на характер современных социокультурных изменений. В социокультурной сфере большинство позитивных и негативных процессов, приписываемых воздействию межкультурного диалога, на самом деле имеют другие источники и причины. Часто остаются незамеченными в современном мире реальные проявления диалога культур, которые определяют тенденции культурного развития стран и народов. В связи с этим, несмотря на значительный интерес ученых, исследователей и практиков к проблемам диалога культур, имеется недостаточная его изученность: как фактора социокультурных трансформаций в условиях глобализации.

В Челябинске 21 ноября 2016 г. обсудили пути развития Российско-Таджикского культурного диалога в эпоху глобализации [8]. В рамках международного круглого стола «Россия и Таджикистан: межкультурный диалог как фактор развития культуры в период глобализации», прошедшего на базе Южно-Уральского госуниверситета (по инициативе фонда социально-экономического развития «Евразийское содружество») в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 60-летию Таджикского технического университета им. М. Осими состоялось обсуждение.

Депутат Челябинской городской Думы, проректор по учебной работе ЮУрГУ, профессор А. Шмидт в частности подчеркнул, что осуществление межкультурного диалога России и Таджикистана необходимо проводить через образование и науку, сохранение общего культурного наследия наших стран и расширение доступа к нему молодежи.

М. Абдуллоев отметил, что Таджикистан традиционно считается одним из наиболее верных и надежных геополитических союзников России на постсоветском пространстве. «Однако необходимо сделать все, чтобы российско-таджикский диалог был конструктивным и интеграционным. Это диктуется внешними вызовами и угрозами» [8].

Д. Глухарев – заместитель начальника управления внешнеэкономической деятельностью Минэкономразвития Челябинской области в своем выступлении отметил, что геополитические реалии Таджикистана в начале XXI века могут стать основой для становления в будущем модернизированного азиатского государства. Кроме того, Таджикистан, выступая за региональную интеграцию, считает, что

безопасность и стабильность, устойчивое экономическое развитие Центральной Азии, обеспечение политической и экономической независимости государств региона возможны только на основе эффективного и плодотворного регионального сотрудничества. «Таджикистан выступает в поддержку процесса интеграции в регионе, в том числе посредством использования инструментов и механизмов Евразийского экономического сообщества, а также Шанхайской организации сотрудничества на евразийском пространстве» [8].

Сообщение профессора Е. Харченко отразило проблему освоения русского языка студентами из стран Центральной Азии: «В нашем университете ведется серьёзная и большая работа по содействию культурно-языковой адаптации студентов из стран центрально азиатского региона» [8]. Одной из задач университета является создание на евразийском пространстве условий для функционирования русского языка как средства межнационального общения.

В углублении торгово-экономического сотрудничества со странами Таможенного Союза и ЕАЭС заинтересованно руководство Республики Таджикистан. В связи с этим подчеркивается необходимость тщательного изучения возможных отдаленных последствий для экономики страны. Правительство республики, в первую очередь, стремится защитить своих граждан, которые живут и работают в России, в том числе получить и поддержку в вопросе реализации ряда важных для страны экономических проектов.

Профессор И. Окольнішнікова свое выступление посвятила проблеме современных коммуникативных практик в пространстве российско-таджикского межкультурного взаимодействия. Она отметила, что в гуманитарно-образовательном пространстве России и Таджикистана необходимо использовать русский язык. Между нашими странами культурно-творческая деятельность и межкультурная коммуникация осуществляется именно на русском языке [8].

Все внятное и значимое для национальной культуры она впитывает в себя из встретившейся ей культуры и столь же щедро позволяет брать у себя все внятное и значимое. Еще в 2005 г. известный таджикский художник Н. Нарзибеков выразил эту мысль в подготовленной им эмблеме для Первого Фестиваля по культурному разнообразию и диалогу в Центральной Азии, прошедший в Штаб-квартире ЮНЕСКО (24 мая – 1 июня 2005 г., Париж) [3, с.33-35]. Диалог культур – это разные типы художественных взаимодействий, свойство художественного процесса, нарастающее, углубляющееся с развитием общества. Разнообразные влияния одних художественных явлений на другие, внутренние связи художественного процесса, взаимосвязи между элементами художественной культуры как развивающейся системы – это разные формы культурного диалога внутри искусства данной эпохи или современного искусства с прошлым. Здесь не существует ни пространственных, ни временных преград, ни слишком близкого, ни слишком отдаленного – все рядом. Здесь, как в памяти, запечатлевается по соседству прошедшее и нынешнее, а отдаленное во времени может оказаться более явственным и внятным, чем ближнее. Таджикская народная пословица гласит: «...Настоящее приходит из прошлого и начинает будущее». Память разборчива, избирательна и практична. Она отбирает в прошлом все то, что актуально для современности. В нашей памяти с диалогом прошлого и настоящего похож механизм художественных взаимодействий. Особенность памяти: все, что сохраняется в ней из прошлого, становится фактом настоящего. Другими словами, память всегда несет актуальное и в известном смысле снимает временные барьеры, стирает временное и пространственное рас-

стояние и все прошлое и далекое помещает в точку сиюминутного бытия помнящего. Когда речь идет о памяти культуры, то тысячелетия ничего не значат: Платон от нас не дальше Канта, а Шекспир не дальше Бернарда Шоу.

Признание Генеральной Ассамблеей ООН Навруза как Международного праздника, является свидетельством того, что наши предки с наилучшими и высочайшими надеждами создали этот праздник, являющийся олицетворением любви и согласия, красоты и нежности, чистоты и преданности, трудолюбия и пробуждения. Навруз – это символ светлого дня, новой жизни и возрождения природы после суровой зимы. Навруз не только является символом светлого дня, но и олицетворяет благую весть светлого духа возрождения природы и чувства любви к новой жизни. Этот праздник приносит радость каждому дому, каждому селу и городу, делая жизнь прекраснее теплыми и светлыми весенними лучами, приятно вдохновляющим ветром, звонкой дудочкой пастуха и песен крестьян, улыбкой и радостными играми детей. Абуабдулло Рудаки – основатель персидской литературы, который родился и похоронен в Таджикистане, является отцом литературы всех персоязычных народов. Он очень красиво и поэтично творил о Наврузе, прекрасной весне Хорасана [6]. Великий Фирдавси в своем бесценном «Шахнаме» [7] вспоминает о Наврузе устами своего героя и так высоко выражал свою любовь и преданность к вечным национальным ценностям. У Навруза древняя история, доказывающая, что наши народы сохранили этот красивый праздник предков с огромным чувством уважения и бережливости до наших времен. Когда Таджикистан был в составе Советского Союза, празднование Навруза было под запретом, но патриоты и ученые Таджикистана такие как С. Айни, Б. Гафуров, М. Турсунзаде приложили много усилий для возрождения этого древнейшего праздника. В годы независимости Таджикистана, когда таджикский народ стал хозяином своей судьбы, в стране Навруз снова возродился и стал всенародным праздником. Велика роль и таджикского народа и государства в то, что Навруз включен в реестр нематериальных мировых памятников ЮНЕСКО и ООН признал его как Международный праздник. Навруз в Таджикистане отмечается очень торжественно и повсеместно. В Таджикистане ценят Навруз как великий, прекрасный праздник и наследие предков. Арабские народы, как известно, тоже отмечали Навруз до ислама. К примеру, в Мадине арабы праздновали Навруз и Мехргон. Он до сих пор является национальным праздником в некоторых арабских странах. Его традиции и обычаи имеют тесные связи с индивидуальной, семейной и общественной чистоплотностью. Они берут начало от древнейшей истории наших народов, для которых добрый помысел, доброе слово и доброе деяние являлись основополагающим кредо их жизни [6].

В восточных государствах обряды и традиции празднования Навруза до их пор остаются неизменными лишь с некоторыми различиями. Это является одной из основ жизни наших народов, имеющих с давних времён крепкие и древние связи.

В Таджикистане и в других регионах Центральной Азии сегодня до наступления Навруза готовят «суманак» (сумалак). Готовят его из проросших пшеничных зерен, которые когда зеленеют, выглядят очень красиво. Суманак – это символ весны, светлой, чистой жизни и хлеба насущного.

Таджикский народ во время наступления Навруза накрывает дастархан с хафтсином (7 наименований продуктов на букву «с») и хафтшином (7 наименований продуктов на букву «ш»). Они ходят друг к другу в гости в новой одежде и по-

здравляют всех с Новым годом, с пожеланиями им единства, спокойствия и здоровья. Одним из главных элементов является то, что во время празднования Навруза народ очищает свои сердца от обид, чтобы их места заняли любовь и милосердие, протягивают руку помощи малоимущим и нуждающимся семьям с тем, чтобы они тоже смогли радостно отметить Навруз [2; 6].

Эти обряды и традиции наших предков, известные еще со времен эпохи Саманидов. С древнейших времён, в первые дни Навруза, традиционно люди поднимались ранним утром, шли к родникам и ручьям, омывались чистой водой, затем обрызгивали друг друга чистой водой, как символ светлой вести и раздавали сладости.

До того как обратиться друг к другу, люди сначала съедали сахар или мёд, на тело наносили масло, разводили костер. Правители в этот день чеканили новые монеты и дарили народу.

Во времена эпохи Саманидов значимость и величие Навруза особенно возросло, и это подтверждается в произведениях поэтов этих времён. Праздник Навруз – это символ величия, расцвета государственности и гордость предков правителей Сомони, народа Мовароуннахра и Хорасана, а также знак стремления борьбы за независимость.

Следует отметить, что в нашей стране сегодня научное наврузоведение достигло заметных достижений. Таджикские ученые в исследовании истории Навруза и его праздновании в различных районах Таджикистана создали замечательные творческие произведения. В среде таджикского народа распространились песни и стихи, интересные рассказы о Наврузе, и многие из них собраны и опубликованы таджикскими фольклористами [6].

На наш взгляд, если ученые всех наших стран соберут и опубликуют все материалы об истории и традициях празднования Навруза в различных городах и регионах и проведут научные исследовательские работы, то это дало бы плодотворные результаты.

Другим важным компонентом нашей культуры является Шашмаком. Шашмаком – это разновидность вокально-инструментальной музыки, которая зародилась в Центральной Азии и получила развитие на территории современных стран: Таджикистана и Узбекистана. Эта вокально-инструментальная музыка появилась ещё в доисламскую эпоху как придворная музыка.

В 1923 году была сделана первая запись Шашмакома советским музыковедом Виктором Успенским. В 1920-х годах Таджикский Шашмаком был избран национальным культурным символом. 12 мая Указом Президента Республики Таджикистан был провозглашен Днем Шашмакома. В ноябре 2003 года ЮНЕСКО провозгласило «Музыку Шашмаком – Таджикистана и Узбекистана – Шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества». В 2015 году Президент Таджикистана Эмомали Рахмон призвал активно развивать это направление музыки [3, с. 48-52].

Фалак – это вид традиционного музыкально-исполнительского искусства горных таджиков (Куляб, Бадахшан). Это исполнительское искусство в течение многих столетий сформировало свой стиль исполнения, выработала свои каноны, которые следует беспрекословно выполнять исполнителям. Имеет развитую практическую теорию. Фалак – это одночастные и циклические произведения вокально-

го и инструментального видов. Фалакхонӣ базирується на традиційній школі устод-шогирд (учитель-ученик). Базовим інструментом являється думбра, но відіається багатим інструментарієм (рубаб бадахшанський, сетор, гіджак, тутик, даф, таблак і др.). Фалак зародився і розвивався історически в двох регіонах – Кулябе і Бадахшане, отсюда їх названія – фалаки кулобї і фалаки помірї. Жанрових різновидностей фалака множество – фалаки даштї, фалаки роғї, фалаки каландарї, фалаки сафарї, фалаки равона, бепарвофалак і многе друге. Видаючими-ся фалакхонами нашого часу являються Одина Ҳошим, Гулчехра Содикова, Давлатманд Холов, Сохиба Давлатшоева, Аловатов і др. [9]. Фалак також являється народним іскусством іранців і афганців.

Культура сучасного міжличностного діалога має вплив на всі аспекти життєдіяльності людини, такі як труд, быт, доуг, область мислення, і якщо брати в цілому, то на образ життя суспільства і людини.

«Культура і освіта являються найкращими засобами підтримки світа, особливо в постконфліктних ситуаціях, засобами утвердження толерантності, уваження прав людини і гідності кожного» [4].

Як нікогда, сьогодні актуальні сучасне зміст таких понять і тем, як «культура світа», «культура», «цивілізація», «міжкультурний діалог», роль релігій і права в діалозі між цивілізаціями, науко-технологіческі аспекти глобальних загроз життя на Землі, а також обмін думками по таким темам світового розвитку, як традиції і інновації в побудові цивілізаційного пространства.

Список литературы

1. Бабаджанова М.М. Міжкультурний діалог в інтересах стійкого розвитку. Монографія. / М.М. Бабаджанова. – Душанбе: РТСУ, 2016. – 210 с.
2. Бабаджанова М.М. Великий Шелковий шлях і культурні традиції Навруза. Масъалаҳои омузиш ва таҳқиқи таърих ва фалсафаи Навруз. /М.М. Бабаджанова. – Душанбе: «Імперіал-Групп», 2016. – С. 136-144.
3. Бабаджанова М.М., Юлдашева М.Р., Ким В. Калейдоскоп культур. Учебное пособие для школьников старшего возраста и студентов I – III курсов. /Под общей редакцией Бабаджановой М.М. // М.М. Бабаджанова, М.Р. Юлдашева, В. Ким. – Душанбе: «Статус», 2007. – 95 с.
4. Бокова И. Программное заявление «ЮНЕСКО в глобализованном мире: новый гуманизм XXI века», 15 ноября 2009 г. www.unesco.org
5. Вознюк Е. Б. Міжкультурний діалог як фактор розвитку культури в період глобалізації: дисертація ... кандидата культурології: 24.00.01 / Е. Б. Вознюк. – Барнаул, 2012. – 134 с.
6. Виступлення Президента Республіки Таджикистан Емомалі Рахмона на міжнародному торжестві Навруза. http://www.cit.tj/navruz_rus/www/3.php
7. Фирдоуси А. Шах-наме. В 4 т. /А. Фирдоуси. – М., 1957 – 1969.
8. <http://www.ttu.tj/article/164> = <http://avesta.tj/2016/11/22/puti-razvitiya-rossijsko-tadzhikskogo-kulturnogo-dialoga-v-epohu-obsudili-v-chelyabinske/>
9. https://vk.com/wall-61061489_376377?reply=376468

ЖАНРЫ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ ТАТАР ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Галимова Э.М.

заведующая отделом театра и музыки, кандидат искусствоведения,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ,
Россия, г. Казань

Данная статья посвящена вопросам изучения традиционного музыкального фольклора оренбургских татар. Интересен тот факт, что собранные экспедиционные записи послужили материалом для некоторых выводов в аспекте сохранения религиозных особенностей и современного бытования жанра *мунаджат*. Однако, во многих населённых пунктах Оренбургской области нами отмечено угасание жанра *баит*. В целом, жанры книжной традиции играют важную роль в формировании этнической самобытности и музыкального фольклора оренбургских татар.

Ключевые слова: оренбургские татары, музыкальный фольклор, песенная культура, жанры книжной традиции, мунаджат, баит.

В настоящее время в обществе и науке активизировался интерес к этническому музыкально-эстетическому наследию, решению проблем исторической преемственности в культуре и возрождению традиционных ценностей. В этих целях в 2015 году Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ была организована комплексная экспедиция в Оренбургскую область. В ходе экспедиционной работы нами была поставлена задача посетить Шарлыкский район (д. Сарманаево, д. Новомусино, д. Зирекле, д. Мустафино); Александровский район (д. Султанаево, д. Тукай, д. Яфарово); Сакмарский район (д. Татарская Каргала, д. Верхние Чебеньки); Саракташский район (д. Кульчумово, д. Чишма, д. Кабан, д. Биктимирово, д. Никитино, д. Аблязово) Оренбургской области. В данных поселениях проживают татары, татары – мишары, башкиры и казахи.

В данной научной статье огромное внимание уделено жанрам книжного интонирования – *мунаджатам* и *баитам*. Причиной тому является то, что в Оренбургской области жанр *мунаджата* находится уже на стадии исчезновения. Сохранившиеся жанры книжного интонирования в быту татар Оренбургской области носят в большей степени религиозный характер. Как известно, многие исследователи дают следующее определение жанру: *мөнәҗәт* – обращение к Богу с просьбой, молитва, интимный разговор с Богом. По смыслу этому жанру ближе всего арабо-персидское слово *нәҗсү* (беседа). По-видимому, от этого слова произошёл термин *мөнәҗәт*, что означает «исповедь самому себе», «разговор с Богом» и подчёркивает его интимный, сакральный характер.

Первые попытки определения жанра «мунаджат» были сделаны известным русским этнографом С. Г. Рыбаковым. Уже в то время он четко разделял жанры «книжного сочинительства» (мунаджат, баит) и произведения подлинно народные «джырлар»: *озын көй* (простые и сложные) и *такмак*. Если баит, по его мнению, представлял собой «поэму или оду исторического и поучительного содержания»,

¹ Исследование проведено при поддержке Гранта за счет средств, выделяемых на основании Указа Президента РТ №УП-1153 от 24 декабря 2002 года (в ред. Указа Президента РТ №УП-509 от 08.09.2007 г.) и Постановления КМ РТ №271 от 19 мая 2003 г. (в ред. 12.10.2007 г.) из бюджета Республики Татарстан. Номер проекта: №19-145-хГ/2017.

то мунаджат – сочинения «религиозного содержания, в которые входят изречения на арабском языке» [7, с. 45].

После С. Рыбакова для науки жанр *мөнәҗәт* был забыт на долгие годы и не публиковался вплоть до 1976 года – года выхода в свет сборника этномузыколога М. Нигмедзянова [6]. Лишь в последние 30 лет татарская фольклористика приступила к исследованию данного жанра, в частности таких вопросов, как определение термина, истоков формирования и содержания.

Так, фольклорист Р. Ягъфаров, считая этот термин арабского происхождения, дает следующее ему определение: «обращение к Богу с просьбой», «молитва», «интимный разговор с Богом» [14, с. 20]. Этому же мнению придерживаются и другие фольклористы [11, с. 26-27]. Однако, по мнению З. Сайдашевой, – к этому термину ближе всего арабо-персидское слово «нәжү» (беседа). По-видимому, от этого корня и происходит слово *мөнәҗәт*, что означает «исповедь самому себе», «разговор с Богом», что явно подчёркивает его интимный, сакральный характер [9, с. 77].

Содержание мунаджатов разнообразно. М. Х. Бакиров приводит довольно, исчерпывающую классификацию этого жанра [2, с. 65]. Опираясь данными фактами, З. Н. Сайдашева внесла некоторые коррективы, и систематизировала их с учётом их функции, выделив:

1) Мунаджаты, выполнявших функцию прославления Аллаха, мусульманской религии, Пророка Мухаммеда, святых (это – *зикры*, *салаваты*, *эльвидаги* и т.д.). 2) Мунаджаты – обращения к Аллаху с просьбой о помощи, милосердии. 3) Ритуальные мунаджаты, исполняемые во время религиозных обрядов, праздников Уразы, Гает, Маулид, Гашура, религиозных *мәҗлисов* и т.д. 4) Мунаджаты – размышления о смысле жизни, о необходимости учиться, о человеческих пороках, о смерти и бессмертии и т.д. 5) Ностальгические мунаджаты, посвящённые разлуке с родиной, родными, друзьями. 6) Мунаджаты – жалобы матерей на одиночество, на разлуку с детьми, или на детей, бросивших её, не почитающих её старость (Ана зары), а также жалобы сирот. 7) Мунаджаты – завещания и наставления, обращённые к детям (Ана вәсыяте).

По собранному экспедиционному материалу в Оренбургской области мы можем систематизировать жанр *мөнәҗәт* по их содержанию и выделить 3 группы. К первой группе относятся *мунаджаты*, в которых утверждается монотеистическая идея восхваления Аллаха, в них присутствует обращение к Аллаху с просьбой о помощи, милосердии, и они близки, по мнению М. Бакирова, к такому жанру восточной литературы, как *тәүхид* (араб. объединение; вера в единого Аллаха). Ко второй группе мы можем отнести ритуальные *мунаджаты*, исполняемые во время религиозных обрядов, праздников. Третью группу составляют *мунаджаты* – завещания и наставления, обращённые к детям. Во время экспедиции нам удалось зафиксировать такие мунаджаты, как: в д. Новомусино «*Инандым мин Аллага*»¹; в д. Зирекле «*И, Ходаем*», «*Салават әйтү*»²; д. Мустафино «*Әли мөнәҗәте*»³; с. Верхние Чебеньки мунаджат «*Газиз Аллам*», «*Салават әйтү*», «*Жомга салаваты*», «*Алла ярдам бирсен*», «*Ана сүзе*», «*Таравих Тәсбихе*», «*Салават әйтү*»⁴; село Никитино «*Биш балам*», «*Илаһым, диде Муса*»⁵.

¹ Записано от Абдершиной Рушан Бариевны, 1940 г.р. (д. Новомусино, Александровский района).

² Записано от Кабировой Зары Загретдиновны, 1932 г.р. (д. Зирекле, Александровский района).

³ Записано от Саягфаровой Сябили Гайсаяновны, 1943 г.р. (д. Мустафино, Шарлыкский района).

⁴ Записано от Кунафиной Магдалины Гайзулловны, 1938 г.р. (д. Верхние Чебеньки, Сакмарский района).

⁵ Записано от Макаевой Факии Галаявны, 1933 г.р. (с. Никитино, Саракташский района).

Значительно уменьшилось внимание этнофоров к жанру *бает* (*баит*), который являлся в свое время самобытным и национальным достоянием музыкально-поэтического творчества татар-мусульман. В отличие от мунаджатов, баиты привлекали внимание многих фольклористов еще с середины XIX века. В настоящее время в татарских поселениях Оренбургской области традиция интонирования произведений в этом жанре, к сожалению, угасла. Однако современное бытование этого жанра продолжается в письменной традиции.

Термин *бает*, арабского происхождения и обозначает двухстрочную строфу. По мнению фольклориста Ф. И. Урманчеева этот термин вошел в тюркскую поэзию не позднее X – XI вв. Со временем значение его расширилось, так как он стал обозначать уже законченное стихотворное произведение и жанр татарского народного творчества [12, с. 4]. Если ранее исследователь рассматривал *бает* – как жанр героического эпоса [10, с. 9], то позднее – как «эпические, лиро-эпические, иногда лирические стихотворно-поэтические произведения, рассказывающие о крупных исторических событиях, социально-бытовых фактах прошлого» [12, с. 21]. Исследователь предлагает следующую жанрово-тематическую классификацию баитов:

- 1) исторические, в состав которых входят:
 - а) военно-исторические и б) социально-исторические;
- 2) бытовые, также включающие две группы:
 - а) социально-бытовые и б) семейно-бытовые.

Из старинных образцов этого жанра нам удалось зафиксировать очень популярный в свое время баит *Сак-Сок*, в котором, – по мнению филолога Ф.Ахметовой, – «синтез эпического и лирического определяется достоинством поэтики эпоса: нагрузка на сюжет уменьшена, так как разбросанные строфы баитов (характерное свойство эпических песен вообще) несут самостоятельную оценку действительности [1, с. 41].

В ходе экспедиций нами зафиксирован единственный исторический баит «*Су буенда ...*» в содержании, которого последовательно повествуется судьба комиссара и события времён гражданской войны. Исходя из собранного музыкального материала определяется следующая жанрово-тематическая классификация баитов: 1) исторические (сохранились только в текстовой форме) и 2) семейно-бытовые. Это наиболее многочисленная группа данного жанра. Основа их содержания – это трагическая гибель отдельных людей. Именно эта группа баитов на данную тематику актуальна в Оренбургской области. Из старинных образцов этого жанра нам удалось зафиксировать очень много интерпретаций популярного в свое время баита *Сак-Сок*. В настоящее время традиция интонирования произведений в этом жанре, к сожалению, угасла. Очень часто этнофоры интонируют *баит* на напев *мунаджатов*. В связи с этим, бытование этого жанра наблюдается лишь в письменной традиции. Баитам свойственна строфическая форма стихосложения с чёткой организацией стиха: как правило, строфа состоит из двух или четырёх строк. В ходе полевых исследований в д. Новомусино нами записаны: «*Раушания баете*», «*Өзелгән гомер*»¹; д. Зирекле «*Айрат туганыбыз баете*»²; с. Кульчумово «*Расулла баете*»³, д. Кабан «*Солдат баете*»⁴.

¹ Записано от Абдершиной Рушан Бариевны, 1940 г.р. (д. Новомусино, Шарлыкский район).

² Записано от Кабировой Зары Загретдиновны, 1932 г.р. (д. Зирекле, Шарлыкский район).

³ Записано от Арченбаевой Таскиры Мингалиевны, 1955 г.р. (с. Кульчумово, Саракташский район).

⁴ Записано от Мусиной Халиды Гыйльметдиновны, 1938 г.р. (д. Кабан, Саракташский район).

На сегодняшний день, развитие традиций музыкального и устного фольклора представляет собой огромный научный интерес. Жанры книжного интонирования (*мунаджаты и баиты*) сохраняют в себе черты древних религиозных традиций, которые уже в процессе бытования определяют самобытность и некий «этнический код» исследуемой группы татар. Безусловно, это накладывает свой отпечаток на интонационную структуру и ритмическую организацию данных жанров. Необходимо отметить, что в интонировании некоторых обрядовых и книжных напевов явно проступают черты нового времени, чему способствует поток трансляции музыки татарского радио и телевидения, пропаганда поп-культуры и информационное влияние социальных сетей. Это сказалось не только в откровенной переориентации традиционных ритмов «*тюркского аруза*» в жанры песенной лирики, но и в использовании в мелодии традиционных жанров современных бытовых интонаций. Молодое поколение этнофоров к жанрам книжного интонирования особого интереса не испытывают. Исключением являются только те, которые связали свою судьбу с религиозным обучением в медресе и высших исламских учебных заведениях. Поэтому по истечению определённого времени, мы можем увидеть печальную картину исчезновения традиционного вида жанров книжного интонирования. Безусловно, музыкальные записи, сделанные в Оренбургской области, позволили нам расширить рамки познания, связанные с традициями музыкального фольклора, выраженные в жанрах песенного творчества и инструментального исполнительства татар данной местности.

Список литературы

1. Ахметова Ф. В. О специфике жанра баит // Поэтика татарского фольклора / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова / Сост. Махмутов Х. Ш. – Казань, 1991. – С.41-59.
2. Бакиров М. Х. Мөнәжәтләр // Мирас. – 2003. – №11. – 59-77 бит.
3. Курбатов Х. Р. Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика. – Казан: Тат. книж. изд-во. 1984. – 163 бит.
4. Маклыгин А. Л. О модальных свойствах пентатоники в песнях луговых мари // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры: Материалы межреспубликанской научной конференции. – Казань, 1995. – С. 49-60.
5. Надиров И. Н. Татар халык жырлары. – Казан, 1965. – 345 с.
6. Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни / М. Н. Нигмедзянов. – Казань: Таткнигоиздат. 1976. – 215 с.
7. Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта / С. Г. Рыбаков // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. – СПб., 1897. Т.2. – 330 с.
8. Сайдашева З. Н. Песенная культура татар Волго-Камья: Эволюция жанрово-стилевых норм в контексте национальной истории / З. Н. Сайдашева. – Казань: Матбугат йорты, 2002. – 166 с.
9. Сайдашева З. Н. Татарская музыкальная этнография / З. Н. Сайдашева. Казань: Тат. кн. изд-во. 2007. – 224 с.
10. Урманчеев Ф. И. Героический эпос татарского народа. – Казань: Тат. книж. изд., 1984. – 308 с.
11. Урманчеев Ф. И. Мунаджат // Идель. 1999. – №3. – С. 26-27.
12. Урманчеев Ф. И. Лиро-эпос татар Среднего Поволжья. – Казань: Тат. книж. изд., 2002. – 256 с.
13. Файзи Ж. Х. Халык жәүһәрләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1971. – 288 бит.
14. Ягъфаров Р. Ф. Мөнәжәтләр // Татар халык ижаты: Бәетләр / Р. Ф. Ягъфаров. – Казан, 1983. – 20-22 бит.

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Голубь Н.А.

заведующая НИЛ «Культура, искусство и социум Приднестровья»,
Приднестровский государственный институт искусств,
Приднестровье, г. Тирасполь

В статье исследуются актуальные вопросы состояния традиционной народной культуры Приднестровья и определяются перспективы ее развития в условиях социокультурного пространства республики. Традиционная культура рассматривается как значимый ресурс социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: традиционная культура, народные традиции, фольклор, культура как региональный ресурс, историко-культурное наследие.

Традиционная культура, как важнейшая составляющая духовного и культурного пространства любого народа, выступающая основой формирования национального самосознания, включает народные традиции, обряды, ритуалы, праздники, фольклор, национальные особенности духовного уклада того или иного этноса и многое другое.

В жизни народа значение и роль традиционной культуры неопределимы, поскольку выступает как форма передачи народного опыта, и как источник формирования народного характера, и как одно из средств воспитания подрастающего поколения [1, с. 33]. Повышенное внимание к традиционной культуре в настоящее время обусловлено возросшим интересом общества к историческому и этнокультурному наследию.

Наследие, которым обладает современное Приднестровье, формировалось тысячелетиями под воздействием проживавших некогда на этих землях славянских племен уличей, печенегов и половцев. Этой территории довелось быть частью Древнерусского государства, Великого Княжества Литовского, быть под Золотой Ордой, входить в Крымское ханство, а затем – в составе Речи Посполитой и Российской империи. Политика, проводимая Россией с конца XVIII века, привела к активной миграции в Приднестровье болгар, русских, украинцев, молдаван, немцев, евреев, армян, греков [2, с.15]. Поэтому проживающие здесь народы впитали в себя различные элементы фольклора, которые частично сохранились и до наших дней. Разногласия присуща некогда турецкому городу Бендеры и армянскому поселению Григориополь, болгарскому селу – Парканы и молдавской Слободзее, украинской Каменке и русскоязычному Тирасполю. Поэтому деятельность по сохранению и восстановлению традиционной народной культуры, характеризующая идентичность проживающих здесь граждан, признана в качестве одной из приоритетных задач государственной культурной политики в республике. Тем более что с момента образования республики в 1990 году государственными языками были признаны – русский, молдавский и украинский.

Как отмечают исследователи, «молдавско-украинско-русские контакты, так же как и их результаты, были различными и определялись конкретными социально-экономическими условиями, а также формой расселения украинского и русского населения. Нередки были случаи полной ассимиляции славянских групп, свиде-

тельством которой явилось широкое распространение украинских фамилий в молдавских селах северных и поднестровских уездов» [3, с.118].

Приднестровье – это регион, сохранивший традиционность народной культуры, которая наиболее ярко проявляется в народных художественных промыслах, многие из которых сохранились до настоящего времени: резьба по дереву, гончарное искусство, ковроткачество, вышивка, роспись по дереву и др.

В тесной взаимосвязи с материальным культурным наследием сохраняется и восстанавливается в молодой республике нематериальное культурное наследие: традиции, обычаи, обряды, исполнительское искусство и народные праздники.

Традиции и обычаи, дошедшие до нас от наших прадедов, так или иначе, связаны с важнейшими датами солнечного календаря – зимнего и летнего солнцестояния. Будучи непосредственно ориентированы на сельскохозяйственные работы, с их началом или окончанием, с посевом или сбором урожая, они знаменуют важные вехи года. Рассмотрим некоторые из них.

К примеру, в новогодний период были распространены гадания на бобах и на зернах кукурузы *«а пуне боадий»*, что отражает настрой на плодородие в наступающем году. Желание иметь многочисленное потомство, пронизывают многие обычаи и обряды новогоднего цикла – *«Хэитура»*, *«Семэнакул»*. Как и у других народов, «они реализуются в многочисленных обрядах, посвященных духам и божествам счастья и богатства. Идея успеха и благополучия выражается также и через символику украшений жилищ, через обереги на одежде, через ритуальную пищу». Одним из наиболее распространенных и популярных видов досуга в это время года были посиделки. По определению, «посиделки (вечорка, вечерница, посидки, вечер, (укр.), шезэтоаре (молд.) – сезонная форма молодежного досуга в осенне-зимнее время, наиболее характерная для восточных и южных славян [4, с. 59].

В последнее десятилетие был возрожден старинный праздник «Трифон Зарезан», который своими корнями уходит в античные времена и пришел к нам из Болгарии. Это праздник в честь христианского священника Трифона, покровителя виноградарей, виноделов, садоводов и огородников отмечается 14 февраля. По традиции в этот день начинали подрезку лозы, чтобы получить осенью большой урожай, поэтому святого Трифона и называют – Зарезан (Подрезанный).

С началом весенних полевых работ люди вступали с землей-кормилицей в контакт, как бы «заключали с ней договор». Для этого на весенних полях устраивались обильные многочисленные трапезы. Подтверждением тому является так называемый праздник «Зеленное свято», (обыденное название праздника, который отмечается в понедельник, через неделю после Троицы) *«Пе ярбэ верде»*.

На летний период приходятся сложные обрядовые циклы, носящие защитительную, охранительную форму (для урожая, для общества, и для каждого человека) в виде исполнения различных сказаний и театрализованных действий – *«Калоян»*, *«Пеперуда»*. В северных районах республики в целях сбережения посевов от града и ненастий зажигают пасхальную свечу, освещенную в праздник *«Маковейя»*. Для летних праздников характерны обычаи и приметы, связанные с солнцем. В календаре известны так называемые «горящие дни», приходящиеся на праздники середины июля – Прокопий и Пантелеймон. Одним из древних обрядовых праздников считается *«Купалие»*.

Осень – это период свадеб, *«кумэтрий»* (крещения детей). Кроме этого праздники, посвященные сбору урожая и окончанию уборки, приобретают все более светский характер, т.к. чаще всего их совмещают с Храмовыми праздниками

села, Днем города и Республики. В этот день устраивают массовые гуляния, танцуют массовый танец «Жок», проводят соревнования по борьбе «Трынта», где главным призом является баран.

Как правило, следование народным традициям и обычаям больше осуществляется в сельской местности, в то время как в городской это выражается в проведении масштабных фестивалей народного искусства, таких как: фестиваль искусств «Мэришор», фольклорный фестиваль «Истоки», Республиканские фестивали молдавской культуры – «Ниструле пе малул тэу» и украинской культуры – «Піснично перевесло», ежегодно проводится фестиваль казачьей культуры. Прописку в нашей Республике получили Открытый районный фестиваль народных ремёсел «Мештер фаур» и праздник молодого вина «Тулбурел».

Народная культура нового и новейшего времени существенно отличается от прошлых и классических фольклорных форм. Эти изменения связаны, прежде всего, с общей динамикой в системах культуры и общества, повлекшей за собой утрату универсальной роли традиционных культур народов в новых условиях [1, с. 27].

В целях сохранения, возрождения и популяризации традиционной народной культуры при Государственной службе по культуре и историческому наследию ПМР действует Комиссия по проведению Государственной историко-культурной экспертизы, которая рассматривает вопросы, связанные с сохранением недвижимых объектов культурного наследия. Создано объединение мастеров-ремесленников, которое призвано популяризировать деятельность народных мастеров прикладного искусства, способствовать активной выставочной деятельности, реализации мероприятий по поддержке народных промыслов и ремесел в виде проведения ярмарок, научно-прикладных и образовательных программ. Размещена информация о творческих достижениях на сайте Государственной Службы.

Но необходим комплексный подход к сохранению и восстановлению традиционной народной культуры как основы культурной самобытности Приднестровья, для чего требуется разработка целевой программы, основанной на действенной поддержке центров народно-художественной культуры, таких как Тираспольский Дом народных традиций и ремесел, сельские Дома культуры, которые оформляют «Каса маре» (молдавская гостевая комната), национальным обществам русской, молдавской, украинской, болгарской, гагаузкой и др. культур, гостевым этнодомам, в т.ч. путем расширения спектра внедрения грантовой системы.

Особенно сегодня важна поддержка культурного наследия в сельской местности, которое может выступать в качестве средства решения современных социальных и экономических проблем этих территорий. Поскольку через обучение различным видам народных ремесел решаются задачи занятости сельского населения, активизации малого предпринимательства, социальной адаптации, занятости детей и подростков, и пр.

Уместно взять за основу опыт Англии, где успешно действует программа «Сделай свой талант рабочим местом». Она предполагает обучение талантливого человека началам предпринимательства, технологиям создания и продвижения предметов декоративно-прикладного искусства. Программа, поддерживаемая государством, территориально направлена на провинцию и способствует созданию новых рабочих мест и развитию самой культурной среды. Такой комплексный подход к обучению дает больше преференций молодым и талантливым, а, значит, больше возможностей в обеспечении их работой, чтобы задержать на родине, и сделать свое государство местом приложения таланта.

Таким образом, традиционная народная культура, являясь конкурентным преимуществом региона, может и должна выступать как мощный региональный ресурс, способный переломить кризисную ситуацию и дать новый импульс развитию территории, стать фундаментом её интенсивного развития.

Список литературы

1. Народная культура в современных условиях : Учеб. пособие / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии; Отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000. – 219 с.
2. Бочарев М.Н. Молдавия. – М., 1926. – 169 с.
3. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в., Кишинев, 2000. – 231 с.
4. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. – М. – 234 с.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ МИРОЗДАНИЯ В ПОЭТИКЕ К.Д. БАЛЬМОНТА: К ПРОБЛЕМЕ МИНИАТЮРИЗАЦИИ КОСМОСА СИМВОЛИЗМА

Степанов В.С.

аспирант, Институт современного искусства, Россия, г. Москва

В статье анализируется поэтическое творчество «духовного отца» символизма – К.Д. Бальмонта в контексте миниатюризационного воплощения миропреобразующих идей символистов. К.Д. Бальмонт, испытывая ницшеанское влияние, сотворяет свой символистский Космос, для которого столь характерным оказывается сочетание полярных стихий, берущих свое начало из древнегреческой дихотомии аполлонического и дионисического.

Ключевые слова: Бальмонт, аполлоническое, дионисическое, Космос, символизм, двойственность мироздания.

Поэзия символистов представляет собой красивый иллюзорный мир, отличающийся многогранностью и озаренный светом утопического идеализма. Поэты-символисты удивительным образом совмещали в своих произведениях такие полярные сферы, как свет и тьма, солнце и луна, счастье и трагедия. И сам поэт, словно возвышаясь над этим магическим миром, провозглашал свою неподвластную и никем непобедимую силу духа.

Один из вождей русского символизма, К. Бальмонт, описывает этапы своего творческого пути, которые сформировали его философско-образный мир: «Оно (творчество) началось с печали, угнетения и сумерек. Оно началось под Северным небом, но силою внутренней неизбежности, через жажду безграничного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины подошло к Радостному Свету, к Огню, к победительному Солнцу» [7]. И в этом многосоставном космосе поэта лишь он, сам Поэт, есть Творец этого неоднозначного мира:

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.*

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре.
Я властелин.*

*Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.*

*Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.*

(«Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце»)

Творец солнечного мира – ницшеанский сверхчеловек. Этот «властелин» находится в центре космической структуры. Мир этого сверхчеловека, «заключающего в себе» пьянящую смелость дионисической стихии и солнечность аполло-нических грез, отличается ярко выраженным солипсистским началом, являющимся характерным для всего символизма:

*Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.*

(Отрывок из стихотворения

«Я – изысканность русской медлительной речи»).

Несмотря на всю трансцендентальность мирового устройства и колоссальную сложность миссии символистского сверхчеловека в этом мире, сам космос поэта, состоящий из ряда мелких «ювелирных» деталей, представляется очень хрупким и зыбким. Мир символистского героя состоит из бесконечного числа мгновений, передающих различные нюансы красочных гармоний и музыкальной поэтичности слова:

*Я не знаю мудрости годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.*

(«Я не знаю мудрости»)

Именно эти «мимолетности» и составляют космос символистов. Бальмонт всегда требует «...новых снов, хотя бы безобразных, мучительных миров». Следовательно, космос поэта включает в себя не только ясную солнечную систему, где в демиургическом ликованием находит воплощение счастливое мажорное начало Поэта-Творца, но и зыбкую почву земного материального мира. Авторы монографии «Художественный мир К.А. Бальмонта» отмечают, что «частые образы непроходимой всемирной зыби оказываются акцентно доминирующими в поэтическом мировидении Бальмонта, лишь на первый стереотипный и поверхностный взгляд определяемом его аксиоматической соляристкой – на самом же деле это символи-

чески насыщенные феномены нижнего мира, интегрированные в некий тоталитет фундаментального поврежденного мироздания» [6. с. 54-55].

Эта катабазисная структура воплощает в себе другую грань бальмонтовской лирики, описывающей «спящее болото», «тьму» и «бездну вод», «уходящие ступени потускневшего дня», «догорающие тучки немой печали», «зыбкие созвенные мгновенья» и горечь «быстротечного мига»... Признавая и глубоко переживая реалии мирового устройства, бальмонтовский сверхчеловек находит светлую отдушину в вечном (по времени) и вселенском (по значимости) чувстве – любви. Бальмонтовская любовь подобна свету, побеждающему тьму. Любовь у Бальмонта, как и у Соловьева, есть та сила, которая способна воздействовать на реальный мир, и, будучи светом, доминирующим над мраком, выводит его из ночного состояния небытия: «Во мгле голубого рассвета/ Я слышу: «Все в тайне любви!» [1. с. 54].

В последней книге Бальмонта «Светослужение» «любовный мотив звучит как мировая музыка» [5. с. 39]: «Пробужу я в арфе звон,/ Дивный гимн любви построю,/ Я влюблен в певучий сон» [1. с. 37-38]. Этот «в арфе звон» позволяет достичь «певучего состояния души – отражение мирового закона любви, которая «движет солнце и светила» [5. с. 40].

Таким образом, поэтическо-образный мир Бальмонта раскалывается на две части: мир света и мир тьмы. Это двоемирие образует сложную структуру космоса поэта, который, пытаясь преодолеть зыбкую почву существования современного человека, стремится навстречу Солнцу. В этом бальмонтовском мироощущении усматривается синтез двух ницшеанских категорий: аполлоновского начала и дионисического. Исследователь Е.А. Бучкина в статье «Роль мифологемы рождения и смерти в конструировании автобиографического мифа К.Д. Бальмонта» пишет о гармоничной взаимосвязи двух полярных стихий в творчестве Бальмонта, проистекающих из концепции самого мифа, где оба божества взаимно дополняли друг друга: «Учитывая общий миф, лежащий в основе основной божественной функции умирания и возрождения Аполлона и Диониса, мы можем увидеть, что аполлоническое и дионисийское начало у Бальмонта не противопостоят друг другу, а находятся в отношениях взаимодополнения, так как в конечном счете восходят к одной культурной модели и одной архетипической ситуации» [4. с. 63]. Е.А. Бучкина приходит к выводу о взаимосвязи бальмонтовского мифа с ницшеанским, находя данные предпосылки близкими всему символизму: «Взгляд Бальмонта на мифологему рождения и смерти как необходимый атрибут творческой биографии художника в целом совпадает с общесимволистскими представлениями, отраженными в частности, в творчестве Вяч. Иванова. Кроме того, Бальмонт воспринимает данную мифологему в контексте ницшеанского мифа о культуре как арене противоборства Аполлона и Диониса, дополняя его фрэзеровским сведением всего многообразия растительных культов к универсальному мифу о рождении и смерти» [4. с. 64].

Трагизм бальмонтовского двоемирия относится к вопросам культурологического метода исследования эпохи. Ощущение ограниченности и замкнутости человеческого сознания спровоцировало проблему кризисологии западной культуры XX века, раскрытой в «Закате Европы» О. Шпенглера. С одной стороны, антропоцентризм утверждается и занимает весомую нишу в символистской Вселенной, но, с другой – человеческое осознание тщетности и ничтожности своего боготворческого начала слагает комплекс пессимистических умонастроений. В поэтическом тексте Бальмонта «Проклятие человекам» «автор, разделяя со своими современниками общность судьбы, фактически причисляет себя к этим ненавистным ему про-

клятым — к носителям современного «несчастливого сознания», от которого он не в силах избавиться сам, своими силами, а потому способен лишь стенать, взывая к божественному всевидящему солярному оку, причем, похоже, что уже безо всякой надежды на обратную связь» [2]:

*Для нас блистательное Солнце не бог, несущий жизнь и меч,
А просто желтый шар центральный, планет сферическая печь.
Мы говорим, что мы научны, в наш бесподобный умный век,
Я говорю — мы просто скучны, мы прочь ушли от светлых рек.*

Однако, ощущая свою важную миссию, поэт все же стремится объединить в своем творчестве эту двойственность мирового создания: день и ночь, солнце и луну, свет и тень. Поэт сотворяет свой мир, возвышающийся над бездной земного человеческого несчастья, и магически растворяется в нем. Таким образом, наблюдается бегство из «скучного» научного мира, от его банального позитивизма в метафизику собственного творчества:

*Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленясь всем далеким, всем безбрежным. <...>*

*Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся земля с борьбой своей,
Я — облачко, я — ветерка дыханье*

(Отрывок из стихотворения «Лунный свет»)

Красивый, даже идеальный, мир Бальмонта, отталкивающийся от обозначенного «реального двоимирия», наполнен волшебными мгновениями. Ощущение мига — один из лейтмотивов символистов. Вселенная поэта, во главе которой он сам — Творец, восхищает своей парадоксальной дефиницией: глобальное философское преобразующее начало при салонной детализации, метафорическом внимании к музыкальности слова и «любованию» минутными состояниями, настроениями, красочными мгновениями. Самое ценное для символистов — любовное упоение, тот самый прекрасный миг, в котором раскрывается смысл земной человеческой жизни. Следовательно, и Вселенная поэта — есть миг, растворенный в вечности:

*Хороша эта дикая вольная воля;
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих — на мгновенье, не боле, —
Та минута любви, что продлится века*

(Отрывок из стихотворения «Минута»)

Итак, бальмонтовское восприятие мироздания, несмотря на зыбкость основы реального экзистенциального начала и катабазисную сущность несовершенного материального мира, апеллирует все же к свету — к источнику мировой любви и состоянию певучести души. Андрей Белый наиболее полно пишет о синестезии аполоновского (солнечного) и дионисического (отсутствие света, бездна) в мире Бальмонта: «Луч заходящего солнца, упав на гладкую поверхность зеркала, золотит его бездной блеска. И потом, уплывая за солнцем, гасит блеск. Бальмонт — сияющее

зеркало эстетизма... Когда погаснет источник блеска, как долго мы будем любоваться этими строчками, пронизанными светом. Беззакатные строчки напомнят нам закатившееся солнце...» [З. с. 403].

В дихотомии света и тьмы рождается сверхчеловек, творец, создающий в своем творчестве идеальный иллюзорный мир. Эта «красивая» вселенная состоит из множества тонких красочных поэтических откровений, тяготеющих к чарующей мимолетности и «тональному» чередованию образов. Как отмечает К. Чуковский, поэтический мир образов Бальмонта отличается «поверхностность чувства, торопливость образов, изменчивость, хаотичность, безумие настроений, иллюзионизм, ослепительность внешности, подделка красоты красотью» [7]. И в центре этого символистского космоса находится тот самый ницшеанский сверхчеловек, способный через творчество решать космогонические задачи. Так и Бальмонт в «Светослужении», победив тьму светом любви, восходит к созвучному мажорному кадансу, олицетворяющему в его символистской мистерии главный философско-мировой источник света: «Солнце, ты сон наш и ты пробужденье» [1].

Список литературы

1. Бальмонт К.Д. Светослужение. Стихотворения. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 127 с.
2. Бальмонт К.Д. Проклятие человекам // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 158-160.
3. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
4. Бучкина Е.А. Роль мифологемы рождения и смерти в конструировании автобиографического мифа К.Д. Бальмонта // Вестник Удмуртского университета. – Вып. 4, 2010. – С. 62-64.
5. Крохина Н.П. Мотив света во тьме в последней книге К.Д. Бальмонта // Космос Бальмонта: миры и люди / Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции XXVI Бальмонтовские чтения. – Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2014. – С. 37-46.
6. Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Зыбь существования в поэтическом мире К.Д. Бальмонта // Художественный мир К.Д. Бальмонта: поэтическая метафизика ноктюрна. – Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2013. – 124 с.
7. Любовная лирика русских поэтов. [Электронный ресурс]. URL: www.stihi-rus.ru/1/Balmont (дата обращения 03.03.2017).
8. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии: В 2-х т. Т. 1., пер. с англ. Рыклина М.К. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 528 с.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТОРОНА ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Абдулхожаев И.Ш.

ассистент кафедры «История и право», Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова, Россия, г. Грозный

В статье рассматривается процессуальная сторона прокурора в гражданском судопроизводстве, поскольку встречаются множество мнений о его правовом положении в процессе. При рассмотрении участия прокурора в гражданском судопроизводстве, главной проблемой является определение места прокурора среди иных лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: прокурор, ГПК РФ, процессуальный статус, судопроизводство, незаконность.

Процессуальная сторона прокурора является одним из обсуждаемых в науке гражданского процессуального права.

После принятия нового Гражданского процессуального кодекса РФ этот вопрос остается также во многом спорным, потому что законодатель закрепил компромиссный вариант процессуального статуса прокурора в гражданском процессе, который основывается на разных точках зрения.

Вступлением в силу с 1 февраля 2003 года ГПК РФ можно сказать по-новому во многом урегулировал процессуальный статус прокурора, следовательно, и необходимостью теоретического понимания введенных новел. Учитывая это актуальность научных разработок в данной области правоотношений очевидна. В науке гражданского процессуального права тема о процессуальном статусе прокурора не является мало изученным.

При характеристике участия прокурора в гражданском судопроизводстве, главной проблемой является определение места прокурора среди иных лиц, участвующих в деле.

Первой точкой зрения по указанной проблеме можно считать о признании прокурора стороной в гражданском процессе. Эта позиция является доктринальной, потому что утративший свою силу ГПК РСФСР, так и по настоящее время действующий ГПК РФ при правовом регулировании положения лиц, участвующих в деле, разделяют статусы участвующих субъектов. Думается, что данную точку зрения не стоит считать вполне обоснованной и на теоретическом уровне.

Правовое положение прокурора имеет настолько много особенностей по сравнению со статусом стороны в гражданском процессе, что признание их исключениями из общего правила не представляется возможным.

Прокурор прежде всего является таким участником процесса, к который должен обеспечивать защита прав, свобод и законных интересов лиц (п. 1 ст. 45 ГПК РФ).

Необходимо отметить что в судебном разбирательстве прокурор руководствуется только законом, не связан своей позицией в процессе и не является заинтересованным лицом.

Если прийти к такому выводу о незаконности и необоснованности предъявляемых требований, то прокурор может отказаться от иска (полностью или частично), но это не лишает заинтересованного лица права настаивать о рассмотрении и разрешении дела по существу (п. 2 ст. 45 ГПК РФ).

На наш взгляд важно обратить внимание на то, что когда прокурор обращается с заявлением в суд для защиты определенного лица, то данное лицо процессе будет являться истцом. В таком случае если данное лицо не желает вступить в процесс в качестве истца или настаивает на прекращение дела, то процесс должен быть прекращен по общему правилу, несмотря на что прокурор не согласен с этим. Президиум Верховного Суда РФ пришел именно к такому выводу.

У прокурора в процессе, помимо вышеуказанных особенностей существуют и иные отличия в его статусе по сравнению от сторон в процессе. Также прокурор не несет каких-либо судебных расходов (п. 2 ст. 45 ГПК РФ), к прокурору не может быть предъявлен встречный иск, он предъявляется истцу по делу, закончить дело мировым соглашением прокурор не может (п. 2 ст. 45 ГПК РФ). Одной из важных особенностей участия прокурора в гражданском процессе является по окончании прений возможность выступить с заключением, и не зависимо от того, кем было возбуждено дело (п. 3 ст. 45 ГПК РФ). Отметим то, что и судебная практика Верховного Суда придерживается строго правил о том, что прокурор в процессе не является стороной. К примеру, по одному из дел, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отметила, что прокурор поскольку не является истцом, то и срок исковой давности должен исчисляться не с того момента, когда прокурор узнал о состоявшейся сделке между истцом и ответчиком, а с того момента, когда истец узнал о совершенной незаконной сделки, то есть со дня ее заключения.

Между тем, на основе практического опыта, возможно при участии прокурора в гражданском процессе сложиться такая ситуация, не обладающая вышеуказанным отличительным чертам. Итак, можно сделать вывод о том, что прокурор не является стороной в процессе. Пожалуй, в большей степени соответствует истине точка зрения, выраженная М. С. Шакарян, которая заключается в том, что прокурор, не являясь субъектом спорного правоотношения и не имея возможности распоряжаться материальным правом, при предъявлении иска занимает положение истца в процессуальном смысле.

Попытка закрепления данной точки зрения законодательно сделан в п. 2 ст. 45 ГПК РФ, в котором отмечено, что «прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов».

В этом случае утверждать о том, что прокурор является истцом в процессуальном смысле, становится невозможным, поскольку согласно нынешнему гражданскому процессуальному законодательству его статус, все еще в гражданском процессе существенно отличается от правового положения других сторон.

В соответствии с ГПК РФ прокурор вправе вступать в процесс, давать заключения, подавать кассационные и надзорные представления и т. д. В ГПК РФ 2002 года, по сравнению с предыдущим, ограничены лишь основания применения данных полномочий.

В результате этого, будет более правильное говорить о статусе прокурора в данном случае как об особом субъекте гражданского процесса, основным направлением в деятельности которого является защита общественных благ и интересов

общества (пусть даже выражающихся в защите прав и свобод человека), охрана правопорядка.

Н. А. Чечина вслед за Е. В. Васьковским предлагает обозначить данное положение прокурора как «правозаступничество». Отметим также, что представленное противоречие между теорией и практикой представляет собой результат компромисса законодателя в отношении объема полномочий прокурора в гражданском процессе. Суть в том, что когда разрабатывалось новое ГПК активно высказывалось такое мнение, согласно которому что в гражданском процессе участие прокурора должно было быть сведено к минимуму.

Представителями некоторых политических объединений высказывали еще более радикальные позиции, заключающиеся в том, что участие прокурора в гражданском процессе является «юридическим атавизмом». Данная позиция является более правильной и обоснованной. Дело в том, что если прокурор в процессе примет активное участие (например, дача заключений) может отрицательно сказаться на таких принципах как законность, состязательность, независимость суда.

Кроме того, как обоснованно отмечается в литературе, «только прокуратура в силу особенностей ее государственно-правового статуса обладает возможностью отслеживать спорные правовые акты нормативного и индивидуального характера, не защищая корпоративные интересы».

Подводя итог вышесказанному, можно сделать выводы.

Во-первых, место прокурора в гражданском процессе. Однозначно определить его не представляется возможным, так как теория и практика часто противоречат друг другу. Можно согласиться как с точкой зрения М. С. Шакаряна, так и с точкой зрения Н. А. Чечиной и Е. В. Васьковского. Так как с одной стороны, прокурора действительно можно рассматривать как сторону в гражданском процессе (истец в процессуальном смысле), но с другой стороны его нельзя отождествлять с другими лицами, участвующими в деле, в силу выполняемых им функций.

Во-вторых, намечавшаяся тенденция вытеснения прокурора из гражданского процесса, я считаю, со временем, с учетом дополнения к ч.1 ст.45 ГПК («Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, интересов РФ, субъектов Федерации, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования»), должна будет самоликвидироваться. Так как данное дополнение к статье, а также законодательство о прокуратуре, дают благотворную почву для создания некоторой свободы действий прокуроров в гражданском процессе при защите нарушенных прав граждан. Итак, на основании проделанного исследования, хочется надеяться, что в будущем, с учетом изменений законодательства, и самой специфики работы прокуратуры в этой сфере, гражданские дела, в которых проку-

пор защищает нарушенные права, будут иметь должное внимание и самое главное правильное их рассмотрение и разрешение.

Список литературы

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017).
2. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016.
3. Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Статут, 2014.
4. Гражданский процесс. Под ред. Мусина А.В., Чечиной Н.А., Чечота Д.М. М.: Проспект, 1998. – 480 с.
5. Гражданское процессуальное право: учебник / Алехина С. А., Блажеев В. В., Боннер А.Т. и др.; под ред. Шакарян М.С. – М.: Велби: проспект, 2004. – 584 с.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО СТ. 317 УК ЗА ПОСЯГАТЕЛЬНОСТЬ НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

Беседина М.С.

магистрант 3 года обучения Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса НИУ «БелГУ», канд. юрид. наук Лукьянчикова Е.Ф.

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы квалификации деяний за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Исследованы объективные и субъективные признаки состава преступления, обнаружены пробелы и противоречия в действующем законодательстве, разработаны предложения, направленные на совершенствование действующих норм Уголовного закона РФ, предусматривающих ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, правоохранительный орган, сотрудник.

Потребность в нормативном регулировании деятельности государственного аппарата в целом и конкретных его представителей в частности всегда придавала отношениям управления особую значимость и выступала необходимым условием государственной жизни. В связи с происходящими в обществе процессами у государства как в прошлое, так и в настоящее время достаточно оснований для охраны и защиты своих представителей.

Уголовный закон играет в обеспечении такой охраны в числе прочих средств важнейшую роль. В его нормах интегрируется в определённой правовой форме модель того наиболее опасного для управления обществом поведения, которое подвергается запрету под угрозой уголовного наказания.

Действующий УК РФ дифференцирует уголовную ответственность в группе преступлений против порядка управления за посягательства на сотрудников право-

охранительных органов в зависимости от характера и степени применяемого к ним насилия. Перенос акцента в названном механизме на личность указанных субъектов управленческой деятельности позволяет сделать вывод об оформлении в рамках отношений управления самостоятельного института уголовно-правовой охраны личности сотрудников правоохранительных органов.

Указанные лица, как представители власти, являются активными участниками в такой сфере управления, как обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Статус сотрудника в названных отношениях отличается властным характером, направленностью на изменение поведения людей. Это обуславливает высокую степень конфликтогенности, возможность причинения вреда его жизни, здоровью, чести и достоинству.

Анализ преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», позволил сделать вывод о том, что вред причиняется не двум объектам – отношения управления и жизнь сотрудника (как дополнительный), – а двум элементам одного управленческого отношения – самой деятельности и субъекту этой деятельности. Это связано с аксиологическим предпочтением российского государства, закрепленным в ст.2 Конституции РФ, согласно которому человек, его права и свободы, являются высшей ценностью. Вследствие этого не совсем корректно называть жизнь сотрудника правоохранительного органа как дополнительный объект, который «попутно» страдает при посягательстве на отношения управления.

При исследовании объекта данного преступления необходимо сделать особый акцент на личности потерпевшего, поскольку доказывание наличия юридически значимых признаков потерпевшего является важным моментом в квалификации действий виновного. Обязательными признаками потерпевшего как признака объекта данного состава преступления являются: осуществление им деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Также мы пришли к выводу об отсутствии целесообразности наличия союза «и» в диспозиции ст.317 УК РФ (охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности). Считаем, что будет согласована с принципом справедливости квалификация действий виновного, посягнувшего на жизнь сотрудника правоохранительного органа, в служебные обязанности которого входит лишь, к примеру, общественной безопасности. Внесение изменений в ст.317 УК РФ в части названного соединительного союза исключит путаницу при квалификации действий виновных лиц.

Анализируя объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст.317 УК РФ, мы согласились с преобладающим в науке мнением, согласно которому диспозиция данного состава охватывает собой не только убийство, но и покушение на убийство сотрудника правоохранительного органа. Данная позиция согласуется и с официальной позицией Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также практикой следственных и иных судебных органов [3 с. 11].

Преступление, предусмотренное ст.317 УК РФ, может быть совершено только лишь с прямым умыслом, несмотря на наличие в науке дискуссии относительно возможности косвенного умысла.

Считаем целесообразным предложить конкретные практические рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства: необходима реформа в плане изменения ст.ст.317 и 318 УК РФ. Считаем возможным объединить данные нормы и разграничить их по степени причиненного вреда.

Также в связи с тем, что при существующем регулировании невозможно применять некоторые положения Общей части УК РФ (в части правил назначения наказания при покушении), предложен вариант исключения из состава оконченного преступления – стадии покушения. В связи с чем, появится возможность квалификации через ч.3 ст.30 УК РФ [4 с. 17].

Предлагаем также четко очертить круг потерпевших, которые могут потенциально стать таковыми, поскольку нигде в действующем законодательстве не определено, кого же считать «сотрудником правоохранительного органа». Предлагаем закрепить данный круг лиц в примечании к ст.317 УК РФ.

Нами предложено закрепление данного круга в примечании к ст.317 УК РФ, редакция которого могла бы выглядеть следующим образом.

«Под сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющих охрану общественного порядка или обеспечение общественной безопасности, понимаются:

- 1) лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность;
- 2) сотрудники органов внутренних дел, осуществляющие охрану общественного порядка или обеспечение общественной безопасности;
- 3) сотрудники службы судебных приставов;
- 4) сотрудники органов федеральной службы безопасности;
- 5) сотрудники федеральных органов государственной охраны;
- 6) сотрудники службы внешней разведки;
- 7) сотрудники главного управления специальных программ Президента РФ;
- 8) работники контрольных органов администрации Президента РФ, осуществляющие контроль за исполнением законов и иных нормативных актов, выявлением и пресечением правонарушений;
- 9) работники таможенных органов, органов надзора за соблюдением правил охоты на территории государственного охотничьего фонда, органов рыбоохраны, органов государственной лесной охраны;
- 10) частные детективы, охранники».

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. N 9 "О применении судами законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка" (подп. "г" п. 5) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. N 6. С. 11.

4. Бобраков И.А. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Российский следователь. 2006. N 3. С. 16-20.

ФОРМИРОВАНИЕ АРХАИЧНЫХ ИНСТИТУТОВ РИМСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТИТА ЛИВИЯ

Боровков П.С.

студент первого курса магистратуры юридического факультета, канд. ист. наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ – Уральский институт управления, Россия, г. Екатеринбург

Пассажи Тита Ливия, рассматриваемых в данной статье непосредственно из материалов, построенных на изложении оригинального источника – понтификальных погодных записей, в комплексе с другими древними текстами с определенной осторожностью можно использовать в качестве отправной точки для ретроспективного исследования эволюции политико-правовых прерогатив понтификов, происходившей в архаическую эпоху.

Ключевые слова: Древний Рим, понтифики, Тит Ливий, Нума, рекс, жертвоприношения, квиритская община, римское публичное право.

В современной историографии накоплен достаточно большой и, безусловно, успешный опыт изучения политико-правовых функций коллегии понтификов в Древнем Риме. Понтификат был древнейшим государственным институтом Рима. Без исследования вопросов, связанных с происхождением этой коллегии, анализ ее политико-правового функционирования в эпоху классической республики может оказаться недостаточно эффективным и, более того, будут не вполне ясны общие тенденции развития и эволюции римских республиканских институтов в целом.

Традиция практически единогласно связывает возникновение понтификата с законодательством Нумы Помпилия. Так, у Ливия мы находим ставшее уже классическим перечисление религиозно-правовой компетенции понтификальной власти [3, с.72-73; 6, с. 139-143]. Первоначальные полномочия понтификов зафиксированы у Ливия в рамках более крупного пассажа, повествующего об учредительной деятельности Нумы в сакральной сфере [2, I. 19. 6-7,-20. 7]. Сосредоточим свое внимание на изучении этого любопытного и во многом уникального фрагмента.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что данное место у Ливия несколько выбивается из общей сюжетной линии повествования. Более того, оно отличается сжатой и предельно насыщенной композицией. В предыдущем фрагменте [2, 19.1-5.] Ливий достаточно пространно рассуждает о миротворческих заслугах Нумы и о его встречах с богиней Эгерией. Однако в следующем отрывке [2, 19.6-20.7] Ливий резко меняет стиль повествования, который становится лаконичным: по пунктам перечисляются мероприятия Нумы в сакральной сфере. Однако с 21 параграфа Ливий как будто снова возвращается к прерванной теме – поучительные беседы Нумы с Эгерией. Если мы совместим фрагмент I.19.1-5 с фрагментом I.21, то у нас получится связный рассказ, в котором отступление об учреждении жречеств и государственных священнодействий будет выглядеть выбивающимся из общей канвы сюжетом.

Пассаж Ливия об учреждении понтификата [2, 19.6-20.7] неоднократно привлекал внимание романистов [15, р. 48]. Высказывается предположение, что источником Ливия был некий текст, опирающийся непосредственно на *annales maximi* [11, р. 156]. Из сообщений Цицерона известно, что понтификальные погодные хроники отличались сжатым, отрывистым стилем изложения материала [5, II.52-53], который как нельзя лучше подходил для фиксации ежегодных событий в квирит-

ской общине. Кроме того, понтифики благодаря отточенным филологическим приемам так организовывали нарративный материал, что краткость изложения совмещалась у них с информативностью [14, p. 21-22].

На наш взгляд стиль и композиция фрагмента I.19.6–20.7 вполне соответствуют указанным выше особенностям. Ливий вмещает в рамках одного абзаца I.20.5–7 точное и предметное перечисление области регулирования понтификального права. Обращает на себя внимание и архаичность языка в данном пассаже. Так, римский историк использует глагол *exsignare* (записывать, отмечать), который встречается в известных нам латинских текстах только у Плавта «*Trin.* 655» и является по своим морфологическим признакам крайне архаичным словом [12, p. 655].

Почему же Ливий поместил данный фрагмент в структуру пересказа предания об Эгерии и Нуме? В этом случае необходимо учитывать, что Ливий был не просто летописцем. Для историка было гораздо интереснее показать читателю историю развития римских достижений в области государства и права в стройном и связном порядке [10, p. 161-163]. Поэтому вполне логично предположить, что он постарался вписать мероприятия Нумы в области сакрального права в эпизод беседы царя с богиней – то есть выстроить единую сюжетную линию о делах божественных. Кроме того, древний историк указывает, что якобы сама Эгерия посоветовала рексу заняться назначением жрецов и установлением правил священнодействий. В данном случае Ливий использует классический для него прием в изложении фактов римской истории – все реформы и созидательные мероприятия римлян должны быть инициированы или одобрены богами [9, p. 45].

Сосредоточим теперь внимание на предметной области регулирования понтификального права. Ливий [2, I.20.5-7] дает нам следующую информацию: «Нума поручил понтифику наблюдать за всеми жертвоприношениями (*sacra omnia*), которые сам расписал и назначил. При этом он указал, какие именно жертвы (*hostiis*), по каким дням (*quibus deibus*) и в каких храмах (*quae templa*) необходимо приносить и откуда следует выделять требуемые для этого деньги (*pecunia*). Все прочие жертвоприношения, общественные и частные он также подчинил решениям понтифика, чтобы народ обращался к нему за советом и в божественном праве ничего не поколебалось от пренебрежения отечественными обрядами и усвоения чужеземных. И тот же понтифик мог бы растолковывать не только священнодействия богам, но и правила погребальных обрядов (*iusta funebria*), способы, как умиливать подземных богов и какие неблагоприятные знамения (*prodigia*) в виде молний или в ином образе учитываются (*susciperentur*) и отвращаются (*curarentur*)».

Данный пассаж хорошо корреспондируется со сведениями из других древних авторов, что позволяет относиться к нему с определенной степенью доверия. Так Цицерон дает схожие данные о понтификах, замечая, что установления по этим жрецам входили в группу законов о священнодействиях: «Помпилий... священнодействия поручил пятерым понтификам, выставив эти законы в качестве примера, которые сохранились в наших письменных памятниках, дабы религиозными обрядами смягчить нравы людей» [4, II.26]. Плутарх со своей стороны уточняет: «Верховный понтифик является толкователем воли небожителей, надзирает не только над публичными жертвоприношениями, но и над жертвоприношениями частных лиц, не позволяя преступать права религии, и наставляет каждого, как ему следует чтить богов» «*Numa.* 9». Итак, на основании приведенных свидетельств область регулирования понтификального права можно представить следующим образом:

1) тщательная регламентация обрядов жертвоприношений на публичном и частном уровне с определением ранга жертв, дней (когда следует приносить жертвы) и храмов (где должны совершаться конкретные жертвоприношения);

2) определения источников финансирования на культовые потребности;

3) толкование божественного права и контроль над его соблюдением со стороны граждан (однако не в императивном порядке, а через консультирование). Необходимо обратить внимание, что акцент в источниках делается на обязанности понтифика учить, наставлять «*edocere*» [2, I. 20. 7], а не приказывать;

4) толкование пророчеств: умение разъяснить и определить, какие из них следует учитывать и отвергать;

5) консультирование в сфере погребального права.

В источниках также указывается на право понтификов выносить постановление (*scitum*) по вопросам публичных и частных жертвоприношений [2, I. 20. 6]. Ливий указывает и цель этих постановлений: «чтобы в божественном праве ничего не поколебалось от небрежения отечественными обрядами и усвоениями чужеземных» [2, I. 20. 6].

Из этого можно заключить, что постановления понтификов были направлены на сохранение и поддержание *пax deorum* в квиригской общине, что было одной из краеугольных функций публичной власти. Видимо, через эти постановления понтифики контролировали проникновение иноземных культов в систему государственных священных действий. Однако в механизм принятия решений понтифика изначально уже был заложен не принцип приказа, а принцип консультирования, предоставления совета: «чтобы народ обращался к нему (понтифику) за советом» [2, I. 20. 6]. В связи с этим заметим, что само слово *scitum* тесно связано с такими понятиями, как «мудрость», «философское наставление» [1, с.691; 13, р. 964] и несет в себе скорее значение морального авторитета, нежели строгого юридического термина.

Поэтому по своей правовой природе *scitum pontificis* в репрезентации Ливия, на наш взгляд, более напоминают ответы римских юристов, чем резолюции сената или эдикты магистратов. В связи с этим так же необходимо вспомнить первоначальный смысл и юридическое значение термина *plebescitum*, который представлял собой всего лишь решение схода плебса, которое могло и не учитываться магистратами и сенатом, олицетворяющих патрицианское государство [8, s. 45-47].

Прерогативы понтификов, указанные во фрагменте Ливия I.20, нередко рассматриваются исследователями в качестве ориентиров при анализе функций этих жрецов в любом из периодов истории Древнего Рима (то есть до самого конца функционирования института языческого понтификата) [6, с. 139-143; 7, р. 96-102]. Для нас этот пассаж в комплексе с другими фрагментами древних авторов важен тем, что в его рамках концентрированно приводятся основные функции понтификов, обозначена сфера обязанностей исследуемого жречества.

Итак, обозначим основные выводы.

Мы полагаем, что фрагмент Ливия I.20 в комплексе с другими древними текстами с определенной осторожностью можно использовать в качестве отправной точки для ретроспективного исследования эволюции политико-правовых прерогатив понтификов, происходившей в архаическую эпоху.

Материал пассажа свидетельствует, что основной круг обязанностей понтификов изначально связывается древним автором с публичным правом. В интерпретации Тита Ливия законы Нумы выглядят последовательными реформами, направ-

ленными на становление институтов управления и формирования публично-правовых отношений в архаическом Риме (естественно в специфической религиозной оболочке, что является особенностью регулирования социальных отношений в гражданских общинах древнего Мира на ранних этапах формирования государства и права). В связи с этим понтификат рассматривается историком в качестве института публичного права. Такая коннотация выглядит вполне закономерной, учитывая, что коллегия понтификов являлась важным звеном в структуре публичной власти эпохи Поздней Республики, на закате которой Ливий создавал свой труд.

Список литературы

1. Дворецкий И. Х. Большой латинско-русский словарь. М., 2000. 798 с.
2. Ливий Тит. История Рима от основания города / Под ред. М. С. Гаспарова и Г.С. Кнабе. М., 2002. 729 с.
3. Самохина Г. С. Древний Рим: основные аспекты политико-правового развития. Петрозаводск. 2004. 182 с.
4. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Пер с лат. В. О. Горенштейна. М., 1994. 82 с.
5. Цицерон. Философские трактаты. О дивинации. О природе богов / Пер с лат. М. И. Рижского. М., 1989. 67 с.
6. Шайд Дж. Религия римлян. М., 2006. 232 с.
7. Cameron A. Gratian's Repudiation of the Pontifical Robe // JRS. 1968. Vol. 58. 158 p.
8. Ferenczy E. Op. cit; Bleicken J. Lex publica: Gesetz und Recht in der romischen Republik. Berlin. 1975. 102 s.
9. Liebeschuetz W. The religious position of Livy's history // JRS. 1967. Vol. 57. 108 p.
10. McDonald A. H. The style of Livy // JRS. 1957. Vol. 47. 193 p.
11. Peruzzi E. Origini di Roma. Vol. II: Le lettere. Bologna. 1973. 233 p.
12. Oxford Latin Dictionary. Oxford. 1968. 987 p.
13. Oxford Classical Dictionary. Ed. by N. G. L. Hammond., H. H. Scullard. Oxford. 1968. 1087 p.
14. Sini F. Documenti sacerdotali di Roma antica. Sassari, 1993. 379 p.
15. Sini F. Diritto internazionale romano (riflessioni su fides, bellum, hostis, pax) // IVS ANTIQVVM. М., 2003. №. 12. 90 p.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГОСКОНТРАКТОВ

Змиевский Д.В.

доцент кафедры частного права, канд. юрид. наук,
Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского
университета кооперации, Россия, г. Чебоксары

Рассматриваются отдельные проблемы правового регулирования порядка заключения госконтрактов. На основе анализа норм действующего законодательства и материалов правоприменительной практики делается вывод о необходимости внесения изменений в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Ключевые слова: госзакупки, контрактная система, открытый конкурс, гражданско-правовой договор, госконтракт.

Переход к контрактной системе позволил решить ряд наиболее важных проблем в сфере госзаказа, выявленных в период действия предшествующего законодательства. 18 февраля 2016 г. на сайте Минэкономразвития России был опубликован доклад о результатах мониторинга применения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] в 2015 году, в котором делается вполне обоснованный вывод о том, что «контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд соответствует самым высоким мировым стандартам».

Вместе с тем, сам Закон о контрактной системе с момента принятия и по сегодняшний день является объектом многочисленных дискуссий как в сфере науки, так и в правоприменительной деятельности. Причина тому – несовершенство законодательных норм, имеющая место противоречивость его содержания, недостаточное нормативное обеспечение отдельных механизмов его реализации [2, с. 140]. В конечном итоге, указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о сохранении в действующем законодательстве о контрактной системе отдельных коррупциогенных факторов, которые согласно Федеральному закону от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» представляют собой «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» [3].

Остановимся более подробно на анализе отдельных положений Закона о контрактной системе, требующих первоочередного совершенствования и приведения в соответствие с целями принятия Закона и направленных на снижение коррупционных рисков и других злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Сказанное в полной мере относится к способам определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Закон о контрактной системе содержит исчерпывающий перечень способов осуществления закупок, подразделяя их на конкурентные и неконкурентные, к числу последних относится закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Обращает на себя внимание тот факт, что в первоначальной редакции Закон о контрактной системе указывал на 28 оснований, при наличии которых заказчик вправе отказаться от использования конкурентных процедур определения поставщика путем заключения прямого контракта (часть 1 статьи 93 Закона). После изменений, вступивших в силу с 1 сентября 2016 года, Закон насчитывал уже 48 таких оснований. На середину 2017 года их числу составляет – 52. Не вызывает сомнений тот факт, что расширение указанного перечня во многом обусловлено практическими потребностями заказчика, снижающими эффективность их закупочной деятельности отдельных товаров (работ, услуг) путем конкурентных процедур. Однако, следует учитывать, что само по себе существование перечня, предусмотренного частью 1 статьи 93 Закона о контрактной системе, является исключением из общего правила размещения госзаказа. Таким образом, дальнейшее стремительное расширение случаев, когда заказчик наделен правом заключения прямых контрактов,

изначально содержит в себе серьёзные предпосылки для проявления коррупционного поведения.

В условиях существования весьма содержательного перечня случаев заключения прямых контрактов, заказчик вполне может и добросовестно заблуждаться относительно возможности размещения заказа у единственного поставщика, что ни коим образом не влияет на факт нарушения законодательства. Так, например, заказчиком осуществлена закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) на право заключения контракта на закупку аудиовизуальных произведений. На основании пункта 2 части 15 статьи 99 Закона № 44-ФЗ ФАС России была проведена внеплановая проверка и установлено следующее: «в соответствии с пунктом 13 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) может осуществляться заказчиком в следующих случаях: закупка произведений литературы и искусства определенных авторов (за исключением случаев приобретения кинопроектов в целях проката), исполнений конкретных исполнителей, фонограмм конкретных изготовителей для нужд заказчиков в случае, если единственному лицу принадлежат исключительные права или исключительные лицензии на такие произведения, исполнения, фонограммы. В соответствии с извещением об осуществлении закупки у единственного исполнителя закупка у единственного исполнителя осуществлена заказчиком на основании пункта 13 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ. Вместе с тем объектом закупки у единственного исполнителя является оказание услуг по производству аудиовизуальных произведений (межпрограммных роликов). Таким образом, заказчиком неправильно выбран способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя) путем осуществления закупки у единственного исполнителя в связи с тем, что объект закупки у единственного исполнителя не соответствует объекту закупки, предусмотренному пунктом 13 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ».

Относительно конкурентных способов осуществления закупок, следует отметить, что законодательство называет открытый конкурс базовой процедурой размещения госзаказа. Согласно части 2 статьи 48 Закона о контрактной системе: «заказчик во всех случаях осуществляет закупку путем проведения открытого конкурса, за исключением случаев, предусмотренных статьями 56, 57, 59, 72, 83, 84 и 93 настоящего Федерального закона». Вместе с тем, подробный анализ положений законодательства позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время практически отсутствуют случаи, когда заказчик обязан проводить данную процедуру. Часть 2 статьи 59 Закона о контрактной системе наделяет заказчика правом проводить аукцион и за рамками так называемого аукционного перечня (исключения минимальны). Таким образом проведение открытого конкурса скорее право, а не обязанность заказчика.

Следует отметить, что практика проведения конкурсов при размещении госзаказа, и, в первую очередь, открытых, достаточно обширна. Именно проведение открытого конкурса позволяет заказчику в рамках, дозволенных законом, отобрать наиболее приемлемого поставщика путем установления не только стоимостных, но и нестоимостных критериев оценки заявок (квалификация участника, опыт работы и т.д.) [4, с. 80]. Однако, именно при проведении названной процедуры, на наш взгляд, появляется еще один существенный коррупционный риск. Связан он не столько с правилами установления таких нестоимостных критериев (правоприме-

нительная практика ФАС России уже достаточно обширна по этому вопросу), а сколько с несовершенством самой формы проведения открытого конкурса. Как известно, в отличие от аукциона по сегодняшний день открытый конкурс проводится в традиционной «бумажной», а не электронной форме. Данное обстоятельство порождает целый ряд возможных коррупционных проявлений со стороны заказчика, связанных с процедурой приемки и вскрытия конвертов, содержащих заявки участников размещения заказа, и в конечном итоге влияющих на возможность определения «нужного» поставщика. Речь идет, в том числе, и о «вскрытии последнего конверта», когда заказчик при видимом соблюдении соответствующих процедур уже знает о ценовых предложениях конкурентов аффилированного участника размещения заказа.

Зачастую заказчик при размещении госзаказа намеренно делает выбор в пользу открытого конкурса, стремясь тем самым ограничить «географию» участников размещения заказа. Очевидно, что традиционная, а не электронная форма проведения конкурса для потенциальных участников размещения заказа, находящихся в других регионах страны, менее предпочтительна, нежели электронный аукцион, поскольку сопряжена с дополнительными действиями по почтовому направлению такой заявки, обеспечением присутствия своего представителя на процедуре вскрытия конвертов и т.д. Если речь идет о небольших закупках, иногородние поставщики (подрядчики, исполнители) предпочитают скорее отказываться от участия в таких закупках, что в конечном счете отражается и на цене контракта.

Выход из сложившейся ситуации видится в скорейшем переводе процедуры открытого конкурса на электронную платформу. Стоит отметить, что проекты соответствующих изменений уже не раз обсуждались Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, однако, изменения в законодательство так и не были внесены.

Список литературы

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
2. Григорьева Е.О., Петренко Н.И. История российской коррупции // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции. под ред. Н.В. Иванцовой, Н.М. Швецова. – Йошкар-Ола, 2015. – С. 138-141.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – N 29. – Ст. 3609.
4. Змиевский Д.В. Проблемные аспекты механизма гражданско-правовой ответственности сторон государственного (муниципального) контракта // Право и практика. – 2015. – № 2. – С. 77-85.
5. Михайлова Р.В. Сознание как система // Духовная сфера общества. – 2014. – № 11. – С. 128-134.

ПОНЯТИЕ ТРУДОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА 14 ЛЕТ

Карташова Г.Н.

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
Институт права, экономики и управления, Сахалинский государственный университет,
Россия, г. Южно-Сахалинск

В статье трудовая правосубъектность рассматривается в качестве одного из оснований возникновения трудовых правоотношений с лицом в возрасте до 14 лет. Исходя из теории разделения элементов, составляющих содержание трудовой правосубъектности, обосновывается возможность заключения трудовых договоров в отношении малолетних работников. Считаю важным законодательно закрепить трудовую правосубъектность малолетних работников.

Ключевые слова: правосубъектность, трудовой договор, малолетний, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность.

Дифференциация правового регулирования трудовых отношений по возрастному критерию позволяет особо выделить такую категорию субъектов в сфере применения труда как лица, не достигшие возраста 14 лет. Нормы трудового законодательства (ч.4 ст. 63 ТК РФ) устанавливают возможность при участии родителя (опекуна) заключить трудовой договор с лицами, не достигшими возраста 14 лет.

Возрастная граница в 14 лет законодателем избрана не случайно. С точки зрения психологии, считается, что в период от 7 до 12-14 лет происходит активная социализация ребенка, что ведет личность к еще большей самостоятельности [7, с. 65].

Предполагается, что в праве поэтапно (6 лет в гражданских правоотношениях, 10 лет в семейных правоотношениях) ребенок осознает свое поведение, приобретает умение преодолевать трудности для достижения поставленной цели, проводить в жизнь принятое решение, избирать план поведения в трудной ситуации, объяснять свою позицию и ее причины, приобретает способность критически оценивать различные варианты поведения, осознавать последствия и контролировать поведение.

В биологии человека сложнейшим уровнем функционального единства организма является способность человека к труду (трудоспособность), т.е. такое состояние организма, при котором совокупность физических и духовных возможностей позволяет выполнить ему работу определенного объема и качества. Поэтому возраст малолетнего в трудовом праве имеет большое значение для определения его правового статуса, является необходимым условием для возникновения трудовых правоотношений и влияет на круг трудовых прав и обязанностей как работника [4, с. 13-15, 27], так и работодателя.

В настоящее время правосубъектность лица в возрасте до 14 лет в науке трудового права фактически не определена. С одной стороны, на основании ч.4 ст.63 ТК РФ дети в возрасте до 14 лет могут вступать в трудовые правоотношения для участия в создании и (или) исполнении (экспонировании) творческих произведений (ст.348.8 ТК РФ спортивных мероприятий) без ущерба здоровью и нравственному развитию. Но с другой стороны, не все ученые не признают за детьми в возрасте до 14 лет трудовую правосубъектность.

Мнения ученых в отношении правоспособности «малолетних» в трудовом праве можно условно классифицировать на две группы. Первые, это те, кто отрицают правоспособность ребенка в трудовых отношениях до достижения условного возраста. Вторая группа ученых соглашается с наличием у детей в возрасте до 14 лет самостоятельной правоспособности.

Некоторые ученые ссылаются на то, что в Трудовом кодексе РФ установлен возраст для возникновения возможности трудиться (заключать трудовой договор) [10] – 14 лет, и полагают, что этот возраст является рубежным как для трудовых правоотношений, так и для иных отраслей права.

Однако и для тех, кто отрицает трудовую правосубъектность малолетних, и для тех, кто признает ее наличие в разных формах, принципиально важным является момент определения возраста возникновения правоспособности и дееспособности у субъектов трудового права. Если первые исходят из единства элементов правосубъектности, то вторые – из позиции раздельности и самостоятельности правоспособности и дееспособности в трудовой правосубъектности.

В.Н. Скобелкин логично отмечал, что поскольку трудовое законодательство позволяет в отдельных случаях (кино, цирк, театр и т.п.) при определенных обстоятельствах трудиться лицам, не достигшим возраста 14 лет, то, следовательно, они вступают в трудовые правоотношения [9, с. 159-160]. И если бы у ребенка не возникало трудовой правоспособности, то в законе не было бы и возможности такого рода отношений.

Одним из первых на самостоятельность таких элементов как правоспособность и дееспособность в трудовом праве указал Б.К. Бегичев [4, с. 156] и мы разделяем эту позицию. Правоспособность, являясь элементом правосубъектности, представляется пассивным (статичным) элементом правосубъектности, не требующим действий от правообладателя, следовательно, трудовой правоспособностью лица наделяются с рождения.

Следующий элемент трудовой правосубъектности – дееспособность, активный (динамический) элемент, требующий волевого поведения со стороны субъекта трудового права. Признать наличие полной трудовой дееспособности у лиц в возрасте до 14 лет нельзя. Согласно ч.4 ст.63 ТК РФ даже при наличии воли малолетнего на выполнение конкретной работы трудовой договор для выполнения этой работы от имени ребенка, не достигшего 14 лет, подписывает один из его родителей (опекун).

При этом один из родителей (опекун), подписывая трудовой договор от имени малолетнего работника, не становится стороной этого договора, поскольку в ст.ст.15 и 20 ТК РФ указано, что стороной трудового договора является работник, лично своим трудом выполняющий трудовую функцию. С.Н. Еремина, на наш взгляд, правильно считает, что в данных обстоятельствах закон наделяет законного представителя работника (одного из родителей или опекуна) правом подтвердить волю несовершеннолетнего заключить трудовой договор и его обязательство выполнять условия данного договора в соответствии с трудовым законодательством и, как следствие, выступать представителем интересов несовершеннолетнего в иных правоотношениях в сфере регулирования труда с работодателем и в суде [5]. Но поскольку в процессе труда (исполнять роль и т.п.) будет сам малолетний ребенок, то его правовой статус в трудовых отношениях должен быть определен. Мы приходим к выводу, что правоспособность возникает с рождения и сохраняется при физическом и психическом нездоровье, хотя и не может быть реализована, то сле-

дует установить в ТК РФ объем и возраст трудовой дееспособности (деликтоспособности).

За дифференциацию возрастной дееспособности лиц в возрасте до 14 выступали многие ученые [2, с. 113; 6, с. 104; 4, с. 33-34; 3, с. 44-45].

Не станем отрицать отсутствие деликтоспособности у малолетнего работника. Но разделяя позицию разъединения дееспособности и деликтоспособности, предполагаем, что деликтоспособность может возникать во времени позже дееспособности, ведь в трудовом договоре лица в возрасте до 14 лет присутствует воля родителя (опекуна), который, подписывая трудовой договор, должен предполагать возможное наступление неблагоприятных последствий при его неисполнении и, соответственно, принимать на себя обязательство содействовать в выполнении условий трудового договора малолетним работником. Что касается вопроса защиты прав малолетнего, то родители (опекуны) выступают в защиту прав и законных интересов малолетних детей не только в трудовом, но и в иных отраслях права. Отсутствие возможности личной защиты своих интересов не может умалять возможности быть признанным дееспособным в определенной части.

Полагаем, что если исходить из дееспособности как способности совершать юридически значимые действия, реализовывать права, приобретать и изменять обязательства отчасти при помощи законных представителей, то за малолетними в трудовом праве следует признавать ограниченную дееспособность. Поскольку сфера применения труда детей, не достигших возраста 14 лет, не просто частичная, а очень узкая и отличается большим своеобразием (цирк, театр, киноиндустрия, спорт). Ограничения установлены законом в отношении: возраста детей; сферы применения их труда; времени, в течение которого они могут работать; видов трудовой функции т.п. Термин «ограниченная» логически и этимологически соответствует установлениям трудового законодательства и означает – небольшая, узкая, огороженная условиями [8]. Подобное содержание понятия «ограниченная» вполне соответствует содержанию уровню дееспособности малолетнего, то есть локализована отдельными возможностями, обусловлена узконаправленными действиями в трудовых правоотношениях, а недостаток возможностей восполняется одним из родителей (опекуном).

Мы также считаем, что право самостоятельного подписания трудового договора следует сохранить за работниками в возрасте от 14 лет. Такое решение объясняется тем, что: во-первых, лицо в возрасте до 14 лет невозможно наделить деликтоспособностью даже ограниченной или частичной; во-вторых, основные функции в отношениях, тесно связанных с трудовыми, как-то – обсуждение условий труда, обеспечение исполнения заключенного договора осуществляется не работающим ребенком, а одним из родителей (опекуном). Поэтому для того, чтобы устанавливать право самостоятельно подписывать трудовой договор лицом, не достигшим возраста 14 лет, не находим существенных причин.

Список литературы

1. Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М.: Юридическая литература, 1972.
2. Бегичев Б.К. Возраст как условие трудовой правосубъектности граждан. // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. 1966, Вып.6.
3. Буянова А..В. Особенности правового регулирования труда несовершеннолетних работников. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

4. Владимирова Ю.В. Значение возраста работника в трудовом праве России. Дис. канд. юрид. наук. Пермь, 2002.
5. Еремина С.Н. Нетипичные субъекты трудового права // Трудовое право 2011. № 1. URL: <http://www.consultant.ru> (СПС КонсультантПлюс) (дата обращения 07 мая 2016 года).
6. Зайцева О.Б. трудовая правосубъектность как правовая категория. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013.
7. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: Издательство «Юрайт», 2000.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov.info/slovar/>
9. Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения. М.: Вердикт-1М, 1999.
10. Советское трудовое право / Под ред. В.С. Андреева и др. М., 1987. URL: <http://lawlibrary.ru/article1055450.html> (дата обращения: 05 мая 2016 года).

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ АДАПТАЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Корсаков К.В.

старший научный сотрудник, канд. юрид. наук, доцент,
Институт философии и права УрО РАН, Россия, г. Екатеринбург

В статье с научной точки зрения рассматриваются основные пути и форматы интеграционной и адаптационной активности, нацеленной на трудящихся-мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию, которые способны повысить степень их правовой, экономической и социальной защиты в принимающем их российском обществе, а также предлагаются решения, направленные на совершенствование миграционной политики.

Ключевые слова: трудовая миграция, защита прав мигрантов, миграционная политика, рынок труда, регулирование миграционных отношений, трудовые ресурсы.

Как справедливо отмечают многие авторы, действующее российское миграционное законодательство не в достаточной мере соответствует текущим условиям экономико-правового и социально-демографического развития, а также гарантированным международными соглашениями свободам и интересам мигрантов и законным интересам и правам населения нашей страны [1, с. 65]. Оно преследует в основном цель привлечения сезонных иностранных рабочих и не конкретизирует и не развивает мер и средств, благоприятствующих их интеграции, адаптации, аккультурации и получения российского гражданства, будущей жизни в качестве полноправных жителей нашего государства. Это обстоятельство не только ухудшает миграционную привлекательность страны, но и влечет более серьезные проблемы как социального, так и юридического плана, в частности, существенно увеличивает социальную напряженность, криминальный фон и приводит к воспроизводству тяжких и особо тяжких преступлений по мотивам расовой, национальной и религиозной розни и вражды, ксенофобии, бытовой и кровной мести [2, с. 105; 3, с. 137].

¹ Материал подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 17-03-50021 «Научное изучение проблем социальной адаптации, интеграции и аккультурации трудящихся-мигрантов в Российской Федерации».

Во многом в силу этого факта в утвержденной Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г. Концепции государственной миграционной политики до 2025 года было закреплено положение о необходимости активного содействия процессам адаптации, интеграции и аккультурации мигрантов, а также формированию конструктивного взаимодействия и кросскультурного диалога между мигрантами и принимающим их автохтонным населением.

Данная стратегическая цель конкретизирована в указанной Концепции в виде ряда задач по обучению мигрантов русскому языку, юридическому просвещению, информированию о российских культурно-бытовых традициях, обычаях и нормах поведения, обеспечению их доступа к социальным, образовательным и медицинским услугам в зависимости от их юридического положения, противодействию социальной изоляции и сегрегации мигрантов, а равно образованию так называемых этнических анклавов.

Все эти законодательные интенции актуализирует наблюдающийся за последнее время прирост трудящихся-мигрантов из стран ближнего зарубежья в различных регионах России. В основном трудящиеся-мигранты прибывают в нашу страну из Украины, Молдавии, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Киргизии. Между тем установленные за последние годы правовые барьеры в миграционной сфере в части приема постоянных трудящихся-мигрантов (снижение квот, ужесточение порядка легализации своего статуса и т.д.) привели к тому, что иностранцы, находящиеся в стране в течение долгого времени, не могут получить постоянный правовой статус и зарегистрироваться по месту своего жительства или пребывания.

Так, например, снижение квот в многих российских регионах повлекло лишь снижение процента легально трудящихся мигрантов в общей численности трудоустроенных, хотя само присутствие мигрантов на российском рынке труда сократилось незначительно. Это означает лишь то, что многие из них попросту перешли из правовой сферы труда в нелегальную сферу деятельности.

Обстановку осложнила и тенденция, связанная с изменением социально-демографического состава трудящихся-мигрантов: среди последних заметно увеличилось число лиц, имеющих крайне низкий уровень достатка и выходцев из глубинки – сельской местности, недостаточно образованных и социально адаптированных, не знающих либо плохо владеющих русским языком. Также в среде трудящихся-мигрантов за последние пять лет значительно возрос процент женщин – до 35 % от общей цифры по России в целом, увеличилось количество иностранных рабочих, приезжающих в Российскую Федерацию со своей семьей и нацеленных на скорое получение российского гражданства.

Новая миграционная конъюнктура с необходимостью требует разработки и внедрения инновационных интеграционных и адаптационных проектов, планов и программ как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах, причем применительно к отдельным «целевым» группам мигрантов: взрослым мужчинам, молодежи (лицам до 35 лет), женщинам и детям мигрантов.

В данной связи было бы правильным и последовательным выделить и четко закрепить в уже действующих и разрабатываемых стратегических и программных документах генеральные векторы адаптационно-интеграционной деятельности. Мы предлагаем обозначить четыре таких вектора: культурно-этический, социально-демографический, юридический и экономико-трудовой.

Культурно-этический вектор развития предполагает утверждение идей интернационализма, дружбы народов и толерантности. Он предусматривает расширение знаний трудящихся-мигрантов об истории, нравственных основах, моральных ценностях, культурных особенностях и сложившихся правилах поведения в российском обществе, преподавание мигрантам русского языка и повсеместное проведение культурно-массовых мероприятий, направленных на активное включение трудящихся-мигрантов в социально-культурную жизнь.

Полагаем, что ресурсная база данного вектора развития должна быть расширена за счет включения в нее образовательных учреждений всех уровней (в том числе средних школ, колледжей и гимназий), библиотек, домов культуры, выставочно-концертных комплексов. Причем данная адаптационная работа должна учитывать исходную потребность трудящихся-мигрантов в овладении минимальным тезаурусом – тем лексическим минимумом, который необходим им для их трудовой деятельности. Для этого трудящихся-мигрантов по месту их пребывания и работы следует обучать на бесплатных курсах русского языка, так как многие из них не имеют средств для оплаты своего обучения.

Социально-демографический вектор в первую очередь предусматривает обеспечение трудящимся-мигрантам полного и беспрепятственного доступа к предлагающимся сегодня социальным, хозяйственно-бытовым и санитарно-медицинским услугам. Это направление имеет особую важность, потому как сейчас в России многие мигранты полностью лишены какого-либо доступа к бесплатной медицине, бесплатному образованию и социальным трансфертам.

Мы считаем, что сегодня следует официально закрепить и обеспечивать юридическую защиту праву трудящихся-мигрантов на получение медицинской помощи на основании специально выдаваемых им полисов обязательного медицинского страхования. Лицам женского пола из сообщества трудящихся-мигрантов необходимо предоставить доступ к гинекологической и акушерской помощи для их лечения, сопровождения беременности и принятия родов.

Беспрепятственным и полным доступом к медицинской помощи должны обладать дети мигрантов, причем на тех же основаниях, что и дети россиян, включая бесплатную диспансеризацию и прививочную вакцинацию в детских образовательных учреждениях, таким же доступом следует наделить их и в области образования. Для наиболее уязвимых групп мигрантов, например, для попавших в трудную жизненную ситуацию, для многодетных бедных семей, молодых семей с малолетними детьми, матерей и отцов-одиночек требуется обеспечить доступ к предоставляемым россиянам мерам социальной помощи.

Юридический вектор развития вбирает в себя безотлагательные действия со стороны органов политической власти по детализированной регламентации правового статуса рабочих-мигрантов в соответствии с общеевропейскими стандартами, включая законодательное облегчение процедуры натурализации для отдельных видов и категорий трудящихся-мигрантов: в частности, для детей иностранцев, родившихся на территории России, для молодых людей, закончивших в нашей стране школу либо высшее учебное заведение и т.д. Полагаем, что следует усилить юридическую защиту трудящихся-мигрантов за счет предоставления бесплатной правовой поддержки тем из них, кто стал жертвой криминального насилия или обмана.

Последний, экономико-трудовой вектор прежде всего предполагает расширение социальной активности в сфере доступа трудящихся-мигрантов к рынку труда и к возможностям трудовой мобильности. Вполне оправданной и перспективной

видится работа по задействованию мигрантов на рынке труда посредством имеющейся в странах Европы практики сотрудничества последних со специальными негосударственными агентствами занятости, что помогло бы в решении насущной проблемы нелегального привлечения мигрантов к труду.

Данный вектор также предполагает меры по противодействию различным формам трудовой дискриминации мигрантов (неравной оплате труда, двойным стандартам при отборе и приеме на работу), массово распространенным актам неоформления трудовых отношений и невыплаты мигрантам заработной платы, эксплуатации и принудительному труду; по предотвращению маргинализации и пауперизации трудящихся-мигрантов; по предоставлению им возможностей заниматься не только тяжелой низкоквалифицированной работой, но и трудом, требующим высокой квалификации; по улучшению условий труда рабочих-мигрантов, которые часто бывают не только изнурительными, небезопасными и антисанитарными, но и унижающими человеческое достоинство.

Список литературы

1. Алибекова З.Р. Согласование интересов страны-реципиента и трудящихся-мигрантов // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 3. С. 64-69.
2. Корсаков К.В. Убийство, совершенное по мотиву кровной мести, в ракурсе теории уголовного права и криминологии // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 105-110.
3. Корсаков К.В. Причины и условия возникновения институтов кровной мести и изгнания в социальной практике // Российский юридический журнал. 2005. № 4. С. 137-142.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Меженина Е.В.

аспирант кафедры уголовного процесса,
Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург

В статье проводится анализ норм об уголовной ответственности юридических лиц. Приводятся некоторые нормы из законодательства зарубежных стран, правовой опыт привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. Также автором выполнен анализ законодательства КНР по данной проблематике.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовная ответственность юридических лиц, право собственности, юридическое лицо, уголовное процессуальное право.

Мнения авторов по вопросу об уголовной ответственности юридических лиц всегда различны и противоположны. В западной литературе противники уголовной ответственности юридических лиц приводят несколько основных аргументов в поддержку своей позиции:

1. Юридическое лицо не способно нести моральную ответственность.
2. Применение финансовых санкций к юридическому лицу влечет за собой причинение имущественного вреда невиновным собственникам компании.

3. Уголовная ответственность юридических лиц не отвечает ни одной из целей уголовного наказания.

4. Процессы по делам об уголовной ответственности юридических лиц слишком затратны.

5. Юридическое лицо не способно нести полноценное уголовное наказание, т.к. к нему невозможно применить такие виды наказания как лишение свободы, заключение под стражу и т.д.

6. Компенсации вреда, причиненного юридическим лицом, а также прекращения деятельности организации можно добиться и в ином производстве [см, например: 10, 11, 13, 14].

Сторонники применения уголовной ответственности юридических лиц приводят следующие аргументы в поддержку своей точки зрения:

1. Юридические лица (особенно большие) оказывают все большее влияние на жизнь общества и государства.

2. Участились международные преступления, совершенные с участием юридических лиц, такие как, например, торговля оружием, людьми, разработка полезных ископаемых в местах ведения боевых действий и т.д.

3. Некоторые требования и условия, предъявляемые юридическому лицу в процессе расследования, позволяют быстрее найти виновное физическое лицо [см, например: 11, 15].

На Востоке в настоящее время уголовная ответственность юридических лиц действует в Китае. В соответствии со ст. 30, 31 УК КНР юридические лица несут уголовную ответственность, если они осуществляют опасную для общества деятельность в формах, предусмотренных Особенной частью УК. В качестве наказания для них установлен штраф.

Что касается вопроса вины и отношения к преступлению, в статье 14 УК КНР говорится о том, что преступление признается совершенным умышленно, если лицо сознавало общественно опасный характер своих действий и их последствий, желало или сознательно допускало их наступление. А статья 16 устанавливает, что деяния, которые объективно хотя и привели к вредным последствиям, но были вызваны непреодолимой силой или невозможностью их предвидеть, не признаются преступными.

Организации, согласно законодательству КНР, наказываются штрафом. При этом, кроме уголовной ответственности предусматривается гражданская ответственность в виде компенсации материального ущерба. Эта ответственность сочетается со штрафом. И если имущества осужденного недостаточно для полной выплаты, он должен прежде выполнить обязанность по компенсации причиненного вреда.

В уголовном праве и процессе Российской Федерации не принято рассматривать юридическое лицо как субъекта уголовного преступления, ведь у него не может быть умысла, а, следовательно, и в составе преступления не может быть субъективной стороны.

Статус юридического лица в рамках гражданского права во многом схож со статусом физического лица по принадлежащим им правам и обязанностям. Организация может быть стороной сделки, нести риски по сделке, требовать возмещения причиненных ей убытков, проводить собственную реорганизацию и ликвидацию, становиться банкротом, принимать и оставлять наследство. Она может участвовать на стороне обвинения в уголовном процессе как потерпевший или граждан-

ский истец, и на стороне защиты, как гражданский ответчик. При этом, в большинстве случаев, в рамках гражданского судопроизводства организация имеет более защищенное имущественное состояние, чем ее контрагент – физическое лицо уже вследствие того, что большинство договоров физических лиц с юридическими – это договоры присоединения, условия которого диктует юридическое лицо. Единственное, чего нет у организации – это способности испытывать вину.

В терминах психологии и психоанализа вина предстает как результат конфликта между уровнями сознания человека, вследствие несоответствия должного и настоящего (несоответствия сформированного на основе общественных требований идеального образа себя и себя настоящего). Вина человека питается эмоциями и может стать либо поводом к изменению поведения или восприятия себя, либо толчком к возникновению невроза и отклонений. Чтобы испытывать вину, субъект должен сам себя обвинять и чувствовать свою ответственность [6, с. 35].

В правовой теории вина представляется в другом свете. Ее определение больше апеллирует к способности понимать суть действий и контролировать их. Вина в уголовном праве – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Главные моменты здесь – это осознанность и волевой характер, чтобы деяние было совершено виновно, не обязательно раскаяние лица, совершившего преступление. Составляющими элементами вины являются два момента – интеллектуальный, т.е. способность субъекта понимать характер и последствия своих действий и волевой – т.е. осознанное направление усилий на достижение определенного результата [7, с. 167]. Таким образом, для права важна лишь формальная сторона действий лица, а понятие вины можно назвать правовой фикцией психического осознания вины человеком, т.е. формальным описанием функций сознания.

Психологи выделяют два основных аспекта сознания – способность непосредственно отражать объективный мир через ощущения и способность к осмыслению полученной информации. Зигмунд Фрейд в структуру сознания включал бессознательное, подсознательное и непосредственно сознание. При этом основным он считал бессознательный уровень, контролировать который сложно. На бессознательном уровне, согласно Фрейду, человеком управляют стремление, желание, страсть и аффект, каждое из которых несет сильную эмоциональную нагрузку [5, с. 47].

В правовой области именно правильное функционирование третьего, верхнего уровня сознания является решающим фактором в вопросе о том, является ли лицо субъектом правоотношения и может ли оно являться субъектом, несущим ответственность за свои действия. У юридических лиц нет ни стремления, ни желания, ни страсти, ни любой эмоциональной составляющей, но это и не нужно. Любые эмоциональные составляющие – часть подсознания, оно и я, операции же, проводимые через юридические лица, даже в человеческом сознании, в итоге, являются плодом деятельности уровня сверх-я, уровня, подавляющего сильные эмоции.

Некоторые зарубежные авторы приводили похожие аргументы в поддержку теории об уголовной ответственности юридических лиц, проводя аналогию между мыслительным процессом человека, посредством которого он контролирует свои действия, и процессом принятия решения в рамках юридического лица. В итоге авторы приходили к выводу, что умысел юридического лица можно описать и доказать через анализ процесса принятия решения главными управляющими организации [см., например: 12].

И противники, и сторонники уголовной ответственности юридических лиц все время возвращались к положению о том, что степень виновности юридического лица зависит от степени осведомленности и характера действий его управляющих или собственников.

Право собственности во многих случаях предполагает фактическое наличие материальной вещи у лица и осведомленность лица о том, что с его вещью происходит. В области права есть концепции, корреспондирующие психологическим теориям – а именно подход к собственности человека как к его продолжению, его части. С.С. Алексеев выделил следующие три составляющих права собственности: объективное наличие вещей материального мира; принадлежность вещи лицу; отношение к вещи как к своей [4, с. 32].

Новым здесь является психологический момент права собственности – отношение к вещи как к своей. Отношение собственника к юридическому лицу как к своему возможно, а возможно ли какое-либо «отношение к вещи» со стороны юридического лица?

Вообще отношение к вещи можно понимать как явление психологии человека – забота о вещи, эмоции по поводу нее, боязнь утраты и т.д. Но, возможно, эквивалентом человеческой заботы о вещи может являться положение статьи 210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которой «собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором». Согласно словарю [9], бремя содержания имущества – это затраты на содержание имущества, которые несет его собственник.

Но, если учесть, что в ГК РФ перечислены, кроме всего прочего, обязательства, возникающие из причинения вреда, нормы об источнике повышенной опасности, а в Земельном кодексе, например, установлена ответственность за ненадлежащее обращение с земельным участком, можно добавить к затратам на содержание имущества заботу собственника о том, чтобы его имущество не повлекло причинения вреда другим субъектам. Эти два формальных критерия не сложно соблюдать собственникам – юридическим лицам, даже при том, что они не могут относиться к вещи как к своей. В этом ключе неплохо было бы рассматривать деятельность юридического лица как совокупность его прав и обязанностей по отношению к собственности. Нередки случаи, когда ненадлежащее осуществление деятельности юридического лица приносило вред другим лицам (например, найм строительной компанией в качестве высотных работников лиц, не прошедших специальное обучение или принятие банком на должность сотрудника для работы с имуществом должников лица, имеющего судимость).

Не стоит забывать и о том, что деятельность юридического лица – это деятельность его сотрудников и, возможно, собственников – физических лиц. Как раз здесь встает вопрос о цели осуществления конкретной деятельности физическим лицом через юридическое, а также об отношении физического лица – учредителя к своему юридическому лицу как к собственности.

Не требует доказательств тот факт, что за деятельностью юридического лица всегда стоит физическое. В этом случае надо признать, что в правовом пространстве деятельность юридического лица есть выражение воли его учредителя или собственника. Кроме того, если собственник использует юридическое лицо для получения все большего и большего имущества, т.е. как инструмент для совершения преступления, не проявляя осторожность и осмотрительность, должен ли этот инструмент оставаться и работать дальше? Фактически юридические лица не совер-

шают преступления в классическом значении, но часто осуществляют свою деятельность так, что это приводит к последствиям, регламентируемым отнюдь не Гражданским кодексом и порой даже не Кодексом об административных правонарушениях РФ. После проведения проверок, наложения санкций или даже ликвидации юридического лица, те же физические лица, имуществом которых была организация, могут снова беспрепятственно образовать другое подобное предприятие. Несут ли собственники ответственность за свое имущество в этом случае? Чаще всего – нет.

В уголовном праве ответственность всегда персонифицирована, ее несет человек, непосредственно совершивший преступление. В гражданском – все так же, за исключением случаев, когда у ответчика есть законные представители, обязанные нести ответственность за его действия. В обоих случаях ответственности не подлежат душевно больные лица, которые не могут контролировать свои действия и не осознают их характер и последствия.

Юридические лица же не входят в этот круг, как и их собственники. Что же касается умственной составляющей юридических лиц, конечно, у них нет способности отражать мир через ощущения и осмыслять полученную информацию, но у них есть возможность добросовестно фиксировать собственные операции с респондентами и проводить внутренние проверки собственной деятельности.

Думается, на сегодняшний день мы имеем действующую фиктивную конструкцию субъекта права (юридического лица), обладающего следующими признаками: способность быть субъектом права, способность вступать в гражданско-правовые отношения, способность быть потерпевшим (гражданским истцом, ответчиком) в рамках уголовного процесса, способность диктовать свою волю менее защищенным в финансовом отношении физическим лицам за счет заключения с ними договоров присоединения и т.д., способность иметь разветвленную структуру, плохо поддающуюся контролю (в случае с большими юридическими лицами), способность приносить большую прибыль, невозможность нести ответственность за действия, которые подпадают под действие уголовного закона.

Таким образом, юридическое лицо – идеальный инструмент умножения имущества и, одновременно, избегания ответственности недобросовестным собственником. Думается, что в случаях, когда юридическое лицо становится инструментом совершения преступления, последствия которого подпадают под действия уголовного закона, необходимо хотя бы как-то «помечать» подобную организацию.

В Китае уголовная ответственность юридических лиц не исключает привлечения к ответственности физических лиц, что позволяет говорить о существовании совместной ответственности за совершение преступного деяния. Если к физическому лицу за совершение тяжкого преступления может быть применена смертная казнь [8, с. 6-16.], то к юридическому лицу – только наказание в виде штрафа. Таким образом, опыт КНР свидетельствует о возможности совместной уголовной ответственности физических и юридических лиц.

Представляется, что в рамках российского законодательства можно было бы предложить изменения, также допускающие совместную ответственность физических и юридических лиц за совершение преступления. Ответственность последних может быть установлена в виде:

- применения к организации стигматической санкции – публикация в официальных источниках и в СМИ информации об ответственности организации с указанием ее последствий,

- публикации информации о собственниках и главных управляющих организации с размещением их фотографий и информации о деятельности этих лиц.

Расследование дела в порядке уголовного судопроизводства имело бы следующие преимущества:

- возможность быстрой выплаты компенсации потерпевшим (без затяжной подачи иска, собирания необходимых документов и т.д.),

- уменьшение затрат потерпевших (уплата государственной пошлины, оплата услуг юриста).

При этом, думается, не стоит давать юридическому лицу полноценный статус подозреваемого или обвиняемого в рамках уголовного судопроизводства. Достаточно будет просто участия организации в процессе в качестве финансовой гарантии выплаты ущерба и компенсаций физическим лицам при условии, что физическое лицо – подозреваемый или обвиняемый – не установлены или не могут непосредственно участвовать в процессе.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.
2. Земельный кодекс Российской Федерации.
3. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики.
4. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. Монография / Институт частного права. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2007.
5. Зигмунд Фрейд. Введение в психоанализ. Азбука. М., 2015.
6. Короткова Е.В. Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому. : Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 : Ростов н/Д., 2002. 226 с.
7. Питецкий В.В. Проблемы реализации принципа вины в уголовном праве // Проблемы в российском законодательстве, 2014, №5.
8. Фёдоров А.В. Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления по законодательству Китая // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. Вып. 6: Сб. научно-практических трудов / Следственный Комитет Российской Федерации; под ред. А.И. Бастрыкина, 2014. С. 6-16.
9. Словари на академикe – Интернет источник – <http://dic.academic.ru/searchall.php>. Дата последнего посещения – 21.01.2016.
10. Andrew Weismann with David Newman. Rethinking Criminal Corporate Liability // *Indiana law journal*. 2007.
11. James G. Stewart. A pragmatic critique of corporate criminal theory: lessons from the extremity // Public law & legal theory research paper series working paper No. 12-54. 2012.
12. Jennifer Arlen. Evolution of Corporate Criminal Liability: Implications for Managers NYU, Law and Economics Research Paper No 04-022; Leadership and Governance from the inside out, Jeffrey Sonnenfeld & Robert Gandossey, ed., 2004.
13. John Hansas. The Centenary of a Mistake: One Hundred Years of Corporate Criminal Liability // Academic journal article American Criminal Law Review. 2009.
14. V.S. Khanna. Corporate Criminal Liability: what purpose does it serve? // Harvard law review 1996.
15. Manjeet Kumar Sahu. Criminal Liability of Corporation: An Indian Perspective // Lap Lambert Academic Publishing. 2013.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СВЕДЕНИЙ О ТИПЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РОЛЯХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ

Палий А.Ю.

Верховный Суд Республики Крым, Россия, г. Симферополь

В статье на основании проведенного авторского исследования с позиций науки криминалистики и уголовного процесса проведен криминалистический анализ сведений о типе организованных преступных сообществ, осуществляющих преступную деятельность на территории Республики Крым и функциональных ролях ее участников. На основании проведенного анализа представлена и обоснована авторская классификация преступных сообществ Республики Крым. В процессе проведенного криминалистического анализа выявлены криминалистически значимые особенности данных преступных сообществ, обусловленные спецификой региона, проанализирована следственная и судебная практика по данной категории уголовных дел.

Ключевые слова: анализ, классификация, криминалистика, преступное сообщество, Республика Крым, типология.

В процессе развития различных отраслей знаний, в том числе криминалистики, на различных этапах возникают определенные проблемы, которые нуждаются в специфических методах и подходах к их решению. В ракурсе рассматриваемой темы интересной представляется точка зрения А.И. Каминского о том, что криминалистический анализ организованной преступной деятельности представляет собой процесс установления закономерных связей между элементами модели организованной преступной деятельности и, в конечном счете, имеют многоаспектное значение: они подтверждают правильность предпосылок и гипотез, продуктивность созданных моделей, адекватность использованных средств анализа, реальность и универсальность исследовательского подхода в целом [4, с. 11-12]. Аналогично представленному мнению, Н.В. Кручинина фактически уравнивала криминалистический анализ со структурным подходом к изучению преступных явлений, указав на то, что «...криминалистический анализ представляет собой совокупность познавательных процедур, направленных на наиболее полное познание структуры преступления в целях его раскрытия и решения других задач криминального судопроизводства... В структуре преступления необходимо выделять отдельные элементы, связи между ними, функции, действия. Структурный подход позволяет обнаружить все объективные взаимосвязи преступления во всей полноте» [7, с. 28].

Таким образом, соглашаясь с высказанным мнением в целях всестороннего рассмотрения заявленной темы целесообразно прибегнуть к криминалистическому анализу сведений о типе организованных преступных сообществ на территории Республики Крым и функциональных ролях ее участников не в качестве общенаучного метода, а с позиций структурного подхода к изучению такого сложного преступного явления, как организованная преступность. При этом данный анализ проводится по самостоятельно выбранным основаниям классификации, обусловленным результатами проведенного исследования и обобщения материалов оперативной, следственной и судебной практики на территории Республики Крым за период с 2014 года по 2017 год.

Анализ оперативной, следственной и судебной практики с применением статьи 35 Уголовного кодекса РФ на территории Республики Крым за 2014-2017 гг., а также обзор состояния преступности по России в целом [11], подтверждает, что в данном субъекте Российской Федерации, как и во всех остальных регионах, достаточно большая часть в общем удельном весе преступлений, совершается в различных формах соучастия. При этом важно отметить, что организованная преступность в целом по стране за весь период 2016 года в общем количестве зарегистрированных преступлений составила 16,8%, аналогичные показатели в Республике Крым значительно выше общероссийских – 29,6%.

Как справедливо отмечают В.А. Брсоян и А.А. Крюков «...В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно совершено сплоченной организованной группой, созданной для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Таким образом, законодатель определяет преступное сообщество через организованную группу. Следовательно, сообществу присущи все признаки организованной группы, а это значит, что правоприменителю необходимо первоначально установить признаки организованной группы, а затем решать вопрос о наличии специфических признаков, которыми обладает преступное сообщество» [2, с. 68]. При этом количественный критерий, разделяющий преступную группу и преступное сообщество, законодательно не определен.

В связи с вышеизложенным, именно численный состав преступных сообществ, совершающих преступления на территории Республики Крым, необходимо положить в основу их типологизации, поскольку криминалистически значимые сведения о типе преступных сообществ в первоочередном порядке отражают масштабность изучаемого преступного явления. В связи с чем, по численности преступные сообщества, совершающие преступления на территории республики Крым, целесообразно подразделить на: малочисленные; средней численности; масштабные.

Малочисленные преступные сообщества, осуществляющие свою преступную деятельность на территории Республики Крым, в большей части случаев состоят из ранее судимых лиц, для которых участие в преступной деятельности является источником существования. Смена экономической формации, экономические особенности вхождения в состав Российской Федерации и новые требования, предъявляемые современной ситуацией взамен ранее существовавших устоев, не позволили определенному контингенту людей из числа населения Крыма переориентироваться в новых условиях. При этом требования криминальной среды существенно не изменились. Анализ следственной и судебной практики за 2014-2017 гг. наглядно демонстрирует, что подавляющее большинство участников преступных сообществ численностью от 10 до 30 человек являются уроженцами полуострова, либо постоянно проживают на его территории длительное время, ранее судимы по различным статьям Уголовного кодекса Украины и отбывали соответствующие наказания. При этом основными направлениями деятельности данного вида сообществ являются сбыт наркотических средств, мошенничество, вымогательство, различные виды незаконной предпринимательской деятельности.

Преступные сообщества средней численности (от 30 до 60 человек) имеют более сложную иерархическую структуру и, как правило, период их создания относится к периоду украинской государственности. В прошлом члены и лидеры данных организованных преступных сообществ действительно были известными ти-

тулованными спортсменами в регионе и за его пределами, криминальными авторитетами, предпринимателями, занимали посты государственных служащих. Лидеры преступных сообществ данного типа стали известными бизнесменами, учредителями всевозможных ведущих в регионе компаний или государственными чиновниками. Они, как правило, не имеют судимости, либо судимы в несовершеннолетнем возрасте.

Характер деятельности преступных сообществ данного типа также отличается от малочисленных преступных сообществ: незаконное завладение денежными средствами граждан и организаций с последующим их «отмыванием» (легализацией), налаживание контрабандных поставок за рубеж оружия, наркотиков, иных веществ и материалов, изъятых из оборота или ограниченных в обороте, различные формы незаконной предпринимательской деятельности, принудительное покровительство («крышевание») районов, территорий, промышленных комплексов, портов.

Масштабные преступные сообщества (численностью более 70 человек) по периоду своего возникновения относятся как к периоду украинской юрисдикции на территории Крыма, являясь его наследием и закономерным продолжением, так и к современному историческому этапу – после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации. Характер их деятельности отличается как особо широким территориальным размахом транснационального характера, так и особо грубыми способами ведения преступной деятельности.

Особенностью становления и развития организованных сообществ на территории Республики Крым является постоянное вмешательство в их деятельность преступных группировок извне. Организованные преступные сообщества России, в том числе Южного, Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов, стремятся независимо друг от друга установить контроль над Крымским федеральным округом и подчинить своему влиянию местные организованные преступные сообщества. К этому их подталкивают экономические возможности Крыма в укреплении и дальнейшем развитии финансовой базы преступной элиты. Между старыми и новыми «ворами», внутри самих сообществ постоянно происходит конкурентная борьба за возможность участвовать в большом бизнесе, иметь солидные доходы от незаконного покровительства над крупными компаниями или стать их владельцами (совладельцами). Эта борьба часто заканчивается «заказными» убийствами «авторитетов» и предпринимателей.

Так, в приговоре Верховного Суда Республики Крым от 07 июля 2015 года по уголовному делу 1-15/2015 с участием государственного обвинителя Прокурора Республики Крым Поклонской Н.В в отношении Лаптева А.А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 209 (бандитизм), ч.1 ст. 210 (организация преступного сообщества), п.п. «б», «е», «ж» ч. 2 ст. 105 (убийство), ч. 3 ст. 30 – п.п. «а», «б», «е», «ж» ч. 2 ст. 105 (покушение на убийство) Уголовного кодекса РФ.

По версии следствия, осужденным как руководителем банды совершено 42 тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе 29 убийств и 11 покушений на убийство. В частности, Лаптевым в январе 1998 года организовано убийство заместителя Председателя Совета Министров Крыма Александра С. Также он как руководитель банды организовывал и совершал похищения и истязания людей, вымогательства, осуществление взрывов. По большей части эти преступления совершались с целью взятия под контроль деятельности предприятий и частных пред-

принимателей. Обвиняемый был задержан в декабре 2014 года и заключен под стражу. За эти преступления, согласно позиции прокурора – государственного обвинителя, виновному назначено наказание в виде 15 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима [10].

Представляя типологию организованных преступных сообществ, действующих на территории Республики Крым, в зависимости от сфер осуществляемой ими деятельности, можно условно подразделить их на: корыстные; насильственные; смешанные

О преступных сообществах корыстного типа, совершающих преступления на территории Республики Крым, целесообразно рассуждать с позиций профессиональной преступной направленности их деятельности. Особый интерес с криминалистической точки зрения вызывает тот факт, что в большинстве случаев организованные преступные сообщества имеют соответствующую специализацию, то есть занимаются определенным видом преступной деятельности в зависимости от «профессиональной» направленности группы. Важно и то обстоятельство, что своей внутренней структуре современные организованные преступные сообщества, действующие в Крыму, напоминают сицилийские и американские мафиозные «семьи» с их иерархичностью и криминальным лидерством. Возглавляет группу один человек – лидер, основной обязанностью которого является руководство сообществом, поддержание в нем установленного порядка, системы распределения доходов. У него есть один или несколько помощников – наиболее активных членов группы, «авторитетов» [6]. Они собирают информацию для руководителя, передают его распоряжение подчиненным, выполняют функции консультантов. Далее следуют исполнители – рядовые члены сообщества, которые непосредственно осуществляют преступные операции.

Постоянное внимание в таком типе сообществ уделяется обеспечению персональной лояльности как важнейшему средству сохранения прочности криминальной структуры. На основании результатов проведенного анализа и обобщения оперативной, следственной и судебной практики по фактам преступной деятельности организованных преступных сообществ на территории Республики Крым, помимо торговли наркотиками (преимущественно героином), они занимаются контрабандой, кражами, разбоем, вымогательством, мошенническими операциями с кредитными картами, незаконными видами предпринимательской деятельности, наживаются на проституции и запрещенных азартных играх, что особенно характерно для курортного сезона, который в Крыму достаточно продолжительный – с апреля по октябрь в регионе наблюдается устойчивый поток туристов.

Организованные преступные сообщества насильственного типа в первую очередь преследуют задачи общественного устрашения, разжигания розни и вражды в обществе между социальными группами по различным признакам, широкий круг личных политических интересов. Так, Верховный Суд Республики Крым в апелляционном постановлении от 15 марта 2016 года [1] оставил апелляционное представление государственного обвинителя без удовлетворения, а приговор Симферопольского районного суда Республики Крым, вынесенный в отношении Велиева Б.Р. в части назначения наказания без изменения. Судом первой инстанции Велиев Б.Р. был признан виновным в том, что действуя в составе организованного преступного сообщества в период с 2009 по 2014 год, самостоятельно, с учетом отведенной для него роли в преступном сообществе, 18 сентября 2014 года в 20 часов 51 минуту, находясь по месту своего проживания по адресу: Республика Крым,

Симферопольский район, село Трехпрудное, ул. Заречная, д. 7, с использованием информационной телекоммуникационной сети «Интернет» совершил публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности при обстоятельствах, подробно изложенных в приговоре. Далее Велиев Б.Р. продолжал преследовать преступные цели экстремистского характера, охватываемые общим преступным умыслом организованного сообщества в целом. В ходе апелляционного рассмотрения осужденный Велиев Б.Р. вину признал и пояснил, что разжигание вражды между жителями Республики Крым славянских и кавказских национальностей является целью, исходящей от руководителей преступного сообщества с последующим перedelом территориальных сфер влияния на полуострове, расширением возможностей сообщества, вовлечения в его деятельность новых участников, наиболее бесстрашно и профессионально проявивших себя в ходе провоцируемых межнациональных столкновений.

Организованные преступные сообщества, действующие на территории Республики Крым, принадлежащие в зависимости от сфер их деятельности к смешанному типу, является наиболее универсальным и часто встречающимся типом преступных сообществ. Именно такому типу в наибольшей мере соответствуют самые известные соевей преступной деятельностью в данном регионе преступные сообщества «Аспиды», «Сайлем», «Башмаки». Четкое соблюдение членами преступного сообщества строгой конспирации при планировании и совершении противоправных актов затрудняет деятельность правоохранительных органов по их пресечению.

Отношения в преступном сообществе строятся таким образом, что рядовой участник преступной группы в составе сообщества получает только ту часть информации, которая необходима для выполнения его функций. Иногда член группы может и не знать всех участников организации, конкретных исполнителей и даже руководителя группы. Для передачи информации членами преступной организации могут использоваться пароли, кодированные сообщения. Таким образом исключается возможность полного разоблачения правоохранительными органами преступной группы [5, с. 140]. Сферы деятельности данного типа сообществ довольно разнообразны: контрабанда наркотиков, похищение людей, нейтрализация конкурентов в сфере законного предпринимательства с помощью противоправных средств и т.д., а также установление прочных связей с преступными объединениями в иных государствах. В основе решительных усилий преступных сообществ смешанного типа в этом направлении лежит стремление подчинить себе наиболее доходные сферы экономической деятельности, которые сейчас в Крыму развиваются быстрыми темпами и при наличии государственной поддержки в данной сфере и финансирования из федерального бюджета, а среди них – прежде всего торговлю наркотиками, получение фактической власти над морскими путями (портами Керчи, Феодосии, Ялты, Севастополя, Евпатории) железнодорожными и сухопутными артериями (с учетом строительства моста «Крым-Кубань»).

Очередным основанием типологизации организованных преступных сообществ на территории Республики Крым целесообразно определить этнический состав их участников и на основании этого выделить: славянские преступные сообщества; татарские; многонациональные.

Рассуждая об организованных преступных сообществах, действующих на территории Республики Крым, в состав которых преимущественно входят представители славянских национальностей, важно подчеркнуть, что начало существования сплоченной воровской среды относится по преимуществу ко времени распада

СССР и территориальной принадлежности Крыма Украине, когда массовые экспроприации земли, сложные процессы приватизации и переход на новые формы собственности создали условия первоначального накопления капитала преступными сообществами. Вместе с этим наблюдалась активизация общеуголовной преступности с признаками профессионализма.

После событий 2014 года и вхождения Крыма и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации, вновь прибывшее «криминальное пополнение» – представители криминального мира из других регионов Российской Федерации, пожелавшие осуществлять свою преступную деятельность в привлекательном во всех отношениях регионе, столкнулись интересами с уже сложившимися в Крыму преступными сообществами. В результате криминальных процессов были созданы как новые организованные преступные сообщества, так и отдельные криминальные субъекты вошли в состав уже действовавших на территории Крымского региона преступных сообществ на разных преступных ролях. Несомненно, в организованных преступных сообществах славянского этнического состава, существуют свои устоявшиеся правила, обязательные к соблюдению и исполнению. При этом именно по национальному признаку они существенно отличаются от иных типов преступных сообществ по национальному признаку.

Так, то обстоятельство, что Крым волею обстоятельств оказался, быть может, одной из самых криминогенных зон на территории бывшего СССР, где организованная и подконтрольная ей преступность достигла небывалых масштабов, не могло не затронуть и проблему возвращения и обустройства крымско-татарского народа [8].

Однако, когда монополия, казалось, была установлена, выяснилось, что помимо территориального и «профессионального» существует еще и национальный принцип разделения сфер преступного влияния. Реальность настоящего времени в Республике Крым такова, что крымско-татарские организованные преступные сообщества определили для себя определенную внутреннюю идеологию, отличную от общепринятых агрессивных форм ее проявления. Согласно результатам проведенного исследования, крымско-татарские сообщества пытаются создать видимость того, что в своей деятельности они не трогают бедных, а то и помогают им, распределяя таким образом средства, добытые преступным путем. Более того, крымско-татарские создатели и руководители преступных сообществ претендуют на роль защитников своих соплеменников от бытовых хулиганов и приходят на помощь там, где полиция бессильна либо не желает вмешиваться. При этом сложившаяся идеология и внешние проявления деятельности крымско-татарских преступных сообществ не мешают им в полном объеме осуществлять определенные виды преступной деятельности, сосредоточив свои усилия внутри полуострова (город Бахчисарай и его пригороды, горные районы Крыма), исключая приморские территории. Это обстоятельство нередко помогает разделять сферы влияния избегать конфликтов с иными преступными сообществами на территории полуострова.

В настоящее время на территории Республики Крым одной из главных причин успеха этнической организованной преступности стала специфическая система организации, фактически воспроизводившая распространенные в традиционных обществах Северного Кавказа и Закавказья клановые отношения. Именно клановые формы организации обеспечили крымским этническим преступным сообществам более выгодное, по сравнению со славянской организованной преступностью, положение. Построение преступного сообщества по типу большой семьи, уважение

старших, защита каждого отдельного участника как своего родственника, прочные идеологические и религиозные основы функционирования сообщества являются залогом стабильности существования и длительности осуществления своей преступной деятельности сообществами такого типа на территории Республики Крым.

По сути, нынешняя организованная преступность на территории Республики Крым является многонациональным феноменом со сложнейшей организацией и огромными доходами. Большинство организованных преступных сообществ имеют транснациональные связи, распространили то или иное влияние и контакты на Запад, особенно в Западную Европу и США. Они демонстрируют высокий уровень профессионализма при совершении тяжких преступлений, что значительно затрудняет розыскные действия, расследование и реальное привлечение преступников к уголовной ответственности.

Заключительным основанием типологизации преступных сообществ на территории Республики Крым можно определить способ осуществления руководства преступным сообществом и подразделить их на: единоначальные и субординированные.

В основе единоначального руководства преступным сообществом лежит идея линейной субординационной связи в структуре преступного сообщества [3, с. 24]. Согласно этой идее на самом верху иерархической структуры преступного сообщества находится лидер. Согласно анализу следственной практики, он же может быть и создателем преступного сообщества, и его непосредственным руководителем. Лидеру подчиняются бригады, а им – активные члены сообщества. Можно продолжить, предположив, что в подчинении активных членов группы находится определенное количество ее рядовых членов («боевиков»), однако функция активных членов преступного сообщества – решение практических частных задач. При этом лидер осуществляет лишь общее руководство сообществом и его структурными подразделениями, избегая непосредственного участия в совершении преступлений, ограничиваясь решением административных, представительских, политических задач общего характера.

Важно отметить, что такой способ осуществления руководства преступным сообществом полностью отвечает криминальной «технике безопасности». Например, можно предположить, что лидер известен бригадам, бригады – активным членам, активные члены – рядовым членам. Однако, уточним, активным членам может быть известен только «свой» бригадир, рядовым членам – «свой» активный член. При этом рядовые члены вполне могут не знать даже друг друга, если они «работают» под началом разных активных членов, не говоря уже о других «структурных элементах» – «чужих» активных членах ОПГ, бригадах и уж, разумеется, лидере [9, с. 33].

Субординированные преступные сообщества, действующие на территории Республики Крым, демонстрируют распределение функциональных ролей внутри каждого отдельно взятого структурного подразделения в рамках одного преступного сообщества. Таким образом, в составе одного преступного сообщества может быть несколько равных по своей силе и объему полномочий лидеров, руководящих отдельными подразделениями, ячейками в составе сообщества. Кроме того, зачастую эти лидеры привлекаются и непосредственно участвуют в подготовке и совершении преступлений согласно целям и задачам сообщества. Так, Марков С.А., осужденный Верховным Судом Республики Крым 25 сентября 2015 года [12] за бандитизм, организацию преступного сообщества, многочисленные убийства и по-

кушения на убийства, выполнял именно функции лидера одного из направлений деятельности организованного преступного сообщества, осуществлявшего свою преступную деятельность на территории Республики Крым на протяжении длительного периода.

Из материалов данного дела достоверно известно, что организаторы сообщества определили роль и направление преступной деятельности каждого из участников, размер денежных средств, причитающихся им от совместной преступной деятельности, установили жесткую дисциплину, порядок подчинения, а также наказание за отказ от исполнения их поручений и указаний. В преступном сообществе и его структурных подразделениях существовала строгая внутренняя дисциплина и иерархия, основанная на подчиненности ее рядовых членов перед руководителями, выполнение подконтрольными им группами четко поставленных задач и преступных планов, имелась финансовая база, сформированная преступным путем, часть денежных средств из которой использовалась для поощрения рядовых членов группы.

Проведенный научно-теоретический и практический анализ типов организованных преступных сообществ, действующих на территории Республики Крым, позволяет обосновать авторскую систему типологизации преступных сообществ в зависимости от их численности, сфер осуществляемой преступной деятельности, этнического состава участников и способов осуществления внутреннего руководства преступным сообществом. Изложенные и обоснованные криминалистически значимые данные в составе каждой рассмотренной подструктуры представляют собой совокупность криминалистически значимых и процессуально важных данных, позволяющих оперативным работникам, дознавателям, следователям эффективно выявлять, расследовать и раскрывать преступления, совершаемые организованными преступными сообществами на территории Республики Крым, а судам – выносить обоснованные, законные и справедливые приговоры в отношении каждого из участников данных преступных сообществ.

Список литературы

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 15 марта 2016 года по делу № 22-625/2016 // Архив Верховного Суда Республики Крым за 2016 год.
2. Брсоян В.А., Крюков А.А. Организованная преступная группа и организованное преступное сообщество: проблемы разграничения // Сибирский юридический вестник: Вопросы уголовного права и криминологии. 2003, № 1. С. 68-70.
3. Давыдов А.А. Лидеры в коллективах // Социологические исследования, 1994, № 11.
4. Каминский А.И. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования. Дисс...докт. юрид. наук: 12.00.09. Ижевск, 2008. 396 с.
5. Костенко М.В. Психологические аспекты структуры организованных преступных групп корыстно-насильственной направленности // Проблемы законности. 2014, № 127. С. 137-142.
6. Криминальная ситуация в Крыму // Официальный новостной интернет-портал Крыма: <http://politika-crimea.ru/kriminal/3504-v-krymu-net-regiona-v-kotorom-by-ne-bylo-prestupnykh-gruppirovok>. Дата обращения 06.06.2017.
7. Кручинина Н.В. Криминалистический анализ расследования уголовного дела. Учебно-методическое пособие. М.: МГЮА, 2008.
8. Крымские Татары. Часть 8. Организованная преступность и национальный вопрос // Дружба Народов. 1996, № 4 / Режим электронного доступа:

<http://magazines.russ.ru/druzhba/1996/4/polyak.html> Дата публикации 17.08.2015. Дата обращения 02.06.2017.

9. Ли Д.А. Организованные преступные группировки в г. Москве и Московской области: структурно-функциональные закономерности // Черные дыры в Российском Законодательстве. 2003, № 2. С. 28-39.

10. Материалы уголовного дела 1-15/2015 // Архив Верховного Суда Республики Крым за 2015 год.

11. Официальный сайт МВД РФ // Режим доступа: <https://мвд.пф/folder/101762/item/10287274/>; <https://мвд.пф/folder/101762/item/9338947/>. Дата обращения 11.06.2017.

12. Приговор от 25 сентября 2015 года в отношении Маркова С.А. // Архив Верховного Суда Республики Крым, г. Симферополь.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Родионова С.А.

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются вопросы о сущности и содержания конституционного права на информацию. Выявлена и обоснована необходимость изучения права граждан на достоверную информацию.

Ключевые слова: право, информация, коммуникация.

На сегодняшний день вопрос сущности свободы информации и прав на нее актуален как никогда. За последние двести лет человечество изобрело больше средств для общения, чем за всю историю до этого.

Определение сущности информации необходимо, для того чтобы в будущем человечество продолжило развиваться без притеснения собственных свобод и интересов. Однако, это достаточно сложный и емкий вопрос. Как нельзя цензурировать всю информацию, так нельзя и оставлять ее без регулирования. Законодательство должно регулировать вопрос свободы информации таким образом, чтобы с одной стороны дать доступ к необходимой информации, а с другой защитить от нежелательной.

Для этого необходимо рассмотреть, что же оставалось неизменным во всем многообразии классификаций данной свободы на протяжении всей истории человечества.

Так, главным звеном на протяжении многих веков между индивидами оставалось общение, выраженное посредством высказывания мнений, суждений, идей, их распространения какими бы то ни было способами, то очевидно, что сущностью данного права является взаимодействие таких понятий как «информация» и «коммуникация» (общение). И вот здесь возникают сложности с определением самих терминов.

Поскольку одной из главных причин развития человеческого общества считается возможность обмена информацией между индивидами, то данную свободу принято называть одним из фундаментальных прав человека [14]. Само слово «информация» образовано от латинского «informatio», означающего «разъяснение, из-

ложение, истолкование, осведомление, просвещение». Данное понятие рассматривалось на протяжении всей истории человечества.

Каждая наука дает свое значение термину «информация». Не смотря на множество, казалось бы, различных трактовок суть остается неизменной. Наиболее емкое и лаконичное определение термину дает В.С. Хижняк, считая, что «информация – это получаемые или передаваемые знания, их циркуляция» [11].

Исходя из того, что государство регулирует общественные отношения посредством закрепления общеобязательных норм поведения в нормативно правовых актах, то решающее воздействие на поведение людей оказывают свободы. Следовательно, от того насколько широка свобода информации в стране зависит то, настолько прозрачны будут действия властей или освещение реальных процессов, происходящих в государстве.

Свобода слова, существование независимых средств массовой информации, гарантированность права на доступ к информации – это краеугольный камень и необходимое условие нормального функционирования любого демократического общества [5].

Развитие технологий в XXI веке позволило существенно расширить каналы и скорость передачи информации. На сегодняшний день мировая общественность признает необходимость свободы всех видов информации, без какого-либо регулирования со стороны государств. Исключение составляет лишь информация, способная нанести вред личности или государству в целом.

Так еще несколько лет назад на Гражданском Форуме в Санкт-Петербурге экс-министр иностранных дел Греции Ставрос Ламбринидис назвал 9 фундаментальных прав человека, 4 из которых были посвящены необходимости свободы доступа к информации, независимости СМИ, свободе слова, а также свободе on-line. В то же время, им была высказана необходимость ограничения свободы слова, но лишь в исключительных случаях [16].

Как уже говорилось выше, конституционное право на информацию охватывает целую группу прав и свобод: свободу слова (свободу выражения мнений), свободу печати и иных средств массовой информации, право на получение информации, имеющей общественное значение, свободу распространения информации любым законным способом [12]. Вместе с тем, нельзя забывать о запрете цензуры, всех видов пропаганды и агитации возбуждающих социальную, национальную, расовую, религиозную ненависть и вражду, а также социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Однако, не смотря на множество нормативно-правовых актов, относящихся к праву на информацию, современное российское законодательство не дает кодифицированного определения, сущности права, его системы, границ.

В начале истории современной России был принят весьма прогрессивный закон «О средствах массовой информации» [1], в котором дано определение свободы массовой информации. Согласно закону «это поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими, изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации». Однако, несмотря на всю исчерпывающую трактовку определения, оно узко специ-

ализировано. К примеру, в нем не охватывается свобода слова и обязанность государства предоставлять информацию, имеющую общественное значение.

Что касается федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [2], то в нем под информацией трактуется как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

Это означает, что, говоря о свободе информации, опираться на одну формулировку нельзя. Отсюда следует необходимость законодательного закрепления понятия свободы информации. Это позволит расширить понимание статьи 29 Конституции нашей страны.

В то же время, ссылаясь на Международный пакт о гражданских и политических правах, сообщает необходимости ограничения этой свободы для охраны государственности, общественного порядка здоровья и нравственности населения [2].

Поскольку Российская Федерация придерживается мировых стандартов в области наделения правами граждан, а также произошла ратификация множества нормативно-правовых актов, в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [3], логично рассмотреть прецеденты и толкования Европейского суда по правам человека.

В отличие от общепринятого толкования свободы информации в российском праве, Европейский суд дает несколько иное определение данному праву, а также охватывает более широкий круг типов информации. Например, к содержанию статьи 10 Конвенции применимы следующие типы информации: носящие политический характер, художественное самовыражение, информация коммерческого характера, легкая музыка и коммерческие объявления, транслируемые через кабель. Кроме того, она защищает не только сущность выражаемых идей, но их способ их выражения [15].

Исходя из вышеперечисленного на сегодняшний день как никогда актуальна необходимость разработки новой концепции понимания сущности свободы информации, соответствующей мировым стандартам и обладающей потенциалом регулирования новых средств коммуникации.

Информация многогранна и, в зависимости от рассматриваемой ее науки, имеет различные подходы рассмотрения, а также толкования. С определением коммуникации возникают ровно те же сложности. Г.П. Бакулев пишет, что ему известно более двухсот различных теорий коммуникации [4].

Само слово «коммуникация» берет свое начало от латинских слов «communicatio», что обозначает передачу, сообщение, единение и «communicare» – передавать, беседовать, связывать, передавать, сообщать. Немецкий философ Карл Ясперс определяет коммуникацию в широком смысле как «пути сообщения и средства связи, а также процесс общения, передачи информации» [10]. В психологии этот процесс описывается куда проще – «передача информации от человека к человеку» [13].

Определение информации не может содержать в себе исчерпывающее толкование, но она является еще одним первичным понятием, наравне с материей или энергией. Чтобы дать наиболее точное определение необходимо начать с описания процессов ее передачи и получения [6].

Оба этих процесса осуществимы только при взаимодействии различных субъектов или их объединений. При этом неважно каким способом и в каком виде оно осуществляется. Данный процесс осуществляется в виде передачи сообщений.

На основе данной модели и мнений ученых можно сформулировать основной тезис: сущностью конституционного права на свободу информации является гарантия коммуникационной свободы индивидов. Гарантия данной свободы направлена на осуществление потребности человека к обмену информацией. Можно сказать, что свобода информации тождественна свободе коммуникации.

Суммируя различные мнения, можно сделать вывод о том, что право на информацию – это неотъемлемое право субъекта свободно без ограничений осуществлять процесс мышления и коммуникации, придавая информации форму сообщения независимо от содержания, если иное не запрещено законом.

В таком случае в информационные правомочия входят права: владеть, пользоваться и распространять информацией. В процессе обмена информацией участвуют 3 субъекта: создатель информации (обладает всеми информационными правомочиями по факту ее создания), обладатель информации (пользователь по авторскому праву, приобретающий правомочия, например, по авторскому договору) и потребитель информации (имеет право знать содержание информации, но не распространять ее). Фактически они образуют правовую конструкцию права собственности, основанную на вещном праве [7]. Однако, если исключить составляющую авторского права, то каждый субъект может свободно осуществлять любые операции с информацией.

Подводя итоги, следует еще раз сказать, что права граждан на информацию сравнительно молодой институт права, который относится к такому разделу Конституционного права, как права и свободы человека. В условиях современного общества информация стала являться важнейшей ценностью, что потребовало немедленной законодательной регламентации общественных отношений, связанных с поиском, получением, распространением, передачей информации.

Список литературы

1. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016).
2. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2014) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.), 2013, № 52 (часть 1), ст. 6963; 2013. N 52 (часть I), ст. 6961.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 15.12.2016).
4. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции: учебное пособие для студентов вузов. // М., 2005. С. 17.
5. Возчиков В.А. Медиакультура, телевидение и право на информацию // Философия права. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России 2005, №3. – С. 68-74.
6. Гуров И.П. Основы теории информации и передачи сигналов. // BHV-Санкт-Петербург, 2000. С. 131-154.
7. Ем В.С., Козлова Н.В., Корнеев С.М. и др. Гражданское право Общая часть: Учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. // М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 165
8. Захаров В.П. Информационные системы. Учебное пособие / В.П. Захаров. // СПб.: СПб. госуниверситет, 2002. С. 188.

9. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. // М.: Юрид. лит., 2002. С. 432.
10. Мерхаба С. Понятие коммуникации и ее место в антропологии Карла Ясперса / С. Мерхаба // Молодой ученый. 2011. №7. Т.1. С. 128-132.
11. Хижняк В.С. Право человека на информацию: механизм реализации / Под ред. В.Т. Кабышева // Изд-во Саратовского университета. 1998. С.5.
12. Большой юридический словарь. / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских // М.: Инфра-М. 2003.
13. Большая советская энциклопедия: Коммуникация (общение) – БСЭ // Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001
14. Практика ЕСПЧ: право на доступ к государственной информации как фундаментальное право человека // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/2736> (дата обращения: 15.12.2016)
15. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сальвиа. // СПб., 2004. С. 548.
16. Ставрос Ламбринидис: девять фундаментальных принципов прав человека. URL: <http://bellona.ru/2012/10/26/stavros-lambrinidis-devyat-fundamen/> (дата обращения 20.12.2016)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рыбак С.В.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. юрид. наук, доцент,
Ростовский филиал Российской таможенной академии, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье анализируется опыт отечественной государственно-правовой политики в сфере противодействия коррупции. Раскрываются пути и методы борьбы с коррупцией на разных этапах исторического развития. Делается вывод о генетической предрасположенности государственно-властных институтов к коррупции в условиях дистанцированности государства от общества.

Ключевые слова: коррупция, государственно-правовая политика, противодействие коррупции, исторический опыт.

К глубокому сожалению, проблема коррупции остается для современной России «топовой», на, что обращают внимание и первые лица государства, регулярно делая заявления о необходимости совершенствования антикоррупционного законодательства. В этой связи крайне познавательным является предшествующий отечественный опыт борьбы с коррупцией. «Прошедшее, – как писал В.О. Ключевский, нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» [8, с. 16].

Коррупция генетически присуща государственно-бюрократическому аппарату и традиционно выступает в качестве явления способного разрушить даже самое мощное государство, особенно в условиях, когда власть и население максимально дистанцированы друг от друга. По этому поводу профессор П.И. Новгородцев в свое время писал, что «политическая эволюция XIX в. ... совершилась в двояком

направлении: с одной стороны, постепенно падала вера в возможность совершенной и безошибочно действующей государственной организации, с другой стороны, функции государства бесконечно расширялись. В то время как от государства стали требовать несравненно более, в него стали верить гораздо менее» [6, с. 77].

Государственная власть в России и представляющий ее чиновник всегда находились в известном антагонизме с обществом, в отношении жесткого противопоставления ему. В условиях непрерывных войн, крепостных порядков и царского абсолютизма, государственная власть, подавляла подданных, традиционно превращая их в средство реализации абстрактно-всеобщих целей [13, с. 68]. В итоге государственная власть, представленная иерархией чиновников, практически выступала неограниченной.

С изменением системы государственного управления на разных этапах его исторического развития менялась и правовая оценка государством преступлений, совершенных лицами наделенных государственно-властными полномочиями. Так, среди новгородских берестяных грамот уникальное место занимает грамота № 307 (20 – 40-е гг. XV в.) в которой говорилось о преступлении против порядка управления (изготовления фальшивых повесток и завещаний). Крестьяне избоищане жаловались на противоправные действия дьяка Нетребуя, который переписывал фальшивые повестки и завещания. Соучастником данного преступления выступал Иван Парфеев, который удостоверял вышеуказанные фальшивки печатью, придавая им тем самым юридическую силу. Вышеуказанный вид преступления не был известен древнерусскому законодательству.

Противоправные действия Нетребуя и Ивана Парфеева могли быть квалифицированы как должностной подлог, закрепление которого как самостоятельного преступления произошло только в 1649 г. в Соборном Уложении («посулы» и «поминки» – категории, которые неоднократно в тексте использует законодатель по отношению к лицам, состоящим на государственной службе). Именно названное обстоятельство, по словам В.В. Момотова, является основанием для понимания того, что данный вид преступления, но в гораздо более ранний период, был известен на северо-западе Руси [12, с. 336].

Вместе с тем понятие «должностного преступления» встречается уже в Судебнике 1550 г. (хотя увещания не сулить посулы (вознаграждение за услуги) в суде судьям и приставам присутствует в Судебнике 1497 г.), в котором за него устанавливается ответственность. В частности, избличенные в совершении лихоимства и мздоимства судьи и дьяки, подвергались телесным наказаниям, сопровождаемые бесчестьем [14, с. 133], а, равно как и подьячие в случае совершения подлога на основании ст. 28 Судебника 1550 г. Уголовной ответственности подлежали и недельщики (судебные приставы) за вымогательство взятки (ст. 32). В качестве ответственности за данное преступление, вполне современная мера – уплата суммы взятки в тройном размере и отстранение от должности. Интересным является то обстоятельство, что отечественный законодатель не считал необходимым прописать норму об ответственности самого судьи, получившего взятку через недельщика.

Медынским губным наказом 1555 г. предусматривалась ответственность за посулы в виде смертной казни и штрафа (продажа) в пользу великого князя. Проблема коррупции и мер государства по противодействию данному явлению нашла свое отражение в целой серии законодательных актов, таких как: Уставная книга

Разбойного приказа 1555-1556 гг., Указ о татебных делах 1555 г., Приговор о губных делах от 1556 г., Приговор о губных делах от 1582 г., Судебник 1589 г. и др.

Законодательно запрет брать взятки («посулы») был закреплен в Судебнике 1589 г. Результатом преступных действия являлись: недействительность приговора; уплата в трехкратном размере суммы иска истцу; возмещение всех расходов по делу. Для недельщика в соответствии со ст. 80 наступала ответственность в виде битья кнутом, виновный заплатит втрое суммы взятки, возместит все судебные расходы, а судья будет отстранен от должности [11, с. 136].

Как видно деятельность всех государственно-властных институтов и административная сфера управления, и сфера судопроизводства являлась благодатной почвой для должностных преступлений и как следствие коррупции. В судопроизводстве процветали страшная волокита и взятки. О взяточничестве судей писали многие иностранцы, посещавшие Россию в разные времена. Так, в XVIII в. англичанин Джон Перри сетовал на то обстоятельство, что «дача взятки является первым шагом, с которого начинается суд; причем та сторона, которая заплатит больше, выигрывает дело».

Целенаправленные «компании» по борьбе с коррупцией и, в частности, со взяточничеством довольно регулярно проводились в российском государстве – с лишением жизни, имущества, чинов. Так, к примеру, было показательно проведено, выражаясь современным языком, резонансное дело о взятках в Белгородской губернии с самыми серьезными последствиями для 59 виновных. Однако эту «язву», по словам свояка Петра I князя Б. Куракина, вывести было чрезвычайно трудно: суд, денежные наказания, пытки, публичные наказания и казни губернаторов, вице-канцлеров, князей практически ничего не дали. Докладывая царю, генерал-прокурор Ягужинский вынужден был констатировать, что воруют все, «только один больше и приметнее другого» [8, с. 196]. Однако, продуманные и широко-масштабные мероприятия по противодействию коррупции, стали наиболее характерны для периода правления императрицы Елизаветы.

Меры государственно-правовой политики по противодействию коррупции находили свое отражение в текущем законодательстве. Царскими указами систематически повторялось, что взятки, мздоимства развращают правосудие и утесняют бедствующих. Особое же внимание в них обращалось на живучесть, неискоренимость зла, применялись угрозы и отеческие наставления и назидания. В одном из них указывалось, что «... пагубное лихоимство или взятки в Империи нашей не только существуют, но даже распространяются между теми самими, которые бы гнушаться ими и всемирно пресекать их должныствовали» [5, с. 105].

Знаменитая система «кормления», ставшая в России, по мнению некоторых исследователей, одной из исторических причин коррупции, официально отмененная в XVI в., тем не менее продолжала существовать (и существует несмотря ни на что в различных вариантах в современных условиях) и в период Империи. Официальный доход – жалованье за исполнение своих должностных обязанностей, практически отсутствовал. По замечанию С. Князькова, «не получая средств для жизни с казны, приказные стали брать эти средства с населения... и все это признавали, когда дело доходило до следствия» [9, с. 231].

Исторический парадокс заключается в том, что власть максимально отдаленная от народа за период петровского правления сама стала источником повышенной опасности. Взяточничество со временем приобрело такой масштаб, что просвещенная императрица Екатерина I своим Указом от 1726 г. предписала выдавать

жалование только высшим сановникам, а остальным «довольствоваться от дела по прежнему обыкновению», т.е. брать все то, что принесет челобитчик. Тем самым взятка была фактически узаконена.

В предреволюционные годы ситуация по данному вопросу не изменилась к лучшему.

С установлением советской государственности появилось утверждение о том, что коррупция и ее проявления присущи исключительно буржуазному обществу и государству. На этом основании делался вывод о невозможности существования данного «порождения буржуазного государства» в советской стране.

Для современного российского государства, как указывалось ранее, указанная проблема не утратила своей актуальности. Более того, по мнению ряда исследователей, ее масштабы и опасность в современных условиях абсолютно несопоставимы по сравнению с советским периодом. Коррупция не только разрушает основы общества и государства, выступает в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности, но и порождает недоверие населения к государству и его представителям, сопровождается в целом падением морали и нравов в обществе, деформирует общественные отношения и сознание [10, с. 130].

Коррупция поразила многие государственные институты и, по словам В. Бровкина, в условиях современной российской действительности коррупция стала «рычагом государственно осознанной политики» [1, с. 82]. При этом пораженные коррупцией государственные структуры утрачивают свое изначальное предназначение, которое, по словам Т. Гоббса традиционно заключается в обеспечении безопасности обществу [4, с. 129]. Следует отметить, что, данную позицию полностью разделяли и отечественные ученые. Так, в частности, Б.Н. Чичерин, в установлении безопасности видел первую цель государства, а Н.М. Карамзин, подчеркивал, что «...народ в своем первоначальном завете наказывал своим правителям блюсти безопасность вне и внутри, наказывать злодеев» [7, с. 33]. На деле же получается, что коррумпированные государственно-властные структуры сами превращаются в потенциального носителя опасности для населения, его конституционных прав и свобод. К тому же коррупция является весьма серьезной причиной крайне опасного роста социальной напряженности в обществе.

Таким образом, российская политическая элита, декларирующая в качестве наивысших ценностей обеспечение прав и свобод человека и гражданина, вместе с тем, отстаивает, в первую очередь свои собственные, зачастую сугубо меркантильные интересы и имиджевые стороны своего функционирования [3, с. 47], заботясь исключительно о своем благе и забывая (или не зная вовсе) о знаменитом римском: «*salus populi suprema lex*».

Именно поэтому противодействие коррупции не должно иметь вид очередной компании, а стать направлением долговременной целенаправленной политики государства, проявлением воли его политического руководства. При этом особая роль должна принадлежать нарождающимся институтам гражданского общества, для нормального развития которого жизненно необходимо государство свободное от коррупции в ее многообразных формах и проявлениях.

Для решения проблемы по противодействию коррупции, как говорится «все средства хороши», даже, на первый взгляд, самые фантастические. И одно из них предлагают современные гендерологи. По мнению ряда исследователей, имеется некая корреляционная связь коррупции с гендерным равенством: чем выше влияние женщин в общественной жизни, тем ниже уровень коррупции. Наделение

женщин большими правами и соразмерное представительство в общественной жизни придают правительственным институтам и бизнесу больше честности и прозрачности, что способствует оптимизации управления государством. Женщины (естественно, что далеко не все, как и далеко не все мужчины впрочем) могут быть эффективной силой для утверждения власти закона и качественного управления. Проведенные исследования показывают, что женщины в бизнесе менее склонны давать взятки чиновникам (возможно из-за более высоких морально-этических принципов или же, что более вероятно, меньшего желания рисковать), а правительства и парламентские учреждения менее коррумпированы, когда женщины более активно участвуют в политике [2, с. 100].

Возможно, отечественному законодателю при разработке очередной программы по борьбе с коррупцией следовало бы обратить внимание на подобные выводы. Пока же, несмотря на предлагаемые учеными «рецепты» и разнообразные мероприятия, проводимые в рамках государственно-правовой политики в сфере противодействия коррупции (Указ Президента РФ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», Закон «О борьбе с коррупцией», ФЗ «О противодействии коррупции» и многие др.), последние оказываются «... не способны сколько-нибудь улучшить жизнь народа». Как не парадоксально, но данные слова Л.Н. Толстого звучат очень современно.

Список литературы

1. Бровкин В. Коррупция в России: современное состояние // Коррупция – это коррозия общества и государства. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. 587 с.
2. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы / Пер. с англ. М., 2001. 408 с.
3. Гендерные стереотипы в современном российском обществе / Науч.-исслед. Ин-т «Фонд ИЭСИ». Волгоград, 2006. 552 с.
4. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Соч. в 2-х т. М., 1991. Т. 2. 736 с.
5. Государственная служба в России: опыт организации и кадрового обеспечения. Документы повествуют. Н. Новгород, 1994. 328 с.
6. Исаев И.А. Правовая культура России. М., 2009. 96 с.
7. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. 127 с.
8. Ключевский В.О. Афоризмы, исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. 415 с.
9. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914. 648 с.
10. Коррупция и борьба с ней. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. 320 с.
11. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. М., 2003. Т. 1. 701 с.
12. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV в.: монография. М., 2003. 416 с.
13. Окусов А.П. Чиновник. Ростов-н/Д, 2004. 200 с.
14. Российское законодательство X – XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: В 9 т. Т. 2 / Отв. ред. Горский А.Д.; Под общ. ред. Чистякова О.И. М., 1985. 520 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Садыков И.А.

соискатель кафедры теории и истории государства и права УВО,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматриваются современные проблемы теории права и государства. Одной из юридически и социально-значимых проблем позитивного функционирования правопорядка является маргинальность, исследуемая правовым научным сообществом в качестве социально-негативного феномена, изучению которого следует уделять особое внимание.

Ключевые слова: правонарушения, правовой нигилизм, правопонимание, юридическая маргинальность, проблемы права.

Построение современного демократического, правового, социального государства в формате цивилизационного сосуществования международного сообщества, актуализирует проблему качественного, органического развития российского права. Гармонизация национальной правовой системы как необходимая процедурность, ориентированная на сбалансированность и организованность интересов государства, общества и личности в единстве их взаимных, общественных, в том числе правовых отношений, предполагает устранение, предупреждение или минимизацию негативных сопутствующих социальных феноменов, носящих деструктивный для выстраиваемой упорядоченности характер.

Одним из таких явлений, наносящих ущерб общественным отношениям, считается маргинальность, которая выражается в неадаптированности и отчуждении определенной части населения от культурных, политических, экономических, духовных, а также правовых ценностей и традиций, сложившихся в том или ином государстве. Понятие и явление маргинальность является объектом изучения российской гуманитарной науки, но трактуется учеными по-разному, с позиций исследовательского интереса. Например, в юридической науке проблемное поле теории и истории права и государства, включает в себя изучение данного феномена, начиная с 90-х годов прошлого столетия. В этот период в научный оборот теоретического правоведения В.В. Оксамытный вводит такую категорию как маргинальное поведение. Последняя означает, по его мнению, вид правомерного поведения, не отличающегося социальной полезностью и активностью, но, в целом, соответствующее требованиям законам.

Проблема уголовного права и криминологии отличаются от постановки вопросов теорией права и государства и заключаются в изучении феномена маргинальности в качестве общественно-опасного явления. На это специалисты цикла уголовно-правовых дисциплин приводят свои основания и доводы.

Еще в 90-е годы, в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. № 45/12 социально-незащищенные (беженцы, переселенцы, несовершеннолетние, воспитывающиеся в неблагополучных семьях, безработные и т.д.) и социально-неблагополучные (лица, злоупотребляющие спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, неоднократно судимые и др.) официально были признаны маргинальными слоями населения и, в т.ч.,

представляющими опасность для сохранения стабильности общественных отношений на территории различных государств.

Данная резолюция призывает обратить внимание на проблемы маргинальности государственные органы, институты правосудия и правоохранительные системы, средства массовой информации и ученых, разрабатывающих программы и политику предупреждения правонарушений в формате совместной деятельности (Организация Объединенных Наций) [1].

Современная юридическая наука представлена множеством теорий и концепций, которые направлены на изучение причинности совершения правонарушений в отечественном государственном устройстве. Одной из таких теорий является общеправовая теория маргинальности, особое внимание уделяющая изучению комплекса причин и условий, ведущих к дестабилизации законопорядка. Проблемное поле современной теории права и государства значительно расширяется за счет изучения не только непосредственно познания данных феноменов, но и посредством включения в исследовательскую теоретическую сферу явлений, формирующих негативные личностные свойства субъектов, нарушающих правовые предписания.

В этом смысле особую актуальность приобретает проблема преодоления процессов пограничности и неадаптированности, т.е. отчужденности (в широком смысле) личности от ценностно-нормативной системы (права), объясняемая авторами общеправовой теорией маргинальности через формулирование и осмысление понятия «правовая(юридическая) маргинальность».

Каузальная природа правовой маргинальности [2, С. 112-116] формируется, в числе прочего, (политических, экономических, социальных, культурных и других факторов) в силу индивидуальных качеств и свойств внутренней личностной психологической системы субъектов правоотношений (как тех, кому адресована норма права, так и тех, кто ее создает и применяет). Общеправовая теория маргинальности исследует аксиологические и онто-гносеологические основы правосознания, правовой культуры и правового поведения, в том числе профессиональную этику юриста (законодателя, правоприменителя и др.), задействованные в практиках осуществления его нравственно-правового долга по устранению причин, способствующих возрастанию числа граждан, нарушающих действующее российское законодательство.

Осмысление кантовской интерпретации долга – как объективно осознаваемой личностью необходимости поступать в соответствии с постулатом «относись к другому человеку всегда как к цели и никогда как к средству» и предписаниям закона, лежит в основе одной из гипотез, объясняемой общеправовой концепцией маргинальности, предназначенной, в числе прочего, и для осуществления юридической деятельности.

Такая дисциплина в цикле теоретико-правовых наук как профессиональная этика юриста, исследует действенность механизмов мотивационной сферы взаимодействия субъектов в процессе правореализации, находит свое применение при изучении не только в части исполнения, использования и соблюдения правовых предписаний, но и посредством познания особенностей и закономерностей свойств феномена маргинальности, объективизирующихся, например, при создании нормативных правовых актов, заключении разного вида правовых договоров и т.д. субъектами правореализации и правотворчества разных уровней. Двойственность влияния феномена маргинальности на состояние современного законопорядка через

изучение пробельности и несовершенство (отчужденности) действующих источников права – одна из задач исследования указанной теории. Ее цель – построение эффективной, соответствующей реальному культурному, социально-экономическому и иному состоянию общественных отношений, правовой политики, в которой основной идеей является именно всеобщая правовая деятельность государства и всех его органов и учреждений, в том числе конкретных лиц, данные функции осуществляющих.

Оценивая современное качество нормотворчества, многие ученые отмечают его невысокую эффективность и отсутствие соответствующих гарантий реализации. В сфере правоприменения наиболее остро обнаруживаются невысокий уровень правовой культуры, правовой нигилизм, рассматриваемые в данной концепции в качестве отдельных форм проявления правовой (юридической) маргинальности.

С другой стороны, особенности правопонимания, правовоззрения, правосознания иных субъектов правоотношений, то есть тех кому адресованы требования нормотворчества характеризующиеся, по нашему мнению, определенной степенью маргинализированности в силу субъективных и объективных причин, также представляют собой сферу интересов вышеназванной концепции, изучающей маргинальное правосознание конкретных субъектов – исполнителей права, находящихся в маргинальном (отчужденном) положении состоянии и дифференцируемых на социально незащищенные, социально неблагополучные и социально опасные группы.

Одной из основных проблем современной теории права и государства является проблема правопонимания.

Особую роль в построении правовой политики социального государства и прежде всего в процессах нормоустановлений играет тип правопонимания законодателя. Понимание права как предзаданного волей властных органов правила поведения не отвечает правовым установкам современности. Под правом должна пониматься справедливая и разумная мера свободы и равенства, устанавливая для всех субъектов правоотношений (государства, общества, личности), считает Р.Ф. Степаненко [3, с. 25-33].

Концептуальность проблем, изучаемых общеправовой теорией маргинальности в алгоритмах познания отчужденных и порой противоположных субъект – объектных и субъект – субъектных правовых отношений, исследуется и формулируется при помощи междисциплинарного подхода, дающего, как видится, наиболее полные, разносторонние и многоаспектные представления и знания об исследуемой сфере. Например, изучение юридических и социально-психологических аспектов, которые обуславливают состояние пограничности и неадаптированности у отдельных участников правоотношений, проводится исследователями на стыке гуманитарного и естественно-гуманитарного подходов [4, с. 35-45]. Проблема личности в праве, в том числе маргинальной остается весьма актуальной на сегодняшний день. Маргинальная личность (от лат. «margo» – край) – понятие, изначально употребляемое в западной социологии, впервые было введено американским социологом Р. Парком во второй половине 20-х годов 20 века для обозначения социально-психологических последствий неадаптации мигрантов к требованиям урбанизма как образа жизни. Маргинальная личность противопоставляется нормальным общественным отношениям. В 30-е годы социологом Э. Стоунквистом маргинальная личность рассматривается как самостоятельная социологическая концепция с культурологической позиции и определяется им как «культурный гибрид», неизбежно

оказывающийся в «маргинальной» ситуации – на краю доминирующей группы, отторгающей их как отступников.

Западноевропейские, в частности, французские исследования маргинального типа личности, уделяют основное внимание его поведенческим особенностям – девиации, пассивности, аморальности.

Именно при помощи такого методологического подхода возможно уяснение и разъяснение юридической наукой тех факторов и причин, которые становятся детерминантами, обуславливающими правонарушаемость и преступность, совершаемые лицами, ведущими маргинальный образ жизни [5].

Такой многоуровневый подход позволяет сформулировать наиболее обоснованную концепцию правовой политики по преодолению маргинальности, или в другом контексте – политику права, являющуюся одной из доктринальных идей выдающегося российского правоведа Г.Ф. Шершеневича (общая теория права, история философии права и политика права) [6, с. 501].

Еще одной проблемой современной теории права и государства является построение и обоснование теории правовой политики, в рамках которой активно развиваются такие ее направления как информационная правовая политика, правоприменительная правовая политика, образовательная правовая политика и т.д. в которых прямо или косвенно останавливается внимание на предупреждении и преодолении отчуждения субъектов правоотношений от ценностей и смыслов права.

Преодоление причин и условий, формирующих такое сложное исторически устойчивое негативное социально-правовое явление как (правовая) юридическая маргинальность, даже при помощи научно обоснованной правовой политики может показаться на самом деле некоторой утопией. Но ориентация и поиск возможностей гармонизации правовых отношений, в одной из философско-правовых интерпретаций, научно практически реализованы. Например, это прослеживается в провозглашении идеалов свободы, справедливости и равенства на рубеже XVIII – XIX вв. в зарубежной истории и практике права и государства. Эти же идеи получили своё конституционное закрепление неотчуждаемых «естественных» прав и свобод граждан, так же как и идея построения правового государства, нашедшая свое текстуальное выражение в ст. 1 Основного Закона Российской Федерации.

Таким образом, многие из обозначенных современных проблем теории права и государства взаимосвязаны и перекликаются между собой с позиций совершенствования правовых механизмов управления сложным государственным устройством. Комплекс проблем, изучаемых юридической наукой не уменьшается, а скорее имеет тенденцию к увеличению, т.к. развитие цивилизации предполагает видоизменение многих сфер общественных, в т.ч. правовых отношений, требующих своевременного и эффективного юридического реагирования. Наиболее важными из них, конечно, являются проблемы понимания права и построения правовой политики, но проблемы гармонизации правовых систем, как отмечалось, проблемы источников права, правообразования и правотворчества, правореализации, проблемы правомерного поведения далеко не исчерпали себя, несмотря на значительное число научных исследований российских и зарубежных правоведов. В этом смысле, изучение причин и условий возникновения ситуаций отчужденности (маргинальности) личности от правовых ценностей и смыслов, во многом может способствовать осознанию важности многих неразрешенных юридической наукой и практикой вопросов, на пути построения правового государства.

Список литературы

1. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. №45/112: приняты в Эр-Рияде // <http://base.garant.ru/12123837/>.
2. Степаненко Р.Ф. Каузальная природа маргинального поведения: философско-правовые аспекты. *Философия права*. 2013. №2 (57). С. 112-116.
3. Степаненко Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности. *Право и государство: теория и практика*. 2015. №6 (126). С. 25-33.
4. Степаненко Р.Ф. Социально-психологические и юридические механизмы детерминации правовой маргинальности. *Государство и право*. 2016. №5. С. 35-45.
5. Степаненко Р.Ф. Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, ведущими маргинальный образ жизни. диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Казань, 2005.
6. Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб.: Лань, 2001. С. 501.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ И США

Солдатова А.В.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. юрид. наук,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

Солдатов Я.В.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. ист. наук, доцент,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматривается специфика конституционной легитимации социально-экономических прав граждан в Российской Федерации и США, предпринята попытка сравнительного анализа теоретических проблем в формировании системы данных прав, их реализации и защиты.

Ключевые слова: социально-экономические права, права второго поколения, конституционная легитимация, реализация права, защита прав.

Каждое государство обладает уникальным опытом формирования системы социально-экономических прав, их конституционной легитимации. Обращение к сравнительному анализу российского конституционализма с зарубежными странами в этой сфере представляет несомненный научный и практический интерес.

Конституция Российской Федерации провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, а обязанность по их признанию, соблюдению и защите возложила на государство [1]. Конституционное закрепление данной правовой нормы – неоспоримое доказательство приоритетности обеспечения прав граждан. В главе второй отражены такие социально-экономические права как право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и иных случаях, право на жилище, на охрану здоровья и медицинскую помощь, на образование и др. Однако положения, продекларированные даже на уровне Основного закона страны, на практике встречаются не мало препятствий при воплощении их в жизнь, а также при попытках их правовой защиты.

В данном контексте интересным является тот факт, что в США созданы эффективные механизмы защиты таких прав на фоне отсутствия их конституционного признания, ведь в самой Конституции 1787 г. нет упоминаний об этих правах. Права второго поколения в этой стране формируются в процессе законотворческой деятельности федерации и штатов, а также конституционными доктринами Верховного суда. При этом неоднозначность и непоследовательность в признании социально-экономических прав американских граждан в качестве конституционных в правовой науке и практике не служит помехой для их реализации и защиты.

Для лучшего понимания проблемы необходимо кратко остановиться на истории становления американской системы социально-экономических прав. В научной литературе выделяют несколько этапов легитимации данных прав в США. В период с 1900 г. до 1932 г. Верховный суд отменял многие законы штатов и федерации в социально-экономической сфере по причине их несоответствия Конституции. В 30-е годы XX в. Верховный суд под большим давлением Президента и общественности фактически признает наличие и необходимость социальной функции государства через установление соответствия положениям Конституции законов, принятых в рамках «нового курса». В 1960-1970-е гг. Верховный суд начал признавать рассматриваемые права в качестве фундаментальных конституционных прав, приравняв их защиту к защите закона. Фактически, попытки выравнивания экономических возможностей граждан признаются не противоречащими защите основных естественных прав. Начиная с 1980-х гг. ведется деятельность, направленная на возврат к традиционной защите фундаментальных естественных прав (на жизнь, свободу, собственность), тем не менее, можно говорить о продолжающемся процессе легитимации социально-экономических прав как конституционных [2, с. 8-9]. Обратный процесс не представляется возможным, поскольку Верховный суд фактически устоял единство и взаимосвязь социально-экономических прав с вышеназванными фундаментальными правами. Данные права рассматриваются как производные от основных естественных прав.

Совершенно справедливо утверждение о том, что на фоне социально-экономического неравенства теряют свою ценность равенство перед законом и свободы граждан. Следовательно, деятельность государства по выравниванию социально-экономического положения выступает одним из способов защиты именно основных естественных прав. Данное положение – одна из характерных черт правовой специфики США. Таким образом, американский правовой опыт подтверждает справедливость и правильность идеи о неделимости и универсальности системы прав человека, невозможности нормального функционирования и реализации одних прав при ограничении, нереализованности других. К примеру, при необеспеченности социальной стороны жизнедеятельности людей, достойного уровня их жизни деформируется вся структура прав и свобод человека: снижается политическая активность, возрастает политическая апатия, не всегда доступны гарантии прав и свобод [3, с. 24]. В связи с этим, социальная функция государства оказывает непосредственное воздействие на осуществление всего комплекса прав и свобод человека, что имеет важное значение для всех граждан – как экономически благополучных, активных, так и социально «уязвимых». Эффективная же разработка и проведение в жизнь любой функции государства, в том числе социальной, не представляются возможными без формирования комплексной правовой политики, учитывающей этнометодологические особенности, изучаемые в рамках синергетического подхода [см. 4].

При таком понимании и трактовке социально-экономические права, как права, обладающие двойственной природой – естественной и позитивной, уже не могут рассматриваться как второстепенные, полностью зависящие от финансовых возможностей государства и его волеизъявления, что в силу отчасти объективных причин, к большому сожалению, свойственно для российской правовой действительности, несмотря на их конституционное закрепление. Проблема отношения к правам человека второго поколения как к декларативным положениям, целям, к которым необходимо стремиться, и вытекающая из нее проблема реализации возможности их судебной защиты остается нерешенной ни в отечественной юридической науке, ни в практике. Следовательно, представляется закономерным вывод о необходимости сместить акценты в данных спорах с определения природы социально-экономических прав и наличия либо отсутствия субъективного права на их защиту в сторону важности закрепления на конституционном уровне обязанности государства по обеспечению таких прав. Наличие ответственности государства за реализацию рассматриваемой группы прав должно способствовать наполнению принципов конституционализма социальным содержанием, поскольку конечной целью деятельности государства в рамках выполнения социальной функции является обеспечение благосостояния общества в целом.

Таким образом, несмотря на то, что отдельные формулировки социально-экономических прав и их перечень в разных странах могут некоторым образом отличаться, их содержание и цели, на достижение которых направлена реализация этих прав, во многом совпадают – это создание условий для общего благополучия и обеспечение основных естественных прав и свобод человека и гражданина. В этой связи весьма ценным является обращение к опыту зарубежных стран в их подходах к интерпретации данных прав и практике их конституционной легитимации, а также выработки правовых механизмов их реализации и защиты. По итогам проведенного краткого сравнительного анализа приходим к выводу об исключительной важности конституционного признания не столько системы социально-экономических прав, сколько обязанности государства по их обеспечению, поскольку все эти права являются производными от основных естественных прав человека. Именно данным обстоятельством может и должно быть обосновано субъективное право каждого гражданина на их правовую защиту.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Сафонов В.Н. Конституция США и социально-экономические права граждан: историко-правовое исследование. – М.: Норма, 2007. – 272 с.
3. Солдатова А.В. Правореализация в социальной сфере: дисс. ... канд. юрид. наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2012. 200 с.
4. Степаненко Р.Ф. Ресурсы синергетического подхода в современном теоретическом правоведении: опыт исследовательских практик общеправовой теории маргинальности. // Право и политика. 2015. № 5. С. 610-618.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ДОЗНАНИЕ УПРОЩЕННОЙ ФОРМОЙ РАССЛЕДОВАНИЯ?

Хисматуллин И.Г.

заместитель начальника кафедры уголовного процесса, канд. юрид. наук,
Дальневосточный юридический институт МВД России, Россия, г. Хабаровск

В юридической литературе нередко дознание как форму предварительного расследования называют упрощенным или ускоренным. Однако в настоящее время, полагаем, дознание не является ускоренным или упрощенным производством. Дознание представляет собой аналог предварительного следствия.

Ключевые слова: дознание, предварительное расследование, разумный срок, следствие, сокращенная форма.

В настоящее время наличие в уголовном процессе упрощенного досудебного производства не зависит от субъективной позиции того или иного ученого или практика, его необходимость обусловлена различными объективными причинами [1, с. 26]. Имеется в виду экономия процессуальных средств, финансовых затрат, разгрузка следователей и др.

Полагаем, современное дознание как форма предварительного расследования, не имеющее существенных различий с предварительным следствием, не является ни ускоренной, ни упрощенной формой расследования. Как нам представляется, дознание является, скорее, аналогом предварительного следствия.

Необходимо отметить, что данная проблема имеет глубокие исторические корни. Существовая на протяжении многих лет, проблема дифференциации предварительного следствия и дознания остается актуальной до настоящего времени.

А. Квачевский еще во второй половине XIX в. полагал, что дознание по своему отличительному характеру требует быстроты в действиях. Такому характеру и порядку производства должны соответствовать и формы, то есть они должны быть просты, не обременительны и незамысловаты, чтобы не препятствовать деятельности должностного лица, не отнимать у него много времени и не ставить его в затруднительное положение такими порядками «письмоводства», которые не соответствуют его знаниям и образованию. Этим формам вовсе несвойственно сложное следственное производство, имеющее судебный характер и которое обеспечивает обвиняемым и иным лицам, участвующим в следственных действиях, соблюдение и охрану их прав [3, с. 258].

Несмотря на то, что дознание в указанный период не являлось формой предварительного расследования, вышеизложенное мнение А. Квачевского не теряющее актуальности, можно отнести и к современному дознанию.

Кроме того, в законодательных актах, издаваемых в середине XIX в. прослеживалась тенденция по упрощению производства дознания, сокращению ненужной переписки. Так согласно ст. 7 «Наказа полиции о производстве дознания», расспросы производились полицией без особых формальностей и записывались подробно только тогда, когда в полученных сведениях от опрошенного содержались сведения, разъясняющие исследуемое происшествие.

Однако на практике, к сожалению, оказывалось иначе. Полицейское производство нередко было настолько объемным, что в нем заключалось почти все следствие, если полицейский чиновник заботился, чтобы ничего не было упущено при

проведении дознания. Таким образом, получалось два следствия: одно – полицейского чиновника, другое – судебного следователя. Из-за двойной работы такая «письменность» разрасталась до значительных объемов, что в сущности была бесполезной, и большая ее часть представляла занятие в роде «толчения воды и переливания из пустого в порожнее» [3, с. 259].

Причина такого производства, где преобладали формы над содержанием, заключалась в укоренившейся привычке чинов полиции к «порядку и письмоводству», что имело место ранее при проведении полицией формального следствия. Эта привычка, обусловленная долговременным опытом, отчасти была оправданной, так как и в рассматриваемый исторический период отсутствовали разграничения между правами и обязанностями полиции и судебного следователя, а также порядком дознания и следствия [3, с. 260].

При этом не стоит также игнорировать исторический опыт неразумных попыток упрощения процессуальных форм, который приводил нередко к негативным последствиям. Кроме протокольной формы досудебной подготовки материалов, предусмотренной УПК РСФСР 1960 г., которая была подвергнута критике, следует также вспомнить о неудачном опыте упрощения порядка возбуждения уголовного дела по УПК РСФСР 1923 г., когда смешивание функций дознания и следствия, стирание между ними всяких граней способствовало возникновению и распространению тенденции упрощения уголовного процесса, отношения к процессуальным гарантиям как к ненужным, стесняющим формальностям. Так, в целях оперативного расследования и усиления борьбы с преступностью, на основании циркуляра Народного комиссариата юстиции № 93 «Об упрощении уголовного процесса» отменялось обязательное вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, которое было предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством РСФСР. Данный процессуальный документ предлагалось заменить резолюцией милиционера либо следователя или прокурора по поступившей жалобе. Игнорирование значения процессуальной формы привело в результате к снижению качества расследования. На первом Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. осуждалось процессуальное упрощенство и было указано на необходимость соблюдения процессуальных норм, а также возможность возбуждения уголовного дела только при наличии повода и оснований, указанных в законе, с обязательным вынесением постановления. Было признано также, что органы дознания не могут обеспечивать качество расследования преступлений, где имеются сложности в доказывании. Предлагалось передать расследование по делам данной категории следователям, ограничив полномочия органов милиции только производством неотложных следственных действий [5, с. 44-45].

В юридической литературе нередко можно встретить надуманные, оторванные от реальности предложения по сокращению сроков производства дознания до 7-10 суток.

А.В. Победкин считает, что упрощение процессуальной формы неизбежно предполагает изъятие из общего порядка судопроизводства каких-либо процессуальных гарантий: установления истины, защиты прав и законных интересов личности. Действительно, возможность упрощения процессуальной формы за счет изъятия отдельных процессуальных гарантий нельзя исключать. Однако объективный и бесспорный критерий упрощения процессуальной формы, как представляется, не найден. Полагаем, является ошибкой отождествление категории преступления, санкции, предусмотренной за его совершение, со сложностью уголовного дела.

Тенденция к упрощению судопроизводства в зависимости от категории преступления или позиции обвиняемого объясняется исключительно прагматическими, организационными, финансово-экономическими интересами. Попытки объяснить такую необходимость процессуальными аргументами несостоятельны [4, с. 22-23].

К большому сожалению, внесенные в марте 2013 г. поправки в УПК РФ, которыми было введено дознание в сокращенной форме, не смогли (как показывает практика) обеспечить достижение поставленных целей.

Требования положений ст. 6¹ («Разумный срок уголовного судопроизводства») и ч. 2¹ ст. 124 УПК РФ* обуславливают необходимость упрощения порядка производства дознания. При этом, полагаем, дознание как упрощенная и ускоренная форма расследования должна быть единой.

Согласно ч. 1 и 4 ст. 6¹ УПК РФ уголовное судопроизводство необходимо осуществлять в разумный срок. Обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства.

Законодательная идея «разумных сроков» обращает внимание правоприменителя на нецелесообразность выжидательной позиции (принятие решений по окончанию установленных законом сроков). Положения ст. 6¹ УПК РФ обуславливают необходимость производства следственных и иных процессуальных действий в срок, который является действительно необходимым, исходя из правовой и фактической сложности уголовного дела, поведения участников уголовного судопроизводства и иных обстоятельств [6, с. 9-10].

По мнению М.Н. Зацепиной под разумным сроком уголовного судопроизводства следует понимать временный период, включающий в себя «процессуальные сроки рассмотрения сообщения о преступлении, предварительного расследования и судебного рассмотрения, необходимые и достаточные для осуществления по уголовному делу судопроизводства с надлежащей полнотой и объективностью без необоснованных задержек и упрощенства ...» [2, с. 9].

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящее время дознание (как в общем порядке, так и в сокращенной форме) не является упрощенной или сокращенной формой расследования, и представляет собой аналог предварительного следствия.

Дознание как форма предварительного расследования должна быть единой. Требуется, полагаем, упростить производство дознания в общем порядке, одновременно упразднив дознание в сокращенной форме.

Список литературы

1. Власова Н.А., Костылева Г.В., Кузнецова Н.А. и др. Теоретические и правовые основы досудебного производства по уголовным делам в сокращенной форме // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. трудов № 225. М., 2008. С. 24-29.
2. Зацепина М.Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе: понятие, содержание, правовые средства реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.
3. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. Ч. 2. СПб., 1867. 375 с.

* В случае удовлетворения жалобы, поданной в соответствии с ч. 2 ст. 123 УПК, в постановлении должны быть указаны процессуальные действия, осуществляемые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления.

4. Победкин А.В. Обеспечение единства процессуально-организационной формы предварительного расследования // Научный портал МВД России. 2012. № 1. С. 21-29; С. 39-46.

5. Сергеев А.Б. Особенности формирования органов дознания в России // История государства и права. 2002. № 5. С. 39-46.

6. Смолин А.Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. 2010. № 19. С. 9-10.

О РОЛИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА

Хохловский М.В.

Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

Статья посвящена проблеме правовой идентификации правонарушений в области Интернет-коммуникаций. В статье осуществлен анализ ряда материалов со страниц соцсети «ВКонтакте», подтверждающий наличие их экстремистской направленности. Автором позиционируется мысль о том, что научное и юридическое решение данной проблемы возможно лишь в результате междисциплинарного подхода к изучению данного феномена.

Ключевые слова: интернет-преступность, признаки экстремизма, коммуникация, национализм, этнополитическая направленность.

В современном обществе наблюдается широкий размах использования Интернета в незаконных целях. Как пишет Д.С. Пушкин, распространенность противоправных деяний в среде Интернет, а также увеличение их количества в определенной степени стимулируется научно-техническим прогрессом, объективным стремительно развивающимся процессом, связанным с постоянным усовершенствованием вычислительной техники, расширением сфер применения компьютеров и электронных сетей и, в частности, использования всемирной глобальной информационной сети Интернет [2, с. 7]. В связи с этим в правоохранительной сфере возникло новое явление, требующее научной и юридической разработки – это Интернет-преступность, под которой понимаются противоправные общественно опасные деяния, совершенные с использованием сети Интернет.

В последнее время наиболее популярным способом распространения информации, а также привлечения последователей являются социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Facebook». Исследования Интернет-коммуникаций на предмет выявления экстремистской пропаганды [4] показали, что в социальной сети «ВКонтакте» преобладают группы экстремистских организаций этнополитической направленности, деятельность которых определяет идеология вражды и ненависти к людям по их принадлежности по национальному, этническому и расовому признаку.

Сайт «ВКонтакте» является социальной сетью. Социальная сеть – это социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди или организации), и связей между ними (социальных взаимоотношений). Социальная сеть – это некая группа знакомых людей, где сам человек является центром, а его знакомые ветками. С развитием Интернета социальная сеть приобрела статус вида коммуникации. Таким образом, любое действие в социальной сети является актом (средством), направленным на передачу информации

определенному числу лиц, включенных в данный контент в статусе «ветка» (коммуникация) [3]. Исследуемые объекты были размещены в сети Интернет на страницах «NSidea» и «Железный крест» и являются скриншотом web-страницы с сайта «ВКонтакте».

Например, на странице «Железный крест» был размещен фотомонтаж, где Президент России В.В. Путин стоит на коленях на фоне двух офицеров гитлеровской армии и третьего, целящегося из пистолета в затылок В.В. Путина.

Рис. 1. Объект анализа №1

Разместивший фотомонтаж «В. Л.» на форуме интересуется: «Александр, а так?» Александр Н. отвечает: «Виталий, так пойдет». Рядом размещен оркестр, исполняющий музыку, один из музыкантов в каске со свастикой. Обсуждение картинке на форуме демонстрирует признание его участниками необходимости физического уничтожения Президента России В.В. Путина. Наличие этого поста на странице А. С. говорит о том, что он разделяет мнение участников форума о желательности физического устранения президента России силами нацистских сообществ.

Следующее изображение содержит репост, о чем свидетельствует наличие характерного знака, имеющее название «репост».

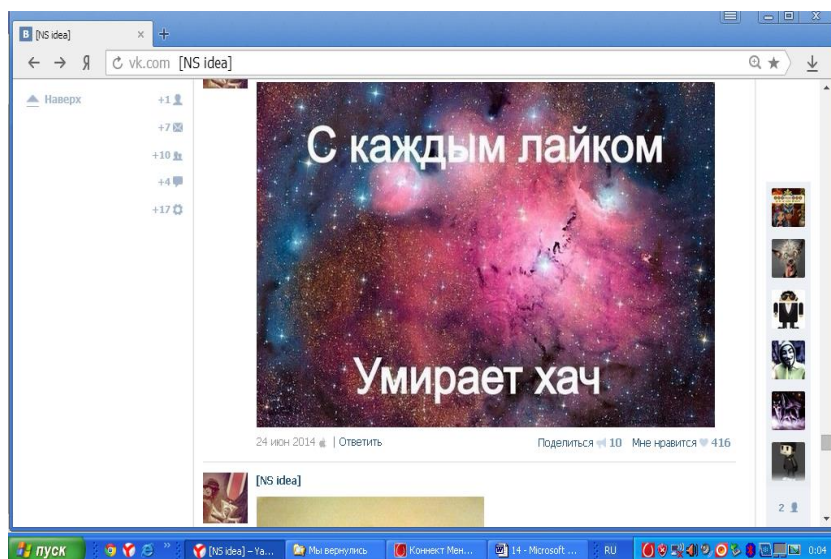

Рис. 2. Объект анализа №2

Репост осуществлен с информационного ресурса интернета, имеющего название «NSidea». Пост содержит текст: «С каждым лайком умирает хач» на фоне фотографии космоса. Исходные позиции интерпретации содержания данного поста заключаются в следующем: использование изображения космоса, довольно частотное в последнее время в интернет-общении, связано с передачей следующего смысла: «космическое, т.е. «самое-самое» – высшая форма переживания какой-либо эмоции, в том числе интеллектуальной». Текст «с каждым лайком умирает хач», соединенный с невербальным объектом (изображением космоса), может содержать различные варианты толкования: 1) «жизнь – это космос, когда нет «хачей», 2) «если тебе это нравится, лайкни, но это великолепие возможно только без «хачей», 3) «чем больше людей выберет это, тем больше «хачей» умрет», 4) «смерть «хача» – удовольствие равное космосу» и т.д. Если учесть, что постер с данным текстом размещен на странице сайта «NS idea», содержащего преимущественно информацию о националистическом движении, то лайк, к которому призывает постер, – это осуществление выбора идеологии национализма. Окончательный вариант интерпретации данного изображения на основе указанного контекста может быть таков: «Выбирай нас! Мы делаем мир космически совершенным – без «хачей»! Одним националистом станет больше – значит, одним «хачом» станет меньше». А если осуществить максимальную свернутость имплицитно выраженных смыслов, то получится: «Приходи к нам и убей «хача!» Данный объект анализа может быть признан оценочно-мотивированным призывом.

Исследование объекта позволяет заключить, что содержание репоста имеет признаки высказывания, содержащего информацию о превосходстве одной религии, нации, расы социальной группы и неполноценности другой и призывает к противоправным действиям на основе национальной розни.

Следующий репост осуществлен так же с информационного ресурса интернета, имеющего название «NSidea».

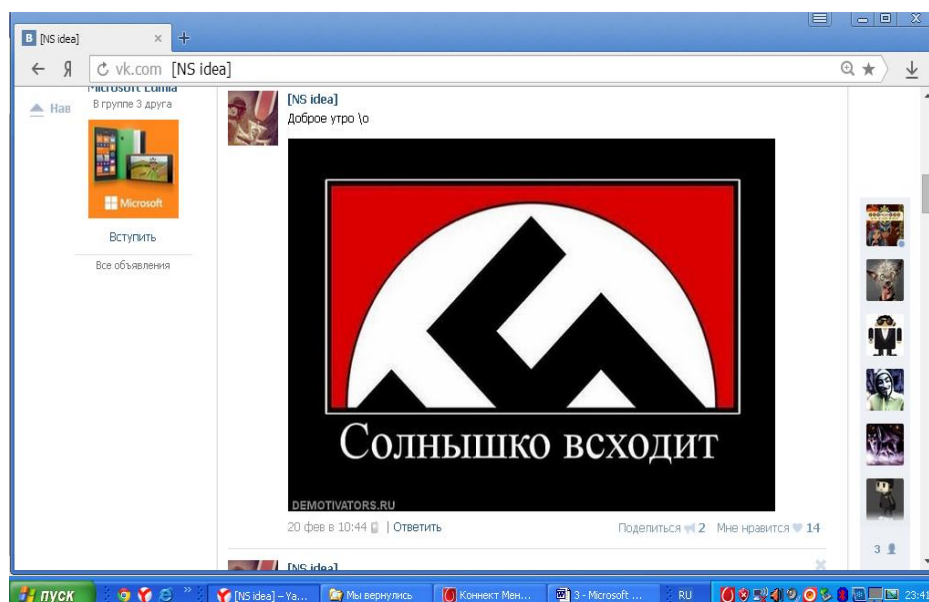

Рис. 3. Объект анализа №3

Анализируемое изображение – это демотиватор, который представляет собой изображение, состоящее из картинка в чёрной рамке и комментирующей её надписи-слогана, составленное по определённому формату. Демотиваторы обладают следующими признаками:

- направлены на удовлетворение культурных потребностей «зрителей-читателей (в смехе, поддержании и трансформации ценностей, идентификации с группой, целеполагании)»;
- обладают «четкими общими чертами, одинаковыми жанровыми особенностями и конвенциональными правилами создания»;
- «обеспечивают реализацию творческого потенциала личности и содержат результат креативного осмысления реальности»;
- существуют преимущественно в рамках Интернета;
- характеризуются принадлежностью к молодежному стилю;
- представляют собой особый вид искусства – «комментирующего» или «интерпретативного» [1, с. 28-33].

Следует обратить внимание, что внутри черной рамки изображена часть флага нацистской Германии. Это видно по сочетанию белого и красного цветов фона и части свастики, выглядывающей из-за рамки. Подпись на черной рамке гласит: «Солнышко всходит». Так как эта часть демотиватора обладает комментирующим свойством, именно в ней заключен смысл, направленный на удовлетворение культурных потребностей читателей, в данном случае, потребность в поддержании определенных ценностей. Солнце в мифологии практически всех народов, в том числе и русской, – позитивный символ, означающий жизнь, тепло и свет. Слово «солнышко» имеет в своем составе уменьшительно-ласкательный суффикс «-ышк-», который придает слову еще более позитивное значение. Часть флага нацистской Германии стилизована под солнечный диск, поднимающийся из-за горизонта. Свастика – древний символ солнца, однако в контексте группы и на фоне бело-красного фона приобретает более конкретный смысл: символ нацистской Германии ассоциируется с позитивным символом солнца. А через него позитивный смысл приобретает не только символ, но и вся система идей, стоящая за ним.

Исследование объекта позволяет заключить, что содержание демотиватора направлено на прославление нацизма и возвеличивание нацистских идеологий.

Следующее изображение, представляет собой коллаж из нескольких картинок.

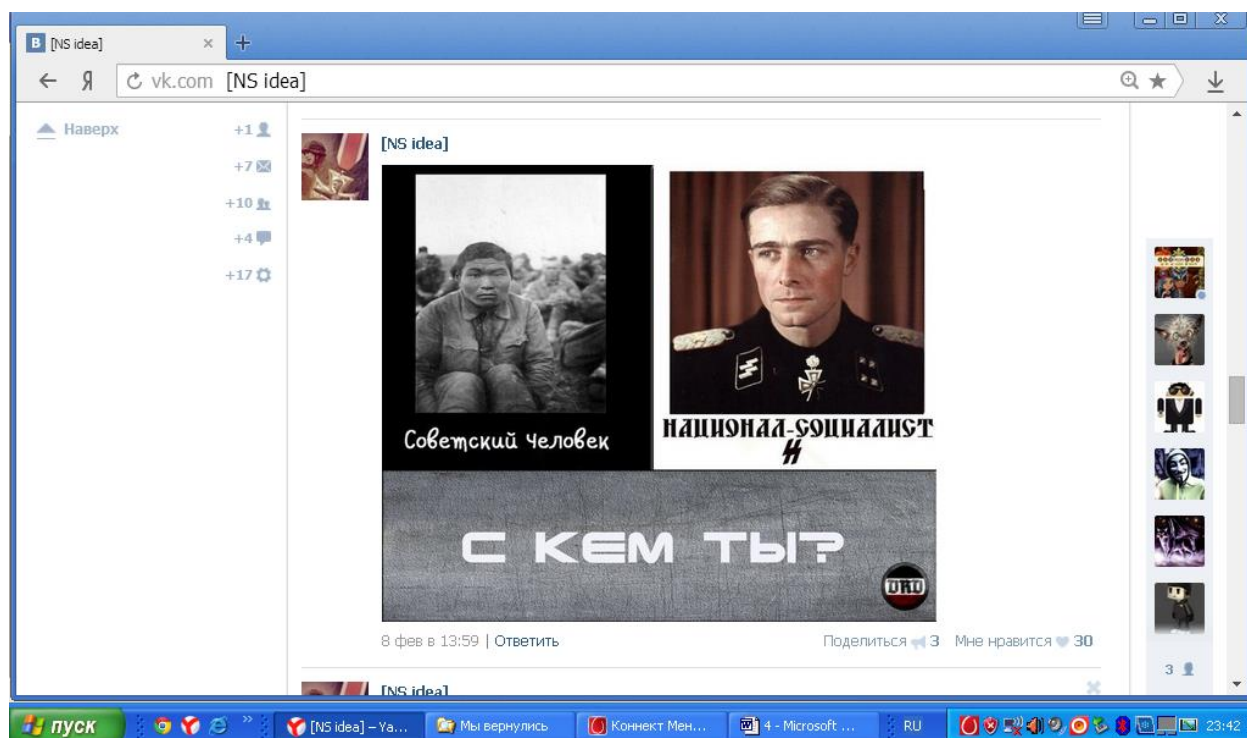

Рис. 4. Объект анализа №4

Слева размещена фотография на темном фоне, изображающая мужчину в бедной одежде, с подписью «советский человек». Справа – фотография на белом фоне, изображающая мужчину в немецкой форме с подписью «национал-социалист». Нижняя часть коллажа представляет собой текст «С кем ты?» на сером фоне. Эта часть изображения объединяет две не связанные ничем верхние. Вопрос «С кем ты?» предполагает возможность выбора – «Ты с советским человеком или с национал-социалистом?».

Этот объект исследования представляет собой типичный пример визуальной персонификации. Текст сообщения сам по себе не несет негативного смысла, но изображения дополняют его. Фотография над подписью «советский человек» изображает человека, поза которого (сгорбленная спина, выставленные вперед плечи и руки, несчастный взгляд), внешний вид (неряшливая прическа, серая одежда, похожая на робу) оставляет в сознании человека негативный собирательный образ людей, живших в СССР и живущих в России. Кроме того, фотография размещена на черном фоне, который символизирует тень, зло. Внешний вид человека на фотографии с подписью «национал-социалист», напротив, оставляет в сознании положительный образ всех национал-социалистов. На это «работает» красивое лицо молодого человека с целеустремленным взглядом, гладкая прическа, военная форма «с иголочки». Фотография размещена на белом фоне, символизирующем светлое начало.

В изучаемом объекте противопоставление построено на основе подмены понятий. «Советский человек» – характеристика человека по признаку его места жительства. Следуя данной логике, корректное построение коллажа должно быть уравновешено картинкой с подписью «германец» или «германский человек», а не «национал-социалист», так как последний термин обозначает характеристику человека по принципу его политических предпочтений. Однако в этом случае была бы утеряна антитеза между понятиями. В противопоставлении «советского человека» и «национал-социалиста» есть историческая связь, которая проявляется в противостоянии СССР и Германии в 1941-1945 гг. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что данное изображение создает в сознании реципиента положительный образ германского человека – приверженца национал-социализма, и отрицательный образ советского (российского) человека. То есть, национал-социализм – хорошо, а идеалы советского человека – плохо. Раскрывая дальше смысл изображения, получаем следующую формулу, которая исходит из противопоставления «советского человека» и «национал-социалиста» в данном контексте: «выбирай национал-социализм и будешь красив, богат, и аккуратен, как человек, изображенный на этой фотографии» или «выберешь образ советского человека, станешь грязным и бедным, как человек, изображенный на этой фотографии». Таким образом, система идеологии национал-социализма предъявляется с положительной стороны, а система идеологии советского человека – с отрицательной. Таким образом имплицитно осуществляется навязывание реципиенту идеологии нацизма, являющейся агрессивной формой этнополитики.

Приведенный выше анализ показал, на наш взгляд, что методы выявления действий экстремистской направленности в сети Интернет, в частности, требует привлечения данных, выработанных в рамках различных наук, и не может быть ограничено только возможностями юриспруденции. В диссертационном исследовании Д.С. Пушкина предложено собственное определение данной среды [2, С.5]. Она характеризуется как всемирная база правовых и иных знаний, включающая в

себя множество различных информационных массивов, которые состоят из законов и иных юридических актов, документов, данных, юридических текстов, объединенных между собой телекоммуникационной информационной «паутиной» или сетью. Проблема выявления противоправных деяний в среде Интернет носит комплексный характер, то есть она является результатом взаимоотношений разнообразных субъектов и объектов мировой информационной среды, и приобретает все большую значимость как для России, так и для государств мирового сообщества в целом.

Список литературы

1. Бабина, Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – С. 28 – 33.
2. Пушкин, Д. С. Интернет и противоправные деяния: Теоретический аспект / Автореф. дисс. на соискание ученой степени к. ю. н.: Москва, 2003 230 с.
3. Семенов, Н. А., Доклад генерального директора «InternetSalesTechnologies» (холдинговая компания, основанная 22 ноября 1994 года в Украине, специализируется на интернет-технологиях) / <http://secl.com.ua/article-vse-o-socialnyh-setjah-vlijanije-na-cheloveka.html>
4. <https://infourok.ru/metodi-viyavleniya-priznakov-propagandi-ekstremizma-v-obrazovatelnoy-srede-posredstvom-seti-internet-1292575.htm>

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЗАЦИИ СЕТИ SWIFT В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Шлюндт Н.Ю.

доцент кафедры конституционного и международного права, канд. юрид. наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматривается современное состояние Общества всемирных межбанковских финансовых каналов связи (Society for Worldwide Inter-bank Financial Telecommunication, SWIFT), которое появилось в форме кооперативной некоммерческой организации, также исследуется активная роль в политизации SWIFT США и ЕС.

Ключевые слова: SWIFT, США, ЕС, глобальная финансовая система, транзакции, финансовые санкции, Telex, политизация.

Все современные банки, тесно связаны друг с другом, будучи интегрированными в глобальную финансовую систему. Поэтому все они нуждаются в коммуникационных сервисах, которые позволяли бы им поддерживать корреспондентские счета. Ранее банковские коммуникации осуществлялись посредством сети Telex, имевшей ряд недостатков. Платежные поручения, которыми банки обменивались между собой, составлялись в произвольной форме, что приводило к большим затратам времени на их обработку и ко множеству ошибок.

Идея разработки общего стандарта и специализированной сети, способных решить проблемы, присущие системе Telex, появилась в банковском сообществе еще в начале 1960-х гг. Однако из-за необходимости плотного сотрудничества банков, конкурирующих между собой в своей повседневной деятельности, эта идея начала реализовываться на практике лишь в 1971 г., когда несколько десятков банков из Западной Европы и Северной Америки совместно профинансировали два исследования, призванных изучить возможность создания специализированной международной коммуникационной сети. Результаты исследований, которые проводили британская Logica, отвечавшая за техническую и финансовую стороны, и американская Stanford Research Institute, занимавшаяся правовыми и организационными аспектами, показали, что проект отраслевой сети может быть реализован в течение короткого времени и в рамках разумного бюджета. Несмотря на дискуссии, разгоревшиеся вокруг того, чьи правила лягут в основу общих стандартов, уже в мае 1973 г. на свет появилось Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи (Society for Worldwide Inter-bank Financial Telecommunication, SWIFT) в форме кооперативной некоммерческой организации [1, p. 13-16].

Местом для штаб-квартиры был выбран Брюссель, стоявший в стороне от традиционного соперничества между Лондоном и Нью-Йорком, тогда как подряды на поставку оборудования и техническую организацию сети достались американской компании Burroughs. Сеть, начавшая работать в мае 1977 г., состояла из двух коммуникационных центров в Брюсселе и Амстердаме, связанных через телефонные линии с национальными концентраторами, которые, в свою очередь, соединялись с терминалами банков-участников. В то время членами SWIFT числились 239 банков из 15 стран [1, p. 16]. С достижением стабильности в работе число участников и число ежедневных транзакций стали постоянно возрастать. Сегодня сеть

включает более 11000 организаций со всего мира, которые ежегодно обмениваются более 6,1 млрд сообщений [2, р. 3].

Не удивительно, что к ресурсам SWIFT проявили интерес политические акторы. Ключевую роль в политизации SWIFT сыграли США, а именно такой институт их политической системы, как Министерство финансов. Среди прочего данный институт занимается сбором информации о финансовых транзакциях, угрожающих национальной безопасности США и их союзников. Для получения такой информации он полагается на традиционные источники и методы – финансовые документы, найденные у террористов, отчеты банков и т.д. Однако с определенного времени его внимание стали привлекать и сообщения, передаваемые по каналам SWIFT. Еще в 1990-х гг. ЦРУ попыталось получить тайный доступ к SWIFT с целью выявления финансовых сетей и транзакций Аль-Каиды, но Министерство финансов США воспротивилось этому, опасаясь недовольства международного банковского сообщества и дезинтеграции международной финансовой системы [3]. Однако сразу же после атак 11 сентября 2001 г. Министерство финансов резко пересмотрело свое мнение, приступив к поиску способов законного и эффективного использования информации от SWIFT. Через шесть недель Министерство финансов, предварительно убедив руководство SWIFT в необходимости совместной борьбы с международным терроризмом, разработало инновационную программу Terrorist Finance Tracking Program (TFTP), призванную анализировать глобальные финансовые транзакции [4, р. 253]. Тем самым США получили в свои руки эффективный инструмент, освобождающий от необходимости работать в судебном порядке со множеством банков, не всегда желающих предоставлять всю имеющуюся у них информацию. Данные собирались в специальной базе данных, доступ к которой имел ограниченный круг лиц, занимающихся исключительно борьбой с терроризмом. Опасаясь за свой бизнес, руководители SWIFT настояли на строгом контроле над собственными данными, получив право наблюдать через своих представителей за функционированием данной программы. Бывший глава SWIFT Л. Шранк, работавший совместно с Министерством финансов США над созданием программы, отмечал, что данные использовались легально, выборочно и подконтрольно, демонстрируя, что даже между задачами обеспечения национальной безопасности и защиты гражданских свобод можно найти «золотую середину» [5].

Современные нормы ведения бизнеса предполагают, что финансовые институты и многонациональные компании должны знать своих клиентов, однако SWIFT составляло до определенного времени некое исключение. Оно считалось лишь простым сервисом передачи сообщений, не обязанным знать ни их содержание, ни то, чем занимаются их отправители и получатели [6, с. 135]. В 2011 г., отвечая на растущее международное внимание к вопросу повышения эффективности санкций, SWIFT объявило о внедрении фильтрационной программы, позволяющей клиентам проверять контрагентов относительно их включения в различные санкционные списки. Однако данное приложение не повысило ответственность SWIFT за возможные в ее сети незаконные финансовые операции, став лишь факультативным средством проверки благонадежности, доступным для его клиентов [7, р. 19]. SWIFT оставалось вне политики, лишь формально реагируя на разворачивающиеся тенденции.

Но уже вскоре американские политики пересмотрели роль SWIFT в современной борьбе на мировой политической арене. Раздел 311 Патриотического акта [8, р. 272], принятого после атак 11 сентября, уполномочил Министерство финан-

сов США заносить организации, занимающиеся отмыванием денег, в список внеправовых финансовых акторов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Решения Министерства финансов касались напрямую лишь американских финансовых институтов, обязанных прекращать отношения с организациями, оказавшимися в этом списке, однако сотрудничество с такими «финансово радиоактивными» организациями автоматически разрывали и многие финансовые институты по всему миру, связанные крепкими узами с финансовой и политической системами США.

К тому времени США уже пользовались плодами «волнового эффекта» от применения раздела 311 для легализации финансовой блокады иностранных финансовых институтов. В сентябре 2005 г. под финансовые санкции попал Banco Delta Asia, финансовый институт из Макао, осуществлявший финансовую деятельность в интересах Северной Кореи [9, р. 101-102]. Когда стало известно, что Северная Корея проводила через этот банк операции, нарушающие введенные против нее санкции, не только американские, но и финансовые институты других стран, в частности, Китая, разорвали с Пхеньяном отношения, опасаясь быть обвиненными в сотрудничестве с неудобным для США режимом.

Вполне очевидно, что в настоящее время происходит экспансия процессов политизации, постепенно охватывающих центральные элементы глобальной финансовой инфраструктуры. Конечно, следует признать, что результативность санкций зависит от того, насколько они подрывают способность правительства вознаграждать своих сторонников и, наоборот, подавлять оппозицию. Политизация SWIFT, инициированная США, может обернуться тем, что и другие акторы мировой политики выразят желание воспользоваться ее преимуществами для решения своих проблем, как это уже имело место в случае пропалестинских организаций в отношении Израиля. В октябре 2014 г. общество SWIFT заявило, что ряд пропалестинских организаций обратился к нему с петицией, требуя отключения израильских финансовых институтов и всей страны от его сети передачи финансовых сообщений [10].

Более того, эффективность применения данного инструмента зависит от одновременного сочетания с действиями по приостановлению работы международных платежных систем, которое непосредственно скажется практически на каждом гражданине попавшей под санкции страны.

Список литературы

1. Scott S.V., Zachariadis M. The Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT): Cooperative Governance for Network Innovation, Standards, and Community. Abingdon: Routledge, 2014. – 192 p.
2. SWIFT. SWIFT Annual Review 2015. La Hulpe: SWIFT, 2016. – 36 p.
3. Meyer J., Miller G. U.S. Secretly Tracks Global Bank Data // Los Angeles Times. 2006. June 23. URL: <http://articles.latimes.com/2006/jun/23/nation/na-swift23> (дата обращения: 12.05.2017).
4. Goede M., Wesseling M. Secrecy and Security in Transatlantic Terrorism Finance Tracking // Journal of European Integration. 2017. – Vol. 39. – № 3. – P. 253-269.
5. Schrank L.H., Zarate J.C. Data Mining, Without Big Brother // The New York Times. 2013. July 2. URL: http://www.nytimes.com/2013/07/03/opinion/data-mining-without-big-brother.html?ref=opinion&_r=0 (дата обращения: 12.05.2017).
6. Шлюндт Н.Ю. Финансовые санкции как инструмент внешней политики современных государств // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 5 (84). – С. 133-136.

7. Dubowitz M., Fixler A. Cyber-Enabled «Swift» Warfare: Power, Blowback, and Hardening American Defenses // Cyber-Enabled Economic Warfare: An Evolving Challenge / Ed. by S.F. Ravich. Washington: Hudson Institute, 2015. – P. 19-25.

8. Public Law 107-56 – Patriot Act (October 26, 2001) // United States Statutes at Large. Vol. 115 (2001). Washington: U.S. Government Printing Office, 2002. – P. 272-402.

9. Buszynski L. Negotiating with North Korea: The Six Party Talks and the Nuclear Issue. Abingdon: Routledge, 2013. – 208 p.

10. Ravid B. International Banking Giant Refuses to Cut Off Israel, Despite Boycott Calls // Haaretz. 2014. October 7. URL: <http://www.haaretz.com/israel-news/business/.premium-1.619514> (дата обращения: 04.05.2017).

СЕКЦИЯ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ»

ОБЪЕМ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИГРОКОВ И ТРЕНЕРОВ В СОРЕВНОВАНИЯХ ПО МИНИ-ГОЛЬФУ

Лысов Е.А.

тренер-преподаватель, Детско-юношеская спортивная школа № 7,
Россия, г. Самара

Корольков А.Н.

доцент кафедры теории и методики физического воспитания и спортивной тренировки,
канд. техн. наук, Московский городской педагогический университет,
Россия, г. Москва

Сопоставляются объемы двигательной активности школьников разного возраста и студентов в условиях учебной деятельности, игроков в гольф и мини-гольф, тренеров по мини-гольф, футбольных судей в соревновательных условиях. Приводятся суждения о достоверности сравнений в зависимости от способа измерений локомоций. Определены объемы двигательной активности игроков и тренеров в спортивном мини-гольфе при проведении официальных соревнований.

Ключевые слова: двигательная активность, локомоции, гольф, мини-гольф, футбол, тренеры, судьи.

Оценка двигательной активности детей, населения, физкультурников и спортсменов является одной из популярных тем исследований. Во многом актуальность этой темы вызвана проблемами в состоянии здоровья населения и необходимостью определения соответствия естественных потребностей в двигательной активности и современным образом жизни, личным желанием оценить суточные затраты метаболической энергии, желанием спортивного сообщества определить стандарты объемов тренировочной нагрузки в различных видах спорта и появлением возможности мониторинга двигательной активности с использованием доступных инновационных технологий. Во многих исследованиях двигательной активности используются данные с использованием различных электронных датчиков сердечного ритма, устройств-фиксаторов перемещения субъекта в пространстве и их комбинаций. Все эти устройства компактны, не затрудняют движений и располагаются на звеньях тела или на туловище обследуемого. В последнее время в обиходе получили широкое использование мобильные приложения фиксации локомоций с использованием мобильных гаджетов.

В качестве локомоций эти устройства обычно фиксируют количество колебаний туловища носителя устройства, осуществляемых с частотой до 2-х герц, которые затем однозначно сопоставляются с количеством шагов и средней длиной шага носителя. Также эти данные могут совмещаться с данными перемещения носителя устройства на основе фиксации его координат на земной поверхности. Таким образом, с некоторой точностью определяется расстояние, которое преодолел владелец гаджета за определенный промежуток времени и среднее количество локомоций.

В спортивной практике и обиходе обычно считается, что игра в мини-гольф является способом проведения досуга и кроме реализации координационных спо-

способностей к проявлениям точности в дозировании движений по усилию и направлению, и способности к регулированию психоэмоционального состояния, не требует значительных затрат метаболической энергии. Однако при участии в официальных соревнованиях по мини-гольфу игрок обычно проходит не менее 4-х раундов по 18 лунок, затрачивая на это не меньше 4-5 часов, в день, а сами соревнования длятся 3-4 дня. При этом и тренер игроков совершает не меньшую работу, постоянно перемещаясь между лунками во время соревнований.

В этой связи представляется интересным установить объем двигательной активности игроков и тренеров во время соревнований и сопоставить его с объемами локомоций в других видах деятельности.

Для решения этой задачи с использованием мобильного приложения «Samsung Health» фиксировалось количество шагов, пройденное расстояние и количество затраченных калорий у игроков и тренеров во время Первенства России по мини-гольфу (6-8 мая 2017 г., г. Самара), Чемпионата России по мини-гольфу (7-9 июля 2017 г., г. Владикавказ) и Первенства Европы по мини-гольфу (2-5 августа 2017 г., Аским, Швеция). Анализировались сведения публикаций, посвященных изучению двигательной активности и находящихся в открытом доступе в электронной библиотеке eLIBRARY. Также проводился опрос игроков в гольф. Результаты проведенных исследований приведены в таблице.

Таблица

Параметры двигательной активности в различных видах деятельности

№	Вид деятельности	Возраст	Метод измерений	Количество локомоций, шт./день	Дистанция, м/день	Время, ч/день	Средняя ЧСС, мин ⁻¹	Затраты энергии, ккал	Автор
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Учебный	Студенты	Теоретический расчет естественной потребности	16500		1,5			Горелов А.А., Кондаков В.Л., Усатов А.Н [5, с.48]
2.	Учебный	Школьники мальчики	Опрос			2,4±1,2			Михайлов Н.Г. [9, с.130]
		Школьники девочки				2,2±1,1			
3.	Учебный	Студенты	Теоретический расчет естественной потребности			1,7-2,1			Горелов А.А., Кондаков В.Л., Усатов А.Н [4, с.27]
4.	Учебный	Старшеклассники	Естественная потребность					2300	Дорони-на Н.В., Немцева Н.А. [6, с.59]
		Мальчики	Полар S810i					2130	
		Девочки	Полар S810i					2070	

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
5.	Футбол	11 – 15 лет				0,75 за игру			Усаков- ский Ю.А., Бова Н.И. [11, с. 76]
6.	Учеб- ный	Школьники 11-13 лет мальчики	Beurer AS- 50 / Easy FIT	9145±18 30	5430	1,7- 2,1			Васенин Г.А., Гер- манов Г.Н., Ма- шошина И.В. [1, 2]
		девочки		7023±14 00	4070	1,1- 1,7			
7.	Футбол	Арбитры	Polar T31		6000- 12000	1,5	150– 170		Чопилко Т. Г., Бе- резка С.М. [12, с. 62]
8.	Биль- ярд	Студенты	Beurer PM 52 и PM 70 / Omron Walk in style One 2.0	1367±21 8 / 45 минут			80- 136		Никитин А.А., Гра- чев А.С. [10, с. 196]
9.	Игро- вой	Дошкольни- ки младшие	Шагомет- рия	10309					Голубева Г.Н., Агеева Г.Ф. [3]
		средние		12119					
		старшие		13192					
10.	Футбол	Арбитры			9340±1 820	1,5	133- 165		Маслен- ников А.В., Со- ловьев М.М. [8, с. 137]
11.	Гольф	Взрослые	iPhone / Map My Walk, RunKeeper		8800	5		1000	Fellner R. [13]
12.	Гольф	Взрослые	Опрос		10630 ±2280	5	До 130		Король- ков А.Н.
13.	Мини- гольф трени- ровки	Юниоры	iPhone / Samsung H ealth	22085 ±2770	17980 ±2530	7-8	71	1242 ±190	Лысов Е.А., Ко- рольков А.Н.
14.	Мини- гольф сорева- нова- ния	Юниоры	iPhone / Samsung H ealth		7100	5	82	527 ±75	Лысов Е.А.
15.	Мини- гольф сорева- нова- ния	Тренеры	iPhone / Samsung H ealth	26680 ±3500	21300 ±2760	7-8	86	1450 ±190	Лысов Е.А., Ко- рольков А.Н.

Как следует из результатов этой таблицы по общему количеству локомоций и дистанции, преодолеваемой спортсменами и тренерами в течение дня при соревнованиях и тренировках по гольфу и мини-гольфу, эти виды двигательной активности, во-первых, значительно превышают нормы естественной потребности (строки в таблице 1, 3 и 4), а во-вторых общее количество локомоций больше соответствующих при занятиях футболом и бильярдом (строки 5, 7, 8 и 10). Кроме того, по этим показателям занятия гольфом и мини-гольфом также выше объемов двигательной активности школьников при подготовке к сдаче норм ГТО в школе «полного дня» [1, 2].

Проведение статистических сравнений объемов локомоций в гольфе и мини-гольфе с использованием критерия Стьюдента ($p=0,05$) подтвердили справедливость гипотезы «Есть различия между выборочными средними». При этом объемы двигательной активности в мини-гольфе при тренировках и объемы двигательной активности тренеров в условиях соревнований больше соответствующих в классическом гольфе. При этом такие различия являются не только статистически значимыми, но и педагогически важными [7].

К перспективам дальнейших исследований очевидно относится уточнение затрат метаболической энергии при игре в гольф и мини-гольф, а также оценка мощности совершенной работы.

Список литературы

1. Васенин Г.А., Германов Г.Н., Машошина И.В. Параметры недельного двигательного режима учащихся, готовящихся к сдаче норм ГТО III-IV ступени / Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, № 2 (120), 2015. С. 26-31.
2. Васенин Г.А. Нормирование двигательного режима у учащихся 11-13 лет в школе «полного дня» / Г.А. Васенин, Г.Н. Германов, И.В. Машошина // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 11 (117). – С. 15-22.
3. Голубева Г.Н., Агеева Г.Ф. Параметры двигательной активности детей 3-6 лет / Современные проблемы науки и образования. 2017. № 1. С. 120.
4. Горелов А.А., Кондаков В.Л., Усатов А.Н. К проблеме дефицита двигательной активности студенческой молодежи / Культура физическая и здоровье. 2011. № 3. С. 25-29.
5. Горелов А.А., Кондаков В.Л., Усатов А.Н. Технология регулирования двигательной активности студентов в процессе повседневной и образовательной деятельности / Вестник спортивной науки. 2010. № 5. С. 47-49.
6. Доронина Н.В., Немцева Н.А. Психоэмоциональная напряженность и двигательная активность у школьников средних классов / Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, № 10 (92), 2012, с. 56-61.
7. Корольков А.Н., Никитушкин В.Г., Германов Г.Н. Педагогическая важность и статистическая значимость различий результатов педагогических экспериментов в спорте / Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. -2016. – №. 1 (131). – С. 111-116.
8. Масленников А.В., Соловьев М.М. Двигательная активность футбольных арбитров различной квалификации / Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 2 (144). С. 135-138.
9. Михайлов Н.Г., Чечельницкая С.М. Двигательная активность как показатель культуры здоровья детей дошкольного и школьного возраста / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 4. С. 129-136.
10. Никитин А.А., Грачев А.С. Влияние игры в бильярд на показатели функционирования некоторых систем организма студентов / Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2016. – № 4 (134). С. 194-197.

11. Усаковский Ю.А., Бова Н.И. Сравнительный анализ объема двигательной деятельности с мячом и без мяча в тренировке различных игровых амплуа юных футболистов 11-15 лет / Физическое воспитание студентов // № 1, 2013. С. 74-77.

12. Чопилко Т. Г., Березка С. М. Структура двигательной активности и показатели частоты сердечных сокращений во время соревновательной деятельности арбитров и ассистентов арбитра высокой квалификации в футболе // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту. – 2015. – N11. – С. 61–66.

13. Fellner R. How far do you really walk during 18 holes? / InsideGolf [электронный ресурс]: <http://www.insidegolf.com.au/news/how-far-do-you-really-walk-during-18-holes/> (дата обращения 16.08.17).

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ЗАНЯТИЯХ ЛЫЖНОЙ ПОДГОТОВКОЙ

Филиппова Е.Н.

доцент кафедры спортивных дисциплин и безопасности жизнедеятельности,
канд. пед. наук, доцент, Мордовский государственный педагогический
институт им. М.Е. Евсевьева, Россия, г. Саранск

Шамаева А.А.

студентка факультета физической культуры,
Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева,
Россия, г. Саранск

Среди всего многообразия физкультурно-оздоровительных средств передвижение на лыжах по ценности для здоровья занимает первое место. Каждая лыжная прогулка – это своего рода самая эффективная прививка от болезней не только биологических, но и духовно-нравственных. В данной статье описаны результаты исследования, где определено влияние занятий по лыжной подготовке для сохранения и укрепления физического развития, а также улучшения физического состояния и физической подготовленности студентов.

Ключевые слова: студенты, физическое развитие, физическое воспитание, физическая подготовленность, физические качества, лыжная подготовка.

Роль физического воспитания в вузах особенно возрастает в настоящее время, в условиях большого потока научной, технической и политической информации, что требует от студентов большого умственного напряжения и затраты физических сил. Систематические занятия физической культурой и спортом способствуют всестороннему гармоничному развитию студентов и содействуют подготовке высококвалифицированных специалистов, выпускаемых высшей школой [1, с. 34].

Лыжная подготовка – это специфический вид как спортивной, так и оздоровительной деятельности, требующий при кажущейся простоте координации движений, проявления выносливости и скоростно-силовых способностей, то есть хорошего уровня физической подготовленности и специального обучения [2, с. 64].

Для повышения физкультурного образования студентов появилась настоятельная необходимость в технологизации учебного процесса, которая обеспечивала бы более высокое качество преподавания лыжной подготовки [1, с. 35].

Поскольку по результатам медицинского осмотра студенты общеподготовительной группы относятся к основной группе, т.е. к практически здоровым, то все контрольно-нормативные требования для них едины. В связи с этим особое место занимает выявление у них уровня развития физического состояния и физической подготовленности (%) до начала занятия и после применения занятий лыжной подготовкой.

Лыжная подготовка проводится в виде лекционного курса и практических занятий в форме зимних учебно-лагерных сборов на 1 и 2 курсах.

Продолжительность учебных занятий составляет 3 часа, что позволяет 50 % времени уделить на качественную организацию подготовки и завершения занятий. Желательно, чтобы одна половина площадки была горизонтальной, а другая имела уклон 3-4°. Лыжня с таким уклоном необходима для того, чтобы разучивать скользящий шаг и одновременные ходы. Нужно проложить две параллельные лыжни на расстоянии 3-5 м в виде двух замкнутых кругов. На внутреннем круге занимаются более слабые или те, кто работает по указанию преподавателя, выполняя отдельные элементы. Преподаватель должен хорошо видеть всех занимающихся, а те, в свою очередь, хорошо слышать даваемые указания и видеть показываемые им упражнения. При передвижении занимающихся по лыжне преподаватель должен стремиться как можно чаще видеть их, замечать внешние признаки усталости, нарушение координации движений, и изредка проверять пульс [3, с. 159].

Физиологическая нагрузка на организм во время ходьбы на лыжах существенно зависит от степени владения техникой передвижения и от скорости передвижения. При недостаточной технической подготовленности требования к сердечно-сосудистой, дыхательной, нервной и другим системам организма, значительно возрастают. Поэтому, в начале занятий на снегу необходимо овладеть теми простыми навыками как бы «чувству лыж», «чувству снега». Для этой цели рекомендуется ряд подводящих упражнений и простых способов передвижения на лыжах:

- 1) поочередное поднятие носков лыж выполнять движением лыж вверх-вниз, влево-вправо, не отрывая пятку от лыжи;
- 2) поочередное поднятие ног с лыжами на месте, сгибая их, как при обычной ходьбе;
- 3) боковые приставные шаги в левую и правую стороны;
- 4) повороты переступанием на месте вокруг пяток и вокруг носков лыж;
- 5) ходьба ступающим шагом без палок;
- 6) подъем на пологий склон ступающим шагом «лесенкой»;
- 7) спуски в основной стойке с пологих ровных склонов [2, с. 325].

После обучения данными упражнениями, можно постепенно переходить к изучению попеременного двухшажного хода в движении, с использованием широкого круга подводящих упражнений, позволяющих постепенно овладеть отдельными элементами, фазами движений и хода в целом [3, с. 160].

Освоив технику передвижения, студенты постепенно переходят и к тренировке, которая заключается в равномерном прохождении дистанции без остановок у юношей 5 км, у девушек 3 км.

В результате исследования после применения занятий по лыжной подготовке, мы рассмотрели влияние данных занятий на физическое состояние и физическую подготовленность студентов.

Если говорить о таком показателе, связанном с дыхательной системой подростков, как окружность грудной клетки, который является одним из немаловажных в физическом развитии, то можно отметить увеличение показателей уровня в процентном соотношении с 24,4 % до 36,9 %.

Одним из способов оценки функционального состояния человека является определение ЖЕЛ. Чем больше жизненная емкость легких, тем выше работоспособность человека, и тем большее количество кислорода поступает в кровь, в ткани и клетки организма. Заметно повысился прирост показателей по ЖЕЛ (очень высокий), а это говорит о том, что лыжная подготовка способствовала увеличению окружности грудной клетки, вследствие чего увеличилась вентиляция воздуха в легких.

Таким образом, организация и проведение занятий по лыжной подготовке, способствовали положительной динамике показателей, характеризующих физическое состояние и физическую подготовленность студентов (табл.).

Таблица

Показатели физического состояния и физической подготовленности студентов до и после занятий лыжной подготовкой

Показатели физического состояния и физической подготовленности	До занятий лыжной подготовкой	После занятий лыжной подготовкой	Р
	M±m	M±m	
Длина тела, см	171,68±1,06	171,84 ±1,06	>0,05
Масса тела, кг	61,2±1,6	59,5±2,66	<0,05
ОГК, см	81,4±0,9	85,7±2,41	<0,05
Кистевая динамометрия, правая, кг	39,6±0,7	44,1±2,9	<0,05
Кистевая динамометрия, левая, кг	36,9±0,7	41,2±2,74	<0,05
Становая динамометрия, кг	112,3±0,7	126,2±2,36	<0,05
ЖЕЛ, мл	3700±1,6	4000±3,6	<0,05
Бег 100 м, с	15,1±0,2	14,0±2,17	<0,05
Прыжок в длину с места, м/см	2,24±0,03	2,35±2,25	<0,05
Подтягивание, кол-во раз	7±0,7	10±2,5	<0,05
Бег 1000 м, мин/с	3,45 ± 2,85	3,33 ± 2,26	<0,05

Анализ динамики показателей физического состояния и физической подготовленности студентов позволил сделать следующее заключение: занятия лыжной подготовкой оказали положительный тренировочный эффект в развитии их физических способностей. В целом показатели физического состояния и физической подготовленности студентов после занятий лыжной подготовкой достоверно улучшились.

При систематических занятиях лыжной подготовкой происходит непрерывное совершенствование органов и систем организма человека. В этом главным образом и заключается положительное влияние занятий лыжной подготовкой на укрепление здоровья.

Список литературы

1. Зубкова, Т. И. Особенности лыжной подготовки при работе со студентами разной степени физической подготовленности / Т. И. Зубкова // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 4. – С. 34-36.
2. Фарбей, В. В. Лыжный спорт и методика его преподавания : учебник / В. В. Фарбей, Г. В. Скорохватова. – СПб. : Российский государственный педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2003. – 516 с.
3. Филиппова, Е. Н. Влияние занятий лыжной подготовкой на физическое состояние и физическую подготовленность студентов / Е. Н. Филиппова, В. А. Мешков // Теоретические и прикладные аспекты современной науки : мат. междунар. науч.-практич. конф. в 10 ч. Ч. IX / под. ред. М. Г. Петровой. – Белгород : ИП Петрова М. Г., 2015. – С. 159-161.

АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ ВИДОВ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОГО СПОРТА В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ПОДГОТОВКИ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ С ЦЕЛЬЮ РАЗРАБОТКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДИК

Шалагинов В.Д.

аспирант, Педагогический институт физической культуры и спорта,
Россия, г. Москва

В статье анализируются личные виды пожарно-спасательного спорта. Оценивается возможность использования средств скоростно-силовой подготовки легкоатлетов при разработке новых методик тренировки в пожарно-спасательном спорте. Определяются биомеханически сходные со спринтом отрезки дистанций.

Ключевые слова: пожарно-спасательный спорт (далее ПСС), стометровая полоса с препятствиями, учебная башня, скоростно-силовые способности.

Пожарно-спасательный спорт в 2017 году отмечает свое 80-летие. В современном формате на протяжении последних 15 лет под эгидой Международной федерации пожарных и спасателей ежегодно проводятся Чемпионаты Мира. С 2014 года начали активно принимать участие в соревнованиях женщины.

Личными видами пожарно-спасательного спорта является преодоление стометровой полосы с препятствиями и подъем в окно учебной башни с помощью штурмовой лестницы. Спортсмен ПСС таким образом является двоеборцем, универсалом, должен показывать хорошие результаты в обеих дисциплинах.

Уровень научно-методического обеспечения тренировочного процесса в пожарно-спасательном спорте был рассмотрен в работе [6] и его можно оценить как крайне низкий.

Легкая атлетика – “королева спорта”. Для нее разработаны многочисленные тренировочные методики, о ней написаны научные труды во многих странах мира. Актуальным является вопрос целесообразности использования педагогических методик из видов легкой атлетики для ПСС.

Целью проведенного мною исследования был анализ личных видов пожарно-спасательного спорта в аспекте биомеханики, энергообеспечения и т.д. для определения возможности использовать средства подготовки из легкой атлетики.

Для достижения указанной цели было необходимо решить следующие задачи:

- классифицировать личные виды ПСС по параметрам;
- выявить сходные с ПСС по параметрам виды легкой атлетики;
- определить процентное соотношение спринтерских отрезков в личных видах ПСС.

В качестве инструментальных методик использовались: электронный хронометраж, велась параллельная видеосъемка высокоскоростной камерой. Всего видеоанализу подвергнуто свыше 100 забегов сильнейших спортсменов: 30 мужчин и 30 женщин в стометровой полосе с препятствиями и подъеме в 4 этаж учебной башни у мужчин и во 2 этаж у женщин, на Чемпионате Мира 2016 г.

Классифицировать личные виды пожарно-спасательного спорта можно по следующим параметрам:

- а) по характеру взаимодействия с соперниками – параллельное противоборство соперников на дистанции, индивидуальное участие);

б) по энергообеспечению мышечной деятельности в период состязания – анаэробный (источники энергии АТФ и Кф);

в) по биомеханическому характеру движений-смешанный (состоит из циклических и ациклических движений);

г) по проявлению физических качеств – преимущественно скоростно-силовой.

Полученные параметры личных видов пожарно-спасательного спорта позволяют найти сходные скоростно-силовые виды легкой атлетики (прыжки, метания, спринтерский бег).

Далее проанализировав состав дистанций личных видов ПСС необходимо найти связь со скоростно-силовыми видами легкой атлетики. В работе [1] были подробно рассмотрены кинематические характеристики преодоления стометровой полосы с препятствиями и подъем в окно 4 этажа учебной башни у мужчин. Для изучения процентного соотношения спринтерских отрезков дополнительно были определены кинематические характеристики в личных видах ПСС у женщин.

Результаты спринтерской составляющей в подъеме во 2 этаж учебной башни у женщин и в 4 этаж у мужчин представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Состав дистанции подъем во 2 этаж учебной башни ПСС у женщин

Спринт	Общий Лаз по лестнице	Связка (Финиш)
70%	18%	12%
70%	30%	

Анализируя полученные данные, мы видим, что особенностью упражнения подъем по штурмовой лестнице во 2 этаж у женщин является то, что дистанция состоит из двух совершенно разных по биомеханике движений отрезков: горизонтального спринтерского бега до учебной башни и вертикального лаза по лестнице, установленной на учебной башне. Особенно важным является то, что 70% процентов дистанции составляет спринтерский бег (32,25 м.).

Таблица 2

Состав дистанции подъем в 4 этаж учебной башни ПСС у мужчин

Спринт	Общий Лаз по лестнице	Связки
39%	18%	43%
39%	61%	

У мужчин в упражнении подъем по штурмовой лестнице в 4 этаж учебной башни особенность та же – разделение дистанции на горизонтальный спринтерский бег, но уже со штурмовой лестницей в руке. Вертикальная часть дистанции состоит из лаза и сложно координационных действий со штурмовой лестницей, включающих вертикальные метательные движения снаряда и выпрыгивания вверх. В упражнении у мужчин спринт составляет 39% и является значимой частью дистанции.

Техника выполнения упражнения «Преодоление 100-метровой полосы с препятствиями» определяется способом преодоления двух препятствий забора и бума (первая половина дистанции), выполнения ряда соединений пожарных рукавов между собой, подсоединение пожарного рукава к разветвлению и присоединение пожарного ствола к пожарному рукаву (вторая половина дистанции) [2].

Стометровая полоса препятствий у мужчин и женщин различна в первой половине дистанции по параметрам высоты препятствий (высота забора 70 см у жен-

щин 200 см у мужчин, высота бума 80 см у женщин, 120 см у мужчин), вторая половина одинаковая.

Особенностью дистанции является чередование отрезков с различной частотой бегового шага, скоростью и ритма бега, когда разгон сменяется торможением.

Исходя из полученных данных, можно сказать, что стометровая полоса с препятствиями представляет собой спринт с препятствиями, особенностью которого являются фазы торможения и разгона, как у мужчин, так и у женщин.

Процентные доли спринта и полученные параметры личных видов пожарно-спасательного спорта позволяют найти сходные скоростно-силовые виды легкой атлетики (прыжки, метания, спринтерский бег). Средства тренировки из этих видов можно использовать в составе комплексной системы подготовки в личных видах ПСС. Нельзя также забывать, что в подъеме в 2 и 4 этаж учебной башни есть вертикальная составляющая, у мужчин она составляет 61% и 30% у женщин и требует разработки специального методического модуля. В стометровой полосе с препятствиями требуется специальный методический модуль тренировки соединения рукавной линии к разветвлению [4, 5]. Создаваемая методика тренировки для личных видов пожарно-спасательного спорта, включающая скоростно-силовой и специальные модули будет апробирована в педагогическом эксперименте [3].

Список литературы

1. Германов Г. Н. Модельные характеристики соревновательной деятельности спортсменов различных возрастно-половых групп в пожарно-спасательном спорте / Г.Н. Германов, Корольков А.Н., В.Д. Шалагинов и др. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта -2016. – № 1 (131). – С. 60-69.
2. Григоренко Д.Н. Кинематический и силовой анализ соревновательных упражнений при беге с препятствиями / Д.Н. Григоренко, К.К. Бондаренко, С.В. Шилько // Российский журнал биомеханики. – 2011. Т. 15, – № 3 (53). – С. 61-70.
3. Корольков А.Н., Никитушкин В.Г., Германов Г.Н. Педагогическая важность и статистическая значимость различий результатов педагогических экспериментов в спорте / Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. -2016. – № 1 (131). – С.111-116.
4. Шалагинов В. Д. Определение оптимального соотношения скорости бега и торможения при выполнении соединения пожарной рукавной линии к разветвлению в пожарно-прикладном спорте / В.Д. Шалагинов, А.Н. Корольков, В.А. Сморгачев // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 4 (117). – С. 196-199.
5. Шалагинов В.Д. Методика повышения эффективности стыковки пожарной рукавной линии с пожарным разветвлением в преодолении стометровой полосы препятствий / В.Д. Шалагинов // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании: Материалы V межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. – 2016. – С. 377-379.
6. Шалагинов В.Д., Германов Г.Н. Проблемы методического сопровождения спортивной подготовки в пожарно-спасательном спорте // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: материалы межведомственного круглого стола (25 ноября 2016 г.). – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. – С. 173-176.

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ФУТБОЛОМ НА ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Шамаева А.А.

студентка факультета физической культуры,
Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева,
Россия, г. Саранск

Развитие физических качеств и овладение разнообразными двигательными навыками у начинающих футболистов оказывают непосредственное влияние на все стороны их подготовки, но больше всего это способствует повышению уровня технической и тактической подготовленности юных футболистов. Таким образом, в данной статье рассматривается влияние занятий футболом на физическое состояние юных футболистов.

Ключевые слова: юные футболисты, физическое состояние, физическая подготовленность, физические качества.

Футбол без преувеличения можно считать самой популярной в мире спортивной игрой и даже самым распространенным видом спорта, несмотря на то, что по сравнению с так называемыми классическими видами спорта он имеет небольшую историю. По своему воздействию игра является комплексным и универсальным средством физического воспитания и физического развития. Специально подобранные игровые упражнения, выполняемые индивидуально, в группах, командах создают благоприятные возможности для решения самых различных задач в области физического развития детей [1, с. 13].

Подготовка юных футболистов является многогранным и длительным процессом, который начинается в школе и базируется на данных научных исследований, а также на передовом опыте отечественных и зарубежных специалистов. Развитие физических качеств и овладение разнообразными двигательными навыками у начинающих футболистов оказывают непосредственное влияние на все стороны их подготовки, но больше всего это способствует повышению уровня технической и тактической подготовленности юных футболистов [3, с. 428].

Футбол характеризуется высокой двигательной активностью футболистов, проявляющейся в различных формах перемещений (прыжки, бег, ускорения, рывки с изменением направления). Основными средствами решения задач физической и технической подготовки юных футболистов являются физические упражнения.

В подготовке футболистов используют две группы упражнений, направленных на развитие физических качеств: неспецифические (бег, прыжки, упражнения на силовых тренажерах) и специфические (тактико-технические). Упражнения первой группы способствуют развитию базовых физических качеств (общей выносливости, общей силы), в то время как упражнения второй группы перерабатывают эти базовые качества в специфические [4, с. 23].

Занятия физическими упражнениями оказывают положительное влияние на сердечно-сосудистую систему, положительно влияют на изменения состава крови, улучшают деятельность пищеварительной и выделительной систем.

При правильной методике спортивные занятия в детском возрасте оказывают положительное влияние на формирование организма. Это влияние проявляется двояко: морфологическими изменениями в виде повышенного прироста антропометрических признаков и функциональными сдвигами в виде повышения работо-

способности. При сочетании оптимальных условий особенно заметно влияние физических упражнений на развитие опорно-двигательного аппарата (костной системы), которая в детском возрасте еще претерпевает глубокие изменения. Надо учитывать, что процессы окостенения в детском возрасте еще не завершены.

Футбол оказывает влияние и на развитие скорости у юных спортсменов. В возрасте от 7 до 12 лет интенсивно растет темп движений. Скорость и произвольная частота движений, а также способность поддерживать их максимальный темп к 14-15 годам достигают значений, близких к предельным. У футболистов прирост результатов в беге на 60 м наблюдается между 12-15 годами, а после 15 лет намечается тенденция к некоторой их стабилизации, что в дальнейшем может привести к образованию скоростного барьера [5, с. 104].

Под влиянием физических нагрузок увеличивается работоспособность сердца, содержание гемоглобина и количества эритроцитов, повышается защитная функция крови, что повышает общее физическое состояние организма.

Усиление мышечной деятельности при выполнении физических упражнений заставляет работать с дополнительной нагрузкой сердце, легкие и другие органы и системы организма, повышая тем самым его функциональные возможности, сопротивляемость к неблагоприятным воздействиям внешней среды. У физически тренированных людей наблюдается лучшая переносимость кислородного голодания, действия проникающей радиации на состав крови, устойчивость к перегреванию, охлаждению.

Память на движение у детей с возрастом изменяется как в количественном, так и в качественном отношении. Способность к запоминанию у детей весьма быстро растет в период от 7 до 12 лет. В этот период координация произвольных движений значительно улучшается. Движения выполняются с относительно меньшей, чем прежде, затратой энергии, становятся более точными и быстрыми [2, с. 159].

Занятие футболом оказывает всестороннее воздействие на организм детей и подростков. Большинство упражнений, применяемых с целью повышения физической подготовки юного футболиста, всесторонне воздействуют на организм: укрепляют мышечно-связочный аппарат, совершенствуют функции внутренних органов и систем, улучшают координацию движений и способствуют общему повышению уровня развития двигательных качеств, но в то же время каждое из них преимущественно направлено на развитие того или иного качества [1, с. 66].

Экспериментально доказано, что освоение основ игры футбол в единстве с содержанием образовательной программы в экспериментальной группе приводит к существенному повышению уровня развития физических способностей. Так приросты физических способностей составили: скоростные – 5,4 %, скоростно-силовые – 12,3 %, координационные – 4,7 %, общая выносливость – 13,2 %, гибкость – 4,2 %. В контрольной группе так же наблюдается положительная динамика изменения общей выносливости, силовых, скоростных и координационных способностей [3, с. 431].

Под влиянием физических нагрузок увеличивается работоспособность организма, что вызывает повышение физического состояния. Продолжает формироваться структура тканей, продолжается их рост, хотя темп роста в длину несколько замедляется, а вес тела увеличивается. Мышечная система у детей этого возраста способна к интенсивному развитию, увеличивается жизненная емкость легких, объем сердца увеличивается, суставы детей этого возраста очень подвижны, свя-

зочный аппарат эластичен, скелет содержит большое количество хрящевой ткани [5, с. 127].

Занятие футболом всесторонне воздействует на организм: укрепляют мышечно-связочный аппарат, совершенствуют функции внутренних органов и систем, улучшают координацию движений и способствуют общему повышению уровня развития двигательных качеств, но в то же время каждое из них преимущественно направлено на развитие того или иного качества [4, с. 24].

Таким образом, внеурочные занятия футболом благоприятно влияют на развитие физических способностей детей и подростков. Кроме того происходит развитие сообразительности, чувства товарищества, ответственности, активности каждого ребенка. Подвижные игры и мероприятия соревновательного характера носят, воспитательный характер и помогают учащимся закрепить знания и умения, полученные на уроках по физической культуре [1, с. 137].

Список литературы

1. Андреев, С. Н. Играй в футбол : учеб. пособие / С. Н. Андреев. – М. : Физкультура и спорт, 2010. – 167 с.
2. Антропова, М. В. Физическое развитие подростков и их работоспособность / М. В. Антропова, В. И. Козлов // Физиология подростков. – 2008. – № 5. – С. 158-163.
3. Филиппова Е. Н. Исследование физической подготовленности школьников начальных классов в процессе освоения учебного содержания игры в футбол / Е. Н. Филиппова, М. А. Смолькин // Science Time. – 2015. – № 5 (17). – С. 428-432.
4. Филиппова Е. Н. Специфика физической подготовленности в системе тренировки юных футболистов / Е. Н. Филиппова, К. Э. Чарина // Тенденции развития науки и образования : мат. межд. науч.-практ. конф. – Л-Журнал. – Самара, 2017. – С. 23-24.
5. Фомин, Н. А. Возрастные особенности физического воспитания : учеб. пособие / Н. А. Фомин, В. П. Филин. – М. : Физкультура и спорт, 2002. – 290 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА
КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ РОСТА ЭКОНОМИКИ**

Шнак А.С.

доцент кафедры государственного и муниципального управления, канд. техн. наук,
Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет,
Россия, г. Владивосток

В представленной статье исследованы состояние и имеющиеся предпосылки для формирования и развития инновационной системы региона, а также выявлены основные проблемы развития регионального инновационного предпринимательства как важнейшего механизма в решении задач роста экономики Приморского края. Предложена и обоснована структура инновационной системы региона, определены направления формирования и развития инновационной системы Приморского края.

Ключевые слова: инновационная система региона, региональная экономика, инновационная деятельность, инновационное предпринимательство.

На сегодняшний день в дальневосточных субъектах Российской Федерации нет ярких примеров роста экономики региона на основе эффективного функционирования инновационного предпринимательства.

Исследования, проведенные Останиным В.М. и В.В. Васильевым [5], Рукавицыной М.Н. [9], Жуковой А.Л. и Мансуровым Ю.Н. [1] и другими авторами базируются на анализе преимуществ региона и необходимости развития инновационного сектора в различных сферах экономики, а также необходимости развития законодательной базы на региональном и федеральном уровне. При этом слабо исследованными аспектами остаются пути, формы и способы внедрения результатов научных исследований в производственную практику, популяризация научно-инновационной деятельности среди молодежи и просвещение предпринимателей по вопросам инновационного предпринимательства. Также достаточно мало исследований с предложениями конкретной программы действий, основанной на полноценном научном анализе. Всё это позволяет прийти к выводу, что данная проблема комплексная и во многих аспектах еще не исследована.

Исходя из гипотезы о необходимости ускоренного освоения территорий Дальнего Востока, представляется целесообразным рассматривать инновационную систему региона как важнейший фактор при решении задачи ускорения развития региональной экономики в условиях перехода к 6-ому технологическому укладу.

Приморский край – ключевой регион по интеграции экономики Дальнего Востока в страны азиатско-тихоокеанского региона (далее АТР). Внутри региональные затраты на научные исследования и разработки в Приморском крае за последние три года стабильно составляют не менее 42% от показателей всего ДВФО (таблица 1).

Динамика внутренних затрат на исследования и разработки в Приморском крае за 2008-2015 имеет возрастающую линию тренда (рис. 1).

Имеющийся мировой опыт показывает, что с наибольшей эффективностью создавать, поддерживать и развивать региональную экономику можно за счет объ-

единения ресурсов региональной власти, науки и частнопредпринимательского сектора путем создания инновационной системы региона (далее – ИСР).

Таблица 1

**Внутри региональные затраты на научные исследования и разработки
в Дальневосточном федеральном округе**

в фактически действовавших ценах, млн. рублей

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Дальневосточный федеральный округ	9758,7	11104,7	12144,6	11567,2	13714,3	15568,1
Амурская область	352,8	376,7	449,8	494,1	496,3	491,0
Еврейская автономная область	35,5	82,0	97,1	93,4	92,1	91,2
Камчатский край	1110,6	1106,6	1200,8	1265,1	1258,3	1289,6
Магаданская область	733,2	811,3	843,4	900,1	1054,1	729,5
Приморский край	4100,0	4745,9	5136,0	4932,5	5708,1	6672,4
Республика Саха (Якутия)	1651,7	1994,6	2152,8	2315,9	2469,1	2500,5
Сахалинская область	731,5	863,1	903,4	1010,7	1197,6	1399,0
Хабаровский край	1011,4	1090,1	1326,5	1413,4	1397,5	1956,1
Чукотский автономный округ	32,1	34,1	34,9	33,1	35,4	39,2

По данным источника [8].

На сегодняшний день в Приморском крае созданы определенные условия для создания и развития ИСР:

- присутствует система государственного финансирования предприятий малого бизнеса, использующих инновационные технологии, в том числе организаций, появившихся в результате реализации федерального закона от 02.08.2009 №217-ФЗ [2];

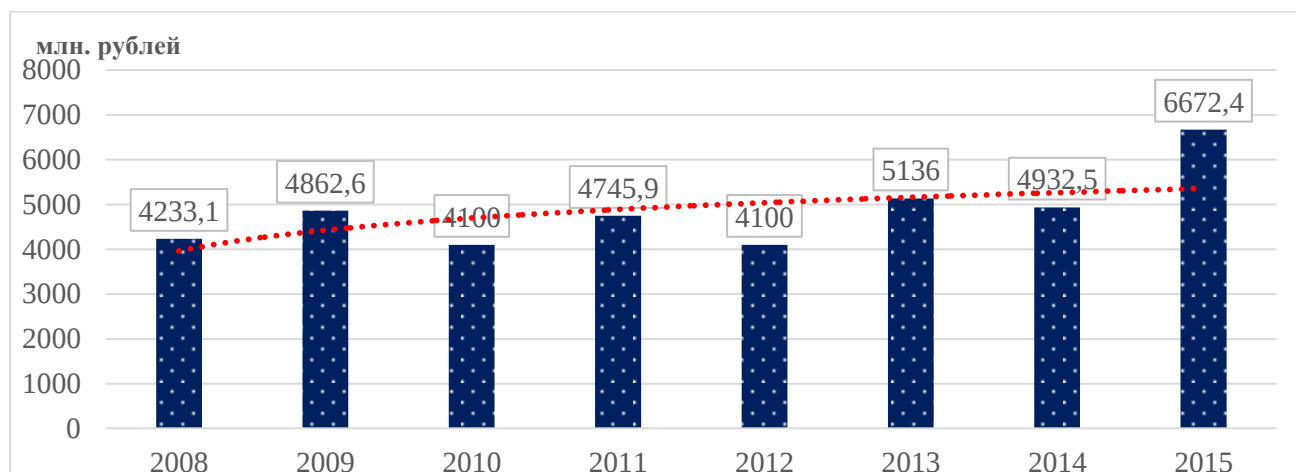

Рис. 1. Динамика внутренних затрат на исследования и разработки в Приморском крае, млн. рублей (Источник: составлено автором по данным [7, 8])

- достаточно высокий уровень образовательной системы и системы кадровой подготовке на базе ВУЗов и научных организаций;
- действие закона от 15.02.2008 №195-КЗ «Об инновационной деятельности на территории Приморского края» [6];
- развитость научной сферы, в частности – присутствие ДВО РАН и других НИИ [11].

Позитивной тенденцией является устойчивый рост объема научно-технических работ и услуг в Приморском крае (таблица 2).

Таблица 2

Объем научно-технических работ и услуг в Приморском крае

млн. рублей

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	5150,5	5023,5	5636,5	6027,1	5779,3	6684,0	7746,4
в том числе:							
исследования и разработки	4894,6	4200,0	4965,6	5241,6	5337,6	5878,1	6882,6
научно-технические услуги	97,8	37,5	161,9	58,3	37,3	21,2	119,4
прочие работы/услуги	158,1	786,0	509,0	727,2	404,4	784,7	744,4

Источник: составлено автором по данным [7, 8].

В имеющихся условиях основным фактором гарантии роста экономики, с точки зрения автора, является повышение эффективности использования результатов научной деятельности, для чего нужно полноценное создание ИСР, при этом интеграция инноваций должна приходиться в первую очередь в сектор производства и сферу услуг.

Анализ структуры инновационных товаров, работ и услуг организаций по видам экономической деятельности показывает, что доминирующую позицию в 77% инновационных товаров, работ и услуг занимает вид экономической деятельности связь, 10% приходится на добычу полезных ископаемых и только 4% на научные исследования и разработки.

Объективно присутствуют и проблемы, тормозящие развитие ИСР Приморского края:

- невысокая рентабельность ведущих сфер, таких как энергетика, рыбная промышленность и морское и сельское хозяйство и т.д.;
- объективное отсутствие условий для появления зон инновационного развития в крае;
- низкий уровень понимания предпринимателями сущности инноваций и, как следствие, низкий интерес к ним;
- практически полное отсутствие института венчурного финансирования, проявившего себя с положительных сторон за рубежом;
- отсутствия должного роста числа организаций, осуществляющих инновации в Приморском крае (рис. 2).

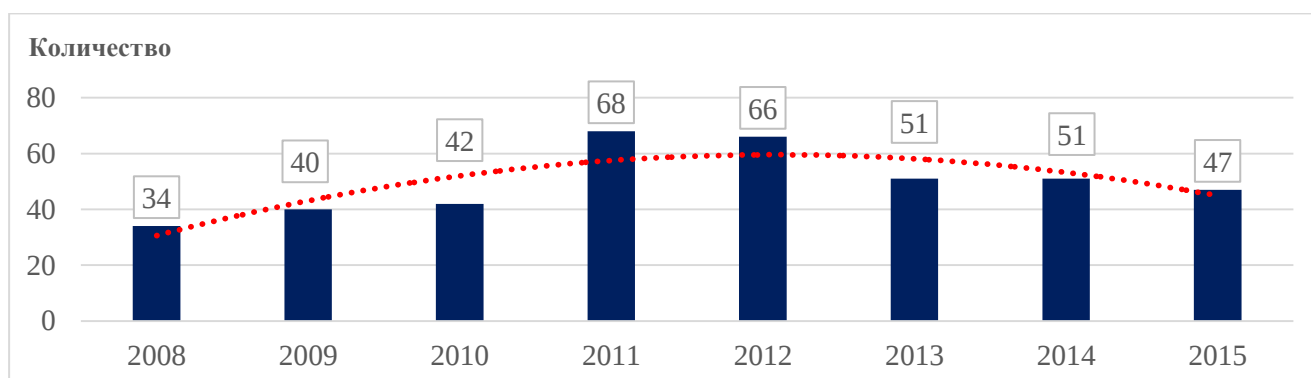

Рис. 2. Динамика числа организаций, осуществляющих инновации в Приморском крае (Источник: составлено автором по данным [12, 13])

Невозможно комплексно проанализировать инновационный сегмент малого предпринимательства, так как в статистических данных он даже не учитывается. Ключевым направлением ИСР является создание и развитие инновационных струк-

тур проектного типа, занимающихся коммерциализацией инновационных разработок. Данные структуры необходимо выявлять и оказывать помощь наиболее интересным коммерчески инновационным проектам для повышения уровня их инвестиционной привлекательности и роста инвестиционного потенциала региона в целом.

Для обеспечения условий по созданию ИСР в крае также важны к реализации и «косвенные» меры:

- проведение конференций, выставок и ярмарок для популяризации инновационной продукции и привлечению внимания и инвесторов;
- включение обучающихся в инновационный процесс с помощью популяризации научно-инновационной деятельности в ВУЗах и колледжах;
- тренинги, для решения вопроса знакомства с инновационным процессом и возможностям по включению в него и интеграции его плодов;
- налоговые преференции для предприятий, ведущих инновационную деятельность или включенных в инновационный процесс.

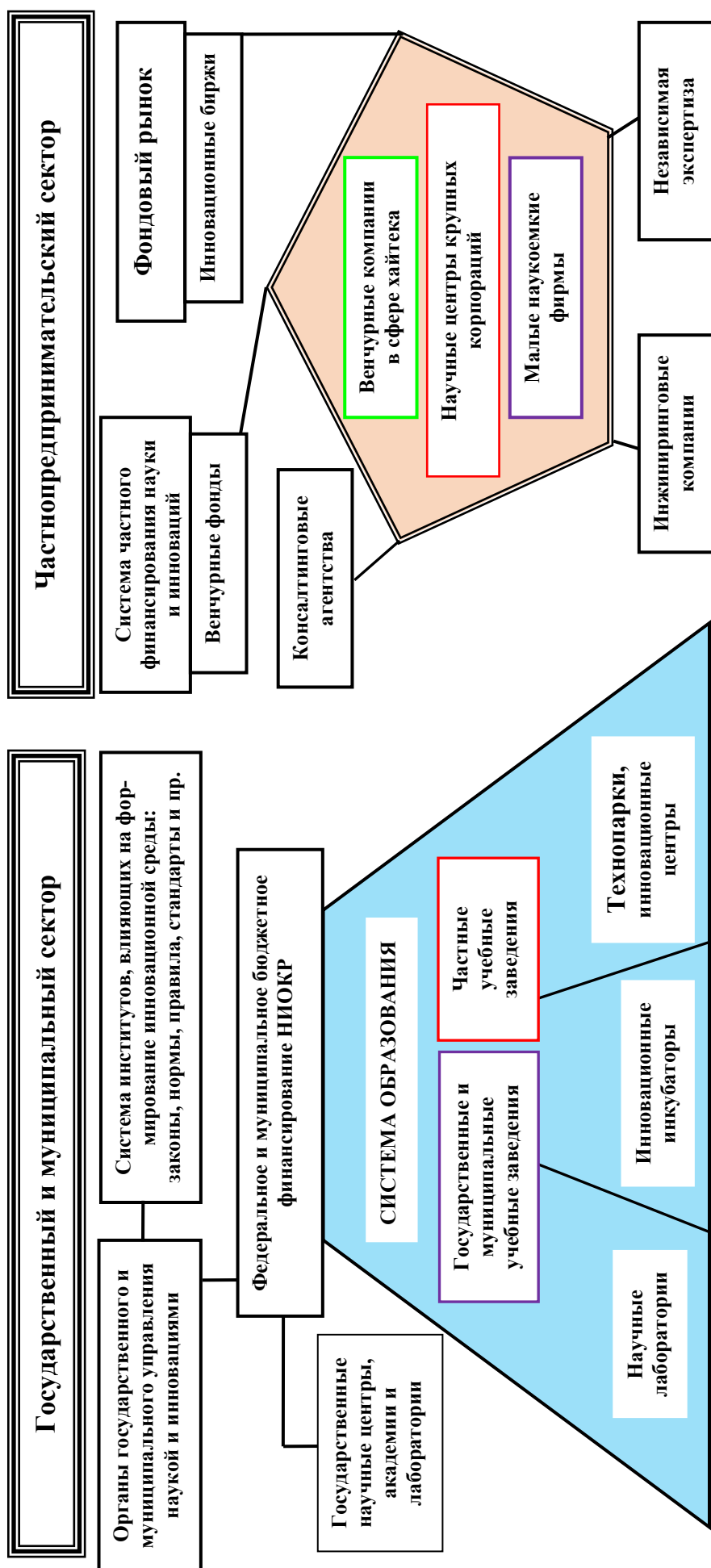
Необходимым для полноценного запуска инновационного процесса, безусловно, является и полноценное использование потенциала региона: особых экономических режимов [3, 4]. Для крупных инвестиционных проектов в Приморском крае установлена система налоговых льгот.

Администрации Приморского края и администрациям муниципальных районов, вошедшим в состав территории СПВ необходимо проводить более активную работу с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, намеревающиеся приобрести статус резидента СПВ, оказывая им информационно-консультационную и правовую поддержку при оформлении заявки и составлении бизнес-плана, выборе видов деятельности и производств, основанных на применении современных технологий и ориентированных на выпуск в СПВ конкурентоспособной в государствах АТР продукции [12, с.200].

Создание ИСР предполагает формулирование стратегии и постановку целей её развития основываясь на потенциальных возможностях региона, муниципальных образований, входящих в его состав, субъектов инновационной деятельности региона и наличия ресурсов необходимых для реализации поставленных задач. С учетом реального состояния экономики региона политика властей всех уровней при создании ИСР сегодня носит ограниченный характер. Продолжается тенденция избирательной поддержки по определенным направлениям, позволяющем решить такие задач, как:

- оказание поддержки бизнесу в освоении направлений, имеющих важное значение для повышения конкурентоспособности региона;
- усилением инновационного потенциала малого и среднего бизнеса региона, реализующих технологические инновации;
- совершенствование инфраструктуры ИСР для организаций, осуществляющих инновации, по различным видам экономической деятельности.

Как представлено в работе [10, с. 102], региональная инновационная стратегия – стратегия промежуточного уровня (мезоуровня) между макро- и микроинновационными стратегиями. Ее роль обуславливается тем, что любой производственный и инновационный процесс имеет территориальную дислокацию. ИСР представляет собой совокупность субъектов инновационной деятельности, институтов, ее обеспечивающих, и взаимосвязей между ними (рис. 3).

Источник: составлено автором

Рис. 3. Структура инновационной системы региона

Исходя из состава и структуры предлагаемой ИРС, можно утверждать, что при укрупненном подходе основными «игроками» на поле ИРС являются предприятия и государство.

Как показала оценка факторов, влияющих на экономику Приморского края, с использованием технологии SWOT-анализа [11, с. 43], одной из сильных сторон инновационной экономики края является высокий научный потенциал, развитый научно-образовательный комплекс с новейшим инновационным ресурсом – Дальневосточный федеральный университет.

Одной из ключевых проблем развития ИРС, по мнению автора, является несбалансированность предложений и спроса на исследования и разработки.

Темпы разработки инновационных продуктов государственного и муниципального сектора НИОКР и их ассортимент не отвечают потребностям растущего спроса со стороны предпринимательского сектора на передовые технологии. Предлагаемые сектором НИОКР отдельные научные результаты, даже мирового уровня, не находят применения в экономике края вследствие общей низкой восприимчивости бизнес-структур к инновациям. Остается низкой восприимчивость частнопредпринимательского сектора к инновациям технологического характера.

Причина слабого участия региональных бизнес-структур в инновационной деятельности в рамках ИРС заключается не столько в недостатке финансовых ресурсов на ведение инновационной деятельности, а сколько в отсутствии у предпринимателей не дорогих ресурсных факторов и ясного понимания важности инновационного развития экономики края, если не в данный момент, то хотя бы в перспективе.

Даже если инновационная деятельность будет начата в срочном порядке и хорошо профинансирована, длительность инновационных разработок не позволит ждать немедленной отдачи от неё. Такая ситуация может возникнуть как в случае исчерпания ресурсов, так и изменения конъюнктуры на рынках ресурсов или в результате повышения уровня оплаты труда вследствие, допустим, реализации социальных государственных программ в крае. С учетом представленных ранее выводов, можно предположить, что одной из основных мер формирования и развития ИРС в настоящее время должно быть экономическое стимулирование ускоренного обновления промышленной базы путем реального инвестирования.

Подводя итоги всего выше сказанного, хотелось бы выделить направления формирования и развития ИРС Приморского края, без которой уже имеющиеся предпосылки не приведут к планируемому уровню инновационного развития экономики края.

Во-первых, необходимо совершенствование законодательной базы, с целью уточнения полномочий федеральных и региональных властей при создании ИРС, а также устранение неточностей и противоречий в законах;

Во-вторых, в ускоренном темпе необходимо начать инфраструктурные перестройки с целью привлечения инвестиций, без которых невозможно развитие инноваций;

В-третьих, важно при конструировании ИРС осуществлять информационное сопровождение, с целью популяризации и донесения его результатов до бизнес-структур и общественности.

В-четвертых, необходимо создание специальной управленческой структуры для формирования и развития ИРС края, которая станет заниматься контролем и коммерциализацией инновационной деятельности, независимо учитывая при этом интересы как частного бизнеса, государства, населения, так и всех других потенциальных участников процесса.

На примере других стран и регионов можно с уверенностью говорить о том, что региональная экономика будет развиваться ускоренными темпами лишь в условиях инновационной среды, созданной ИСР.

Формирование и развитие ИСР – длительный и сложный процесс. Здесь не может быть простых решений, гарантирующих положительный результат, даже если эти решения взяты из российской или зарубежной практики.

По мнению автора, важен не набор предложений по формированию и развитию ИСР, а принципы, которые позволят решать задачи подбора элементов ИСР и достигать их нужного соотношения, и подходы к управлению элементами ИСР на основе механизма самоорганизации. Только запустив эти механизмы и направляя эволюцию в нужном направлении можно надеяться на устойчивое развитие ИСР.

Список литературы

1. Жукова, А.Л., Мансуров Ю.Н. Анализ инновационного предпринимательства в Приморском крае // Актуальные вопросы в области технических и социально-экономических наук. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28867739>.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс]: от 02.08.2009 №217-ФЗ – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12168685/#ixzz4h78r5nn2>.
3. О свободном порте Владивосток [Электронный ресурс]: от 13.07.2015 №212-ФЗ (ред. от 03.07.2016) – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/.
4. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 29.12.2014 №473-ФЗ. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/.
5. Останин, В.А. Инновации в региональном развитии: монография / В.А. Останин, В.В. Васильев; Российская таможенная, Владивостокский филиал. – Владивосток: ВФ РТА, 2007. – 148 с.
6. Об инновационной деятельности на территории Приморского края [Электронный ресурс]: закон Приморского края от 15.02.2008 №195-КЗ. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/494212345>.
7. Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник / Приморскстат – Владивосток: Изд. Приморскстат, 2011. – 319 с.
8. Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник / Приморскстат – Владивосток: Изд. Приморскстат, 2016. – 321 с.
9. Рукавицына, М.Н. Состояние и перспективы развития инновационной деятельности в Приморском крае // Региональная экономика и управление. №1 (37), 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://eee-region.ru/article/3702/>.
10. Шпак, А.С. Инновационный менеджмент: учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2008. – 276 с.
11. Шпак, А.С. Оценка факторов, влияющих на экономику Приморского края, с использованием технологии SWOT-анализа. // Известия Дальневосточного федерального университета: Экономика и управление, №4 (72), 2014. С.37-57.
12. Шпак, А.С. Процесс формирования резидентов Свободного порта Владивосток // Современные тенденции, перспективы развития экономики и управления в странах АТР: материалы III евразийской науч.-практ. конференции с междунар. участием, г. Владивосток, 17-18 нояб. 2016: кн.1 / науч. Ред В.А. Останин; ред. кол.: А.С. Белов, Е.И. Бережнова и др. – Владивосток: Приморский филиал РАНХиГС, 2016. – С.194-202.

Подписано в печать 08.09.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,30. Тираж 500 экз. Заказ № 241
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а